

83.3/2-Руд/4

Т 76

Жорес Трофимов

**Николай Карамзин
и Симбирск**

Посвящаю
своему правнуку
Артёму ТРОФИМОВУ

833/2=PVC
T76

Жорес Трофимов

5699111

НИКОЛАЙ КАРАМЗИН И СИМБИРСК

Поиски, находки, исследования

Ульяновская областная
научная библиотека
им. В. И. Ленина

Мастер Студия
2013

ББК 8(2Рос=Рус)

Т 70

Трофимов Ж. А.

Т 70 Николай Карамзин и Симбирск. Поиски, находки, исследования. — «Мастер Студия», 2013. — 304 с.: илл.

© Ж. А. Трофимов, 2013

ISBN 978-5-905595-11-0

© Оформление. «Мастер Студия», 2013

От автора

Человек любит место своего рождения и воспитания... Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями...

Н.М. Карамзин¹

Так писал Николай Михайлович в своей статье «О любви к Отечеству и народной гордости», опубликованной во 2-м номере журнала «Вестник Европы» за 1802 год. Милой же родиной для него был Сибирский край, в котором Карамзины обитали уже около полутора столетий и куда вернулся после армейской службы в Оренбуржье его отец Михаил Егорович, отставной капитан Пензенского полка. Местными дворянками были матушка будущего историографа, Екатерина Петровна Пазухина, и появившаяся после её преждевременной кончины мачеха, Авдотья Гавриловна Дмитриева (тётка баснописца). И если учесть, что дед Николая Карамзина был женат на Е.П. Аксаковой, старшая сестра Екатерина была женой С.А. Кушникова, Дмитриевы состояли в родстве с Бекетовыми, а те, в свою очередь, –

¹ Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 92.

с Тургеневыми, Дурасовыми и Пашковыми, то можно представить, насколько обширен был круг родных и близких у Карамзина в Симбирске.

Как и многие другие состоятельные дворяне, Михаил Егорович Карамзин имел в Симбирске особняк (на Венце) с садом и хозяйственными постройками. С наступлением апрельского тепла семья откочёвывала в село Знаменское, что в 40 верстах южнее города, недалеко от тракта, ведущего в Пензу, а в конце осени во главе обоза со съестными припасами возвращалась в симбирский особняк. Так что детство историографа протекало как в городе, так и в приволжской глубинке. Пришлось оно на тревожную пору: ведь в 1773-1775 годах в Поволжье и на Урале полыхала крестьянская война под руководством Емельяна Пугачёва.

Николай Михайлович с детства и на всю жизнь с трепетной любовью относился к отчему краю, поддерживал тесные отношения с симбирскими родными и знакомыми. Он одним из первых сделал матушку-Волгу одной из любимых тем российской поэзии. Преклонением перед нею пронизано карамзинское стихотворение «Волга», о «кристальных вод царице-матери» он упоминал в повести «Натаалья, боярская дочь». В широко известных «Письмах русского путешественника» Николай Михайлович немало страниц отвёл описанию красот зарубежной природы, но в письме к своему старшему брату Василию Михайловичу с гордостью заявил:

«Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе».

Вторая половина его жизни и деятельности прошла в Москве и Петербурге, но Николай Михайлович сохранил дружеские связи с родным краем. Добрые чувства к нему, как и неизбывная любовь к волжской природе ярко отразились и в повести «Рыцарь нашего времени», которая имеет автобиографические черты. По мере своих сил и возможностей он способствовал пополнению новинками читальни Дома дворянского собрания, работе в Симбирске книжного магазина и распространению здесь своих журналов «Аглая», «Аониды» и «Вестник Европы», а затем и томов «Истории государства Российского».

В свою очередь, передовая общественность Симбирска испытывала гордость за тот бесценный вклад, который Николай Михайлович внёс в развитие русского языка, словесности и истории, в просвещение и культуру родного края, и преклонялась перед его гражданской смелостью, высоким нравственным обликом великого патриота России. Примечательно, что уже при жизни великого земляка, в декабре 1825 года в Доме дворянского собрания Симбирска были установлены портреты Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева. А весной 1833-го по инициативе суворовского сподвижника генерал-майора Петра Ивашева (отца декабриста), поэта Николая Языкова и их близких началась подписка на сооружение в Симбирске публичной библиотеки в память Карамзина

с его монументом в центральном вестибюле. Этот почин был поддержан в Петербурге И.И. Дмитриевым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.А. Крыловым, Д.Н. Блудовым и другими видными деятелями. Однако первоначальный проект по повелению Николая I был изменён и спустя 12 лет, 23 августа 1845 года, в центре Симбирска состоялось торжественное открытие памятника Карамзину, изготовленного по проекту академика С. Гальберга. А с 18 апреля 1848-го в новом здании Дворянского собрания, сооружённого по проекту академика И. Бенземана, стала работать Карамзинская общественная библиотека, основанная на пожертвования поэта Николая Языкова и сборы по Всероссийской подписке.

С небывалым размахом отметила Россия столетие со дня рождения Н.М. Карамзина. И в этом есть заслуга и Ивана Александровича Гончарова, который в ноябре 1866 года выступил в столичной газете «Голос» с «Заметкой по поводу юбилея Карамзина». С удовлетворением напомним, как в прошлом году общественность страны великолепно отметила 200-летний юбилей Михаила Васильевича Ломоносова – «родоначальника русского просвещения» – наш романист резонно спросил: «Но кому же, после Ломоносова, принадлежит большая доля деятельности в совершении подвига, начатого Ломоносовым, как не Карамзину, проводнику знания, возвышенных идей, благородных, нравственных, гуманных начал в массу общества, ближайшему, непосредственно дей-

ствовавшему ещё на живущие поколения двигателю просвещения? Воспоминания о нём как о писателе и как о благородной, светлой личности ещё живут в современном обществе, ему принадлежат наши живые симпатии...».

Стакими же добрыми чувствами отметили столетие со дня рождения великого земляка и в Симбирске. На торжествах, отмечавшихся 1 и 2 декабря 1866 года, проректор Казанского университета профессор Н.И. Булич выступил с обстоятельным рефератом о жизни и творчестве Н.М. Карамзина. Этот реферат, вместе с другими документами, посвящёнными юбилею, а также истории памятника Николаю Михайловичу и общественной библиотеки его имени были опубликованы в сборнике «Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 дек. 1766-1866 года». В связи с этим юбилеем в местной мужской гимназии на собранные по подписке средства была учреждена Карамзинская стипендия для учащихся². Через год под редакцией инспектора гимназии В.А. Ауновского губернский статистический комитет издал «Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии», в который вошёл очерк «Карамзин» краеведа А.П. Ярового.

В последующие десятилетия, по незыблемой традиции, комитет Карамзинской общественной библиотеки проводил 1(13) декабря торжественные заседания в память о своём великом земляке. Что же

2 ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 426, л. 29.

касается краеведческих разысканий о жизни и деятельности Николая Михайловича, членов его семьи и потомков, то можно назвать лишь одно – это рассказ председателя Симбирской губернской учёной архивной комиссии (СГУАК) Владимира Николаевича Поливанова о посещении им зимой 1908 года сельца Знаменское, Карамзине тож. Вместо господского деревянного дома с мезонином и террасой теперь стояла современная дача, пришли в запустение тенистый сад с липовыми аллеями и искусственный пруд... Зато на кладбище стояла деревянная часовня, построенная на месте старой церкви, а, главное – в полной сохранности стоял оригинальный, из тёмного гранита памятник старшему брату историографа – Василию Михайловичу Карамзину и его дочери Ольге... Полагая, что СГУАК должна взять под своё покровительство это историческое место, Владимир Николаевич предложил создать в родовой вотчине Карамзиных ещё один памятник – «образцовую народную школу». И в том же 1908 году Симбирское губернское земство выкупило у помещицы М.И. Аничковой 14 с лишним десятин земли, а в 1911-м открыло в сельце Карамзине народное училище с четырехлётним курсом обучения имени Н.М. Карамзина³.

Эта школа действовала до 1930-х годов, и, якобы за ненадобностью, занимаемый ею дом был разобран и перевезён в посёлок Майна, где из этого «стройматериала» соорудили по-

3 ГАУО, ф. 46, оп. 2, д. 426, л. 29

мещение для районной ветлечебницы. А сельцо Карамзино, лишившись школы, как и следовало ожидать, стало быстро хиреть... Этим воспользовалось в середине 1990-х годов епархиальное начальство: старенькую церковь тоже разобрали и перевезли в Засвияжье для сооружения здесь храма. А в 1995 году протодьякон Алексей Скала, без согласования с государственными органами, перевёз из сельца Карамзино на бывшее кладбище симбирского Покровского монастыря (сквер И.Н. Ульянова) надгробные политы с могил В.М. Карамзина и его дочери Ольги. Директор Государственного историко-мемориального заповедника «Родина В.И. Ленина» А.Н. Зубов в связи с этим писал в «Ульяновской правде» от 1 июля 1996 года: «Кто дал право о. Алексию решать, что надгробиям Карамзиных лучше лежать на чужом кладбище? Не лучше ли восстановить и сохранить родную могилу?».

И всё-таки, несмотря на эти печальные метаморфозы, происшедшие в историческом сельце, не все потеряно. Нужно и можно восстановить дом Карамзиных, аллеи парка, сад и пруд, могилы В.М. Карамзина и его дочери Ольги и одновременно возродить экономическую и культурную жизнь села. Только таким образом власть и общество покажут России свою любовь и уважение к Николаю Михайловичу Карамзину и его родным.

Грустные мысли рождаются при знакомстве и

с историей дома Карамзиных в Симбирске. Известно, что А.С. Пушкин, покидая 15 сентября 1833 года Симбирск, уже с волжского парома запечатлел в дорожной тетради Венец, три дома – Карамзина и два соседних, а также Смоленский спуск со Смоленской церковью. Но историкам известно, что В.М. Карамзин имел деревянный дом на южном склоне Венца (в районе недавно снесённого кинотеатра «Рассвет»). Авторы сборника «Край Ильича» (Саратов, 1980. С. 102) полагали, что последний дом был снесён, и Василий Михайлович построил себе новый, сохранившийся до настоящего времени (улица Рылеева, 33-а). Однако документы Центрального исторического архива РФ (в Северной столице) позволили мне в 1980-х годах установить, что старший брат историографа владел каменным двухэтажным домом с обширным усадебным местом в другом месте – на пересечении Большой Саратовской улицы (ныне Бульвара А.А. Пластова) и Верхней Набережной по Венцу, то есть в районе общежитий пединститута. В 1803 году Василий Михайлович продал этот дом казне, а себе построил деревянный дом близ Петропавловского спуска, «по Театральной площади». Оба карамзинских дома во время генеральной реконструкции центра Ульяновска в 1960-х годах были снесены, но архивные документы позволяют воссоздать главный из них (который интересовал и Пушкина), причём мы точно знаем предназначение каждой из комнат. В своём очерке «Дом Карамзина»,

опубликованном 8 июня 1991 года, я предлагал воссоздать это историческое здание и создать в нём музей автора «Истории государства Российского»...

Отсутствие научных исследований симбирского периода жизни Н.М. Карамзина обусловило появление печальных последствий. Мало того, что и в 2008 году ничего неизвестно об офицерской службе отца историографа (а это не так уж и сложно выяснить по документам Центрального военно-исторического архива), но до наших дней в печати (и в энциклопедиях 1990-2000-х годов) проскальзывают утверждения, что Н.М. Карамзин родился в селе Михайловка (ныне находящемся в составе Самарской области). Так, в 600-страничной биографии «Николай Карамзин» В. Муравьева, вышедшей в московском издательстве «ЭКСМО» в 2005 году, утверждается: «Николай Михайлович Карамзин родился 1 декабря 1866 года в селе Михайловское, Преображенское тож», расположенном в 50 верстах от Бузулука... И даже в сборнике «Библиотека в документах, письмах, воспоминаниях», вышедшем в мае 2008 года и розданном участникам 13-й Российской библиотечной ассоциации, Л.Ю. Ивашкина (на с. 168) рекомендует читателям книгу М.А. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти», в которой говорится, что Николай Карамзин родился «в деревне Карамзинке, она же и Знаменское». Между тем в моём очерке «О месте рождения Н.М. Карамзина, опубликованном в «Ульяновской правде», а в 1997 году и в книге «Симбирск и симбиряне», обстоятельно доказано, что Н.М. Ка-

рамзин родился в Симбирске, в отчем доме. Немаловажно, что моя точка зрения была напечатана и в «Ульяновской Симбирской энциклопедии» издания 2000 года.

Исследованием этих и других проблем сложной и интереснейшей темы «Николай Карамзин и Симбирск» я занимаюсь четверть века. По результатам работы в архивах и библиотеках Ульяновска, Москвы и Петербурга были изданы книги «Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное» и «Симбирская Карамзинская общественная библиотека» (обе в Москве, в 1992 году), «Рассказы о Карамзинской общественной библиотеке» и «Николай Карамзин и Симбирск» (обе в Ульяновске, в 2008 и 2009 годах).

В нескольких главах предлагаемого читателям нового издания книги «Николай Карамзин и Симбирск» внесены некоторые изменения и дополнения (они весьма существенны при рассказе о 8-месячном пребывании историографа в Нижнем Новгороде во время Отечественной войны 1812 года). Читатель познакомится и с ходом подготовки в Ульяновске к знаменательному юбилею – 250-летию со дня рождения великого симбирянина.

Глава 1. РОД И ПРЕДКИ

В начале 1797 года, когда вышел указ Павла I о составлении в России «Общего дворянских родов Гербовника», обязывавшего дворян представить в Департамент герольдии свои родословные и описания гербов, Николай Михайлович, проживавший тогда в Москве и имевший знакомства в чиновном мире, впервые по-настоящему задумался о своём происхождении и за помощью в розысках вынужден был обратиться в государственные архивы.

Наведение справок оказалось делом нелёгким, и только в конце года он выслал в Симбирск старшему брату Василию Михайловичу первые выписки о роде Карамзиных. И понадобился ещё год, пока 28 сентября 1799 года Николай Михайлович смог уведомить старшего брата, что нашёл всех предков, кроме родоначальника Семиона⁴. В письме от 29 ноября он просит Василия Михайловича припомнить и нарисовать родовой герб Карамзиных: «Без герба свидетельство из герольдии едва ли пойдёт в дело»⁵.

Конечно, братья предполагали, что их фамилия имеет довольно прозрачную тюркскую основу: «кара» — чёрный, «мирза» — титул человека

4 Атений, 1858, № 19. С. 198.

5 Атений, 1858, № 19. С. 199.

знатного происхождения. Впрочем, известно и то, что фамилия Карамзиных проникла через армян, среди которых распространены фамилии Карахан, Карамурза. Но никаких документальных сведений не нашлось, и Василию Михайловичу трудно было представить себе, как должен выглядеть родовой герб. Пришлось положиться на воображение художников герольдии, которые в считанные дни сочинили родовой герб Карамзиных, и 20 декабря 1800 года, после четырёхлетних мытарств, Николай Михайлович с удовлетворением известил старшего брата, что их род «включен в дворянскую книгу, и герб Государем подписан...»⁶.

Литератор В.В. Сиповский в статье «О предках Н.М. Карамзина», опубликованной в февральском номере «Русской старины» (с. 432) за 1898 год, писал в связи с этим: «В гербе Карамзина на голубом поле изображён полумесяц над двумя скрещенными золотыми мечами; это означает, что родоначальник Карамзиных Семион, происходящий из именитых татар, оставя магометанство, принял христианскую веру и что дети его, Дмитрий и Томило, при царе Василии Ивановиче Шуйском и при государе Михаиле Фёдоровиче упоминаются в числе дворян, военною службою отличавшихся, за что и верстаны были тогда поместными и денежными окладами».

Современный исследователь Н.А. Баскаков в книге «Русские фамилии татарского происхождения» (М.,

6 Атений, 1858, № 19. С. 201.

1979. С. 178) полагает, что этот герб Карамзина «свидетельствует о связях фамилии с Востоком, что подчеркивается изображением на голубом поле серебряной луны, обращённой рогами вверх, и под нею крестообразно положенных двух золотых мечей — атрибутов, характерных для выходцев с Востока». Однако и эта, весьма схожая трактовка основана на предположении, связанном с преданиями. Поэтому придуманный задним числом чиновником-художником герб нельзя рассматривать, как безоговорочное свидетельство тюркского происхождения рода. Гипотетически нельзя исключить и иную версию: славянину татары дали кличку «Карамурза», и она по каким-то причинам укоренилась.

Достоверная же история рода Карамзиных, как это указывал ещё П.П. Пекарский, начинается с 22 ноября 1606 года, когда в число нижегородцев, награждённых самозванным «великим князем Дмитрием Ивановичем» за осадную и полковую службу, был включен «Дмитрий Семёнов сын Карамзин». Но этот же нижегородский дворянин и сын боярский Дмитрий Семёнович «был ревностным слугою у Шуйского и не раз получал денежные и поместные оклады (1606, 1608, 1612): за службу «подмошкскую», «за взятие арзамасское», «за касимовскую службу», «за суздальскую» и за другие⁷. Не раз получал Дмитрий Карамзин «за государеву службу» пожалования и в царствование Романовых. Сын его

7 Русская старина, 1898, № 2. С. 432.

Василий упоминается в документах 1629 года в связи с его хлопотами о нижегородском имении, а внук Пётр много послужил Отечеству и значится в числе награждённых за чигиринскую и киевскую службы, достижение «вечного мира с польским королем» и «за службу крымскому походу»⁸.

Первым же из Карамзиных, кто наряду с нижегородскими землями стал владельцем угодий и в симбирском крае, значится Егор Петрович Карамзин, которому дядя Иван Суровцев по грамоте от 21 октября 1704 года отказал «между речек Космынки и Каменки, вверх речки Гуща» участок пахотной земли и сенные покосы, в добавление «к старому его поместью». Последние слова грамоты, как подчёркивал П. Мартынов, указывают, что ещё ранее 1704 года у Егора Карамзина была земля в Симбирском уезде⁹. На этом месте и было основано имение Карамзиных — сельцо Знаменское с деревянной церковью «во имя Знамения Господня». Егору Петровичу в это время было около 24 лет, и он продолжал военную службу, причём не без успеха: в 1722 году он — майор, а в 1731 — уже полковник.

Из «Родословного сборника русских дворянских фамилий» (СПб., 1886) видно, что Егор Петрович скончался в 1763 году в 94-летнем возрасте, оставив жену, Екатерину Петровну (урождённую Аксакову, брат которой Михаил был прадедом писателя С.Т.

8 Русская старина, 1898, № 2. С. 433.

9 Мартынов П. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903. С.98.

Аксакова), с дочерью Пелагеей и сыном-капитаном Михаилом, который уже имел свою семью. Очевидно, в это время Михаил Егорович Карамзин, уйдя в отставку из армии, с женой, Екатериной Петровной (урождённой Пазухиной), дочерью Екатериной и сыном Василием, перебрался из Оренбуржья в симбирское сельцо Знаменское, которое фактически стало родовым имением (впоследствии оно приобретет второе название — Карамзино и всероссийскую известность как родина замечательного писателя и последнего нашего летописца).

Однако сведения о семье, давшей Николая Михайловича, до обидного скудны. Попытки же М.П. Погодина и других авторов описывать его родителей только на основании того, что говорится в повести «Рыцарь нашего времени» об отце Леона, исходя из того, что это произведение для Карамзина очень автобиографично, вызывают сомнения.

В повести говорится, что отец Леона, ветеран «турецких и шведских кампаний», «израненный отставной капитан», после возвращения на родину вздумал в 50-летнем возрасте жениться на «двадцатилетней красавице». В действительности Михаил Егорович до выхода в отставку служил в Оренбуржье. Точные даты рождения родителей историографы неизвестны, но составители библиографического указателя «Н.М. Карамзин» Н.И. Никитина и В.А. Сукайло вполне резонно вдвое уменьшили разницу в возрасте между ними (по сравнению с данными

повести), обозначив вероятные годы рождения Михаила Егоровича десятилетием «1720—1730», а его жены Екатерины Петровны — «1730—1735» годами.

Произведём же дальнейшие уточнения, учитывая следующие обстоятельства. Первенцем четы Карамзиных была дочь Екатерина, вышедшая замуж за чебоксарского помещика С.А. Кушникова и в 1765 году родившая сына Сергея (будущего адъютанта А.В. Суворова и члена Государственного Совета). Это могло случиться в том случае, если бабушка Серёжи родилась не позднее 1730-го, а его мать — около 1747-го, чтобы успеть выйти замуж (тоже в 16-летнем возрасте) и уже в 1765-м иметь ребёнка. Далее. Если взять за дату рождения Михаила Егоровича самый ранний из десятилетия («1720—1730») 1720-й год, то разница в возрасте у родителей будет не 30, а всего лишь 10 лет, и следовательно, к моменту рождения Николая Михайловича (1 декабря 1766 года) его мать была отнюдь не юной, а 36-летней женщиной, а отцу было только 46 лет.

Долгие годы велись споры о дате рождения историкографа. Общественность России готовилась отмечать столетнюю годовщину Николая Михайловича в 1865 году, и только после острой полемики учёные пришли к выводу, что юбилейным следует считать 1866-й. Что же касается места рождения Карамзина, то до сих пор в художественной и справочной литературе высказываются различные точки зрения. Так, в книге Н. Эйдельмана «Последний летописец»

(М., 1983. С. 22) читаем: «Карамзин точно знал, что родился в Симбирской провинции (будущей губернии) в деревне Карамзинке (Знаменское тож)...». Другой видный литературовед, Е. Осетров, в романе «Три жизни Карамзина» (М., 1985. С. 198) убеждает читателей, что его герой родился в самарском селе Михайловка (Преображенское тож), что под Бузулуком... В биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» профессор Ю. Лотман привёл обе версии о месте рождения Н.М. Карамзина, но вместо села Знаменского ошибочно назвал Богородское (село с таким названием в Сызранском уезде считается родиной поэта И.И. Дмитриева).

Краевед В. Сукайло в статье «Родился... в Симбирской губернии» (Ульяновская правда, 1991, 14 декабря) привёл убедительные доводы против «оренбургской» версии и привёл дополнительные доводы в пользу указания Николая Михайловича о том, что он родом из Симбирской губернии. В статье «О месте рождения Н.М. Карамзина» (Ульяновская правда, 1994, 24 мая) я постарался доказать, что Николай Михайлович родился не в глухом сельце, каким было Знаменское, а в городе Симбирске. Это убеждение основано прежде всего на том, что большинство дворян вели сезонный образ жизни: с наступлением апрельского тепла из Симбирска устремились в деревни, а в ноябре, по первопутку, во главе обоза со съестными припасами, возвращались в городские особняки. Для Карамзиных же воз-

вращение в Симбирск осенью 1766 года имело особо важное значение: ведь только в городе Екатерина Михайловна могла рассчитывать на жизненно необходимую помощь медика-акушера.

В каком же доме забилось сердце и прошли детские и школьные годы будущего писателя и историка? Современники, к сожалению, на этот счет не оставили каких-либо свидетельств. И только в последние десятилетия удалось установить, что дом Карамзиных, по крайней мере в последней трети XVIII века, стоял в северной части Верхней набережной, на Старом Венце, у пересечения с Большой Саратовской улицей — там, где сейчас расположилось общежитие педуниверситета¹⁰.

Респектабельный каменный двухэтажный особняк, обращённый передним фасадом к великой реке, был поставлен Михаилом Егоровичем с расчётом, и очень удачно. Здесь, по существу, в начале городской окраины, можно было обустроить усадьбу так же привольно, как и в деревне: с нарядным и хозяйственным дворами, садом, огородом, оранжереями, а также погребами, амбарами, ледниками, конюшней, каретником, баней и другими хозяйственными постройками.

Сравнительная отдалённость от центра предохраняла хозяина от назойливых и незваных гостей. Радовали глаз фруктовые сады, раскинувшиеся по

¹⁰ Трофимов Ж. Дом Карамзина. — Ульяновская правда, 1984, 27 сентября.

всему скату к Волге, и чудная панорама, которая открывалась взору с балкона верхнего этажа особняка. Впереди простирались бескрайние заволжские дали, виднелись слободы Канава, Часовня и Королевка; внизу — волжские пристани и кипучая работа грузчиков, рыбаков, возчиков. «А посреди всего этого, — если сказать словами поэта-симбирянина Д.П. Ознобишина, — красавица Волга в своенравном течении, то широким рукавом обнимающая длинную песчаную отмель, то стелющаяся блестящею синею лентою, по которой в миниатюрном виде, — так высока эта местность, на которой вы стоите, словно художественно выточенные нюрнбергские бирюльки, несутся парусные суда, плывут барки с дровами, тянутся длинные плоты с бревнами...»¹¹.

Карамзинский особняк в перестроенном виде простоял до конца 1960-х годов, пока, из-за пробелов в краеведении, не был снесён.

¹¹ Симбирские губернские ведомости, 1863, 14 июля.

Глава 2. О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

Споры о местах рождения великих людей происходят во многих городах и весях нашего отечества. В Москве, например, краеведы до сих пор дискутируют о доме, в котором появился на свет А.С. Пушкин¹². Исследователи же жизни и творчества Н.А. Некрасова не пришли ещё к единому мнению о его родине: одни полагают, что это местечко Немирово, а другие — село Сеньки Подольской губернии¹³.

Но, пожалуй, рекорды по дискуссиям о местах рождения своих замечательных земляков установлены краеведами Симбирска-Ульяновска: мемориальными досками не отмечены здания, где родились поэты Н.М. Языков и Д.Д. Минаев. Что касается Н.М. Карамзина, то дискуссии ведутся не столько о домах в нашем городе, принадлежавших в XVIII—XIX веках Карамзиным, сколько о крае, который вправе считать Николая Михайловича своим уроженцем: ведь уже полтора столетия в литературе бытует версия и об его оренбургском происхождении.

В автобиографической справке, написанной в 1805

12 Куранты: Историко-краеведческий альманах. — М., 1983. С. 140.

13 Якушин Н. Тропа к Некрасову. — М., 1987. С. 9.

году по просьбе митрополита Евгения для «Словаря русских светских писателей», историограф указал, что он «родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии»¹⁴.

При жизни Николая Михайловича «Словарь» не вышел в свет, но просвещенная Россия и без того ведала, что автор «Истории государства Российского» является симбирским уроженцем. Это ярко проявилось в прошении симбирского дворянства, в котором оно весной 1833 года заявило своему губернатору А.М. Загряжскому о желании «ознаменовать и увековечить высокое уважение» к памяти «уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина» сооружением ему в Симбирске памятника. В соответствии с существовавшими тогда правилами, дворяне просили исходатайствовать «Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели...»¹⁵.

В начале июля 1833 года Николай I согласился с просьбой симбирского дворянства, и уже 21 числа из сообщения в «Северной пчеле» общественность узнала о первых пожертвованиях на симбирский памятник Карамзину. Речь шла об обеде, данном группой литераторов в честь поэта-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга историографа, на котором Дмитриев, П.А. Вяземский,

14 ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 3.

15 РЦИА, ф. 1284. оп. 18, д. 51, л. 3.

А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов, И.А. Крылов, П.А. Плетнев и другие участники обеда подписались на 4525 рублей.

Симбирские дворяне на съезде, прошедшем в августе в губернском центре, избрали комитет под председательством А.М. Загряжского по приёму пожертвований и одобрили замысел проекта увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске в виде здания общественной библиотеки, главную залу которой украшал бы установленный на пьедестале бюст знаменитого земляка.

Исходя из таких благородных побуждений, щедро жертвовали на этот памятник симбирские просветители. Генерал П. Ивашев внёс 300 рублей, его зять Ю. Хованский — 500, братья П., А. и Н. Языковы — 1250, их свояки П. Бестужев и А. Валуев — 200 и 50 рублей. Из других доброхотов большие суммы дали: П. Бабкин — 500, А. Столыпин и А. Тургенев — по 300, братья Бестужевы — 460, А. Татаринов, П. Пазухин и Г. Нейков — по 200 рублей¹⁶.

В связи с изменением проекта увековечения карамзинской памяти (вместо здания библиотеки — монумент) и медленным поступлением средств воплощение его в жизнь затянулось. Между тем такие выдающиеся симбиряне, как поэты И.И. Дмитриев и Н.М. Языков, предпринимали меры по литературному обрамлению будущего торжества в родном

¹⁶ Трофимов Ж. Симбирская Карамзинская общественная библиотека. — М., 1992. С. 6.

Симбирске, связанного с открытием памятника. Важное место при этом отводилось «Похвальному слову», которое они попросили подготовить видного историка Михаила Петровича Погодина.

Тот дал клятвенное заверение Дмитриеву, что исполнит просьбу, но по-настоящему взялся за сочинение «Слова» только в конце 1844 года, когда в печати появились сообщения о том, что памятник Карамзину скоро будет готов. «Н.М. Языков родом из Симбирска, — вспоминал Погодин, — принял в этом живое участие, несмотря на свою тяжёлую болезнь. Ему хотелось издать ко дню открытия альбом в честь Карамзина, за который должен был приняться я». В письме поэт писал историку: «Ты, помнится мне, хотел написать похвальное слово Карамзину и даже соорудить ему памятник не только словесный, но и изустный! Отвечай мне нынче же. Если дашь мне ответ отрицательный, я предложу свою мысль князю Вяземскому; в Москве некому, кроме тебя, за это взяться»¹⁷.

Подобные же просьбы из Симбирска братьев поэта Петра и Александра Языковых, официальные приглашения симбирского губернатора и предводителя дворянства, содействие М.А. Дмитриева, а также семьи Вяземских, предоставивших Погодину возможность сочинения «Похвального слова» в той самой комнате особняка в Остафьеве, в которой

¹⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. — СПб, 1894. Кн. VIII. С. 181.

Н.М. Карамзин творил тома «Истории государства Российского — всё это благотворно подействовало на академика. «Историческое похвальное слово Карамзину» было написано, и тепло напутствуемый Николаем Языковым Погодин уже 17 марта отправился на перекладных из Москвы в заветный город на Волге, чтобы там, на родине незабвенного историографа, «совершить пред его памятником торжественное поминовение об его заслугах И благодеяниях Отечеству...»¹⁸.

В тексте «Похвального слова», с которым М. Погодин прибыл 21 августа в Симбирск, место рождения Н.М. Карамзина фигурировало так же, как и у самого историографа: «в Симбирской губернии». Но уже на первом выступлении со «Словом» в доме губернатора кто-то из старожилов заявил, что Николай Михайлович родился в селе Богородском¹⁹. На повторном выступлении, состоявшемся на следующий день в актовом зале мужской гимназии сразу же после торжественного открытия памятника Карамзину, академик тоже упомянул Богородское как место родины. Но «некоторые» слушатели «заметили, что он родился в деревне Карамзинке». Озадаченный новой поправкой, М. Погодин попросил симбирян доставить ему в Москву «точные данные»²⁰. Через полгода на

18 Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. VIII. С. 184.

19 Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. — Симбирск, 1867. С. 185.

20 Москвитянин. — 1846, № 3. С. 12.

этот призыв откликнулась Н.И. Дмитриева, сестра поэта-баснописца, и сообщила, что Николай Михайлович родился в «селе Михайловке», забыв указать при этом, какого уезда. Положившись на столь авторитетное сообщение, академик в первой главе своего биографического исследования «Н.М. Карамзин», опубликованной в третьем номере журнала «Москвитянин» за 1846 год, вынужден был к фразе «Николай Михайлович Карамзин родился в 1766 г., декабря 1-го числа, в Михайловке, Симбирской губернии... уезда» сделать два примечания. В первом из них, имея в виду три названия родовой вотчины историографа (Богородское, Карамзинка и Михайловка), М. Погодин задался вопросом: «Не принадлежат ли все эти три названия одному селению?». Во втором отметил: «Желательно иметь описание этой деревни и местоположения. Цел ли дом, где родился Карамзин? Мы были бы очень благодарны, если бы кто взялся снять некоторые виды оттуда» (с. 11). Под уточнением «местоположения» имелось в виду и название уезда, в котором находилось загадочное селение.

Отклики поступили так быстро, что академик успел поместить их в следующем, четвёртом номере «Москвитянина». Надежда Никитична Ознобишина, родная племянница Николая Михайловича, сообщила, что он родился «в сельце Карамзинке, в 30 верстах от Симбирска». В письме же поэта Н.М. Языкова передавались слова Александра Михай-

ловича Карамзина, что его знаменитый брат «родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде» (с. 116).

Н.И. Дмитриева, подтверждая эту сенсационную версию, писала: «Что может быть вернее моей справки о родине Николая Михайловича от его родного брата. У него в книге записано рождение целого их семейства, кто где родился. Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож. В Карамзинке родился меньшей его брат, сын моей тётки, Александр, а от первой жены дети все родились в Оренбургской губернии. Отец мой всегда смеялся, говоря своему племяннику: братья твои родились в Оренбургской губернии, кругом башкир, и ни который не похож на башкира, а особенно Николай (у которого белизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и чёрен, как азиатец»²¹.

Казалось бы, что маститый историк, столкнувшись с ещё одной версией — об оренбургском происхождении Н.М. Карамзина, подвергнет её все-сторонней критической проверке на достоверность. Однако М. Погодин был настолько обескуражен разноречивыми сведениями почтенных симбирян, что, не скрывая своей досады, заключил публикацию язвительной репликой: «Предоставляем Симбирску отстаивать свои права, если сможет». Но ставить точку на этом раздумал и с «глубоким сердца вздохом»

21 Москвитянин. — 1846, № 4. С. 116.

добавил о «нашем общем, как бы сказать учтивее... неведении, нашем небрежении ко всему своему: историк, великий гражданин, великий писатель, — мы ставим ему памятник, — и до сих пор окончательно не знаем, где он родился? Когда? Мы спрашиваемся, какое разделение было тогда России... почему мы не знаем этого без всяких справок, не знаем в первоначальных училищах?»²².

Первыми, как и следовало ожидать, перепечатали новую версию из «Москвитянина» кровно в ней заинтересованные «Оренбургские губернские ведомости»²³, а оттуда она как открытие перешла в «Журнал министерства народного просвещения»²⁴.

Симбирское же общество, словно не замечая публикаций об оренбургском происхождении Карамзина, продолжало полным ходом вести работу по дальнейшему увековечению памяти Николая Михайловича — открытию в только что отстроенном на Новом Венце великолепном Доме дворянского собрания «Карамзинской общественной библиотеки». Пожертвования на неё по всероссийской подписке стекались в Симбирск именно как в родной город знаменитого историка.

К сожалению, автор первой биографической книги «Николай Михайлович Карамзин», вышедшей в 1849

22 Москвитянин. — 1846, № 4. С. 116.

23 Оренбургские губернские ведомости. — 1846, № 22: оф. часть. С. 253.

24 Журнал министерства народного просвещения. — 1846, № 6, отд. III. С. 39.

году в Петербурге, А. Старчевский, демонстративно проигнорировав различные точки зрения, публиковавшиеся в печати, безоговорочно внушал читателям, что «Карамзин родился 1 декабря 1765 года в Оренбургской губернии, в селе Михайловке (Преображенское)» (с. 7).

Новым и более значимым вкладом для укрепления «оренбургской» версии стала заметка из Бузулука некоего К. Ивлентьева «Несколько слов о месте рождения историографа Карамзина», появившаяся в «Самарских губернских ведомостях», а перепечатка (17 мая 1852 года) — в «Симбирских губернских ведомостях».

«В 1846 году, — писал автор, — уверились, что вечно достойнейший памяти российской историограф Н.М. Карамзин родился не в Симбирской, а в Оренбургской, ныне Самарской губернии, Бузулукского уезда, в селе Преображенское, Михайловке тож, 1-го декабря 1765 года. Село это принадлежало родителям его... Ошибка произошла от того, что место рождения историографа смешивали с местом рождения брата его Александра».

В Михайловке, замечательной своим прекрасным «местоположением», некогда был «большой господский дом, с садом и оранжереей, и в нём-то, — продолжал К. Ивлентьев, — родился историограф, по уверению помещицы Карауловой, не так давно скончавшейся в преклонных летах, которая хорошо знала всю фамилию Карамзиных. По ее сказанию,

Михаила Егорович Карамзин ездил в Михайловку из своей симбирской деревни хозяйничать и охотиться. В один из таких приездов супруга его решилась историографом, который отсюда увезён младенцем в симбирское имение. От первого брака с Екатериной Петровною Пазухиной он имел трёх сыновей: Василия, Николая и Фёдора, и дочь Екатерину... от второго — с урожденной Дмитриевой — сына Александра и дочь Марфу... Все они уже покойники».

Погодинский «Москвитянин» в июньском номере за этот же год перепечатал заметку бузулукского автора, но уклонился от критической её оценки. А она и тенденциозна, и выглядит малодостоверной. Ведь в 1846 году в том же «Москвитянине» излагались сообщения в пользу как «симбирской», так и «оренбургской» версий. Казалось бы, Ивлентьеву следовало обнародовать воспоминания Карауловой ещё при её жизни.

А вообще-то невероятно, чтобы спустя 80 лет после рождения в оренбургской Михайловке очередного мальчика в семье Карамзиных Караулова (а ведь она сама в 1766 году должна была быть ребёнком) могла твёрдо помнить в 90-летнем или более старшем возрасте, кто именно был младенцем, которого родители увезли в своё симбирское имение, — будущий историограф или, скажем, его брат, Александр Михайлович.

Зато писатель Михаил Александрович Дмитриев,

который в 1846 году сам способствовал публикации в «Москвитянине» сообщения своей тётушки Н.И. Дмитриевой о рождении Николая Михайловича в Михайловке, после появления заметки К.Ивлентьева стал решительным противником «оренбургской» версии.

В 1857 году в «Московских ведомостях» (№ 135) он напечатал, по его мнению, «вернейшее известие» от племянника **Н.М. Карамзина**, «подтвержденное и другими лицами» (выделено мной. — **Ж.Т.**), которое просил считать за «окончательное решение» вопроса о месте рождения нашего историографа: «Карамзин родился, по нынешнему разделению России, Симбирской губернии и уезда, в деревне Карамзинке, она же и Знаменское; а по тогдашнему разделению: Казанской губернии, Симбирской провинции и того же уезда... Оренбургская деревня, которую считали местом рождения Карамзина... тогда ещё не была заселена»²⁵.

Свое сообщение М. Дмитриев ещё раз повторил на страницах «Русского архива» (1865, № 12. С. 1534—1535) и включил в свои мемуары «Мелочи из запаса моей памяти», переиздаваемые и в наши дни. Но сторонники «оренбургской» версии продолжали отстаивать историческое значение Михайловки-Преображенского.

Весомый вклад в пользу этого села внес литератор П.П. Пекарский — один из составителей и комментаторов однотомника «Писем Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву», изданного в 1866 году Академией наук

25 Дмитриев М.А. Московские элегии. — М., 1985. С. 184.

«Ко дню столетней годовщины рождения Н.М. Карамзина». Проигнорировав все доводы М. Дмитриева о симбирском происхождении Николая Михайловича, П. Пекарский на основании выписок из документов, предоставленных архивом Министерства иностранных дел, в пику М. Дмитриеву, убедительно доказал, что Михайловка-Преображенское в 1765 году уже существовала и в ней находился барский дом М.Е. Карамзина.

Но главной ценностью только что выявленных документов стало указание на то, что в Михайловке-Преображенском по соседству с Михаилом Егоровичем обитал отставной майор Александр Кудрявцев: ведь крестный отец историографа носил именно эти имя и фамилию²⁶. Сторонники «оренбургской» версии стали рассматривать последний факт как неопровержимое доказательство её абсолютной достоверности.

В то время, когда сборник писем Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву с комментариями П. Пекарского находился уже в петербургской типографии, комитет Карамзинской общественной библиотеки деятельно вёл подготовку к торжествам по случаю исполнявшегося 1 декабря 1866 года столетия со дня рождения Н.М. Карамзина»²⁷.

На юбилейные торжества в Симбирск прибыли

26 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. — СПб, 1866. С. 454, 455.

27 Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. С. 8.

сын историографа Александр Николаевич Карамзин, проректор Казанского университета профессор Н.Н. Булич, многие помещики края. В начале праздника епископ Симбирский и Сызранский совершил заупокойную литургию и вселенную панихиду, после чего в Доме дворянского собрания состоялся банкет, на котором с особым воодушевлением был принят тост в честь «великого уроженца Симбирской губернии»²⁸.

На литературном вечере, состоявшемся в зале мужской гимназии, профессор Булич во вступительном слове к своему «Биографическому очерку Н.М. Карамзина и развитию его литературной деятельности», словно отдавая дань вежливости слушателям, собравшимся «почтить память своего великого однокорожанина», назвал Карамзина «человеком мысли и слова, родившимся и выросшим» в Симбирске, на своей родине.

В самом же начале очерка Н. Булич неожиданно для многих заявил, что Николай Михайлович родился «не в Карамзинке Симбирской губернии и уезда, а в селе Михайловском Бузулукского уезда. В эпоху же рождения историографа деревня, где он родился, по тогдашнему административному делению, принадлежала к Самарскому уезду, Симбирской провинции, Казанской губернии и Астраханской епархии. Таким образом, — заключил профессор, — вся приволжская страна, начиная

28 Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. С. 12.

с Казани, может считать его своим по месту рождения»²⁹.

Председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки А.П. Языков воздержался от публичной полемики с Буличем, но в вышедшем под его руководством в 1867 году сборнике «Симбирский юбилей Н.М. Карамзина» особо подчеркивалось, что славный отечественный историограф является «симбирским уроженцем и дворянином», чьё детство «прошло в Симбирске или поблизости от Симбирска». Почётный же гость юбилейных торжеств А.Н. Карамзин, сердечно благодаря общественность родины своего отца за память о нём, провозгласил тост «за духовное и вещественное процветание нашего родного Симбирска» (с. 13).

Примечательно, что в «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии» (1868) автор очерка о Н.М. Карамзине краевед А. Яровой твёрдо указал, что Николай Михайлович родился «Симбирского уезда, в селе Знаменском (Карамзинка тож)». Для сомневающихся же сделал примечание: «О времени и месте рождения Карамзина были несогласия, но для словаря митрополита Евгения он сам доставил о себе точные сведения, что и принято всеми учеными» (с. 194).

К сожалению, такое единодушие установилось только среди краеведов Симбирска. Что касается историков и литераторов, проживающих вдалеке

²⁹ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. С. 39.

от Поволжья, то даже в фундаментальных исследованиях и энциклопедических справочниках они по-прежнему использовали обе версии о месте рождения Николая Михайловича.

Симбирские же ревнители старины, даже опытные, печатавшиеся в столичном «Историческом Вестнике», никак не решались аргументированно выступить по этой проблеме и ограничивались выражением недоумения по поводу затянувшейся путаницы.

Даже В.Н. Поливанов, председатель губернской учёной архивной комиссии, побывав в 1903 году в Знаменском-Карамзине, в официальном отчёте коллегам не пошёл далее традиционной констатации: «Грустно сознаться, но до сих пор вопрос о годе (1765 или 1766?) рождения историографа и месте его точно ещё не разрешен. Сам Николай Михайлович считал своею родиной Симбирскую губернию, а потому и нет, может быть, основания не признать за родовую вотчину Карамзина настоящую Карамзинку Симбирского уезда»³⁰.

Эта неразрешённость проявляется и в трудах современных известных авторов. Так, в популярной книге Натана Эйдельмана «Последний летописец» (М., 1983) читаем: «Карамзин точно знал, что родился в Симбирской провинции (будущей губернии), в деревне Карамзинке (Знаменское тож)...» (с. 22). Другой видный литературовед, Евгений Осетров, в

30 Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1903 год. — Симбирск, 1904. С. 30.

романе-исследовании «Три жизни Карамзина» (М., 1985) убеждает читателя, что его герой родился в сарматском селе Михайловка (Преображенское тож), что под Бузулуком... (с. 198). Профессор Юрий Лотман в романе-реконструкции, вышедшем в Москве в 1987 году, уклонился от щекотливой проблемы и ограничился расплывчатой фразой: «За службу отец писателя получил поместье в Симбирской губернии, где и прошло детство Карамзина». В статье же для биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917» (М., 1992) Ю. Лотман о месте рождения Н.М. Карамзина указал конкретнее: «село Михайловка» Бузулукского уезда Симбирской губернии (по другим сведениям — село Богородское Симбирского уезда Симбирской губернии)» (с. 470). Но здесь уважаемым автором допущены две ошибки: Михайловка и Бузулукский уезд входили в XVIII—XIX веках не в Симбирскую, а в Оренбургскую, затем Самарскую губернии, а село Богородское — родовое имение Дмитриевых, находилось не в Симбирском, а в Сызранском уезде.

Подобных примеров разноголосицы и ошибок имеется немало, но пора уже сделать некоторые выводы и сосредоточиться на опровержении «оренбургской» версии, а затем и на обосновании незыблемости указания самого Николая Михайловича, что он родился в Симбирской губернии.

Не подлежит никакому сомнению: первым, кто указал на Михайловку-Преображенское Бузулукского уезда как на родину своего брата-историка,

был Александр Михайлович Карамзин, а распространителями этой версии через погодинский «Москвитянин» 1846 года стали Дмитриевы (его родственники по матери). Их письма к М. Погодину, в свою очередь, породили явно мифические «воспоминания» помещицы Карауловой, появившиеся в печати в 1852 году.

Однако нет серьёзных оснований верить указанию Александра Михайловича. Маловероятно, чтобы о месте рождения старшего брата, имевшего свое представление об этом, знал лучше его младший (почти на 5 лет) брат, к тому же имевший другую мать, да и лишившийся родителей, главного источника подобных сведений, ещё в детстве. Если бы Александр Михайлович вдруг от кого-то и узнал, что старший брат, мол, ошибается относительно места своего рождения, то должен был бы в этом убедить и его, и членов его семьи. Но этого не было. Более того, младший Карамзин ни в одной инстанции не возражал, когда по почину симбирского дворянства с 1833 года проходила всероссийская подписка на сооружение памятника Николаю Михайловичу в родном Симбирске. Молчал он и в 1844 году, когда братья А.М. и П.М. Языковы и их родственники — историк Д.А. Валуев и поэт А.С. Хомяков издали в Москве «Симбирский сборник» с посвящением: «Незабвенной памяти Российского Историографа симбирского уроженца Николая Михайловича Карамзина». Ничем не нарушил Александр Михайлович и торжеств, связанных с открытием в

Симбирске 23 августа 1845 года величественного памятника своему брату.

И только через несколько месяцев, через Дмитриевых, 75-летний отставной прапорщик привлёк внимание широкой общественности к своей персоне сенсационным сообщением, что родиной Николая Михайловича является оренбургское имение их семьи, а он, Александр, появился на свет в симбирском Знаменском-Карамзино.

Эта версия, очевидно, родилась ещё в 1830-х годах, когда младший Карамзин упорно пытается в различных судебных инстанциях страны доказать незаконность завещания старшего брата Василия Михайловича, который родовое имение Знаменское-Карамзино завещал своей «незаконнорожденной» дочери Ольге Васильевне Ниротморцевой: наследником, мол, может быть только он, Александр Карамзин, продолжатель рода.

Однако после восьмилетних судебных разбирательств решением Правительствующего Сената, утвержденным 4 июня 1836 года Николаем I, воля Василия Михайловича была признана законной, ибо он ещё в 1795 году выкупил у родных, в том числе и у брата Александра, их доли имения в Знаменском и, таким образом, превратил его из родового в «благоприобретенное», которым был уже вправе сам распоряжаться³¹.

Явно надуманная «оренбургская» версия Алек-

31 ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1362, л. 45.

сандра Михайловича, как уже упоминалось, получила в 1866 году весомое подкрепление со стороны П. Пекарского указанием на то, что соседом М.Е. Карамзина по оренбургской Михайловке-Преображенскому был отставной майор Александр Кудрявцев, фамилия которого фигурирует в качестве осприемника в документах историографа.

Однако симбирские краеведы без особого труда могли бы обратить факт близких отношений родителей Николая Михайловича с Кудрявцевым в свою пользу: ведь многим было известно, что соседом и приятелем М.Е. Карамзина по Знаменскому был не кто иной, как... отставной майор Александр Кудрявцев! Достаточно сказать, что в фундаментальном исследовании П. Мартынова «Селения Симбирского уезда», вышедшем в 1903 году, приводятся и такие подробности, как многолетнее совместное владение Карамзиными и Кудрявцевыми 2200 десятинами земли в Симбирском уезде³².

Но П. Мартынов, как и другие ревнители симбирской старины, не счёл нужным доказывать очевидное для него самого симбирское происхождение историографа и тем самым тоже способствовал тому, что, выражаясь словами краеведа В.А. Сукайло, «мы и имеем сегодня незавершенный спор».

Строго говоря, настоящего-то спора между сторонниками двух версий о месте рождения Н.М. Ка-

³² Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — Симбирск, 1903. С. 101.

рамзина и не было. Насколько мне известно, после заметки П. Пекарского 1866 года с развёрнутым обоснованием «оренбургской» версии никто и нигде в печати не выступал. И объясняется это молчание не только тем, что для этого нет документальных оснований, но даже и косвенных правдоподобных мемуаров.

Нельзя же всерьёз воспринимать воспоминания дряхлой помещицы Карауловой. И абсолютно невероятно, чтобы М.Е. Карамзин приехал из Симбирского края в оренбургское имение, по словам Карауловой, «хозяйничать и охотиться» (а вояж с такими целями он предпринимал в конце августа — сентябре) на лошадях за сотни вёрст, с переправой через Волгу, — вместе с беременной женой, которую месяца через три ожидали роды. А потом с младенцем предстояло бы проделать обратный нелёгкий и опасный путь к постоянному месту жительства.

Можно ли однозначно утверждать, что в момент рождения Николая Михайловича им было Знаменское? Вряд ли. К такому выводу я окончательно пришёл в декабре 1993 года, когда довелось побывать там, где некогда была усадьба Карамзиных. Ведь хотя Знаменское в 1760-х годах и было более населённым и благоустроенным, чем современные жалкие остатки его, тем не менее село было дикой глушью, не имевшей к тому же в ненастное и морозное время года устойчивой транспортной связи с находящимся в 40 вёрстах Симбирском. Карамзины, Ивашевы, Тур-

геневы, Киндяковы, Ермолковы, Юрловы, Языковы, Баратаевы и большинство других дворянских семей вели сезонный образ жизни: с наступлением апрельского тепла они из Симбирска устремлялись в свою деревню, а в ноябре, по первопутку, во главе обоза со всевозможными съестными припасами возвращались в городские особняки.

В Симбирске той поры, как и в других провинциальных центрах, по словам И.И. Дмитриева, «ещё не было ни театров, ни клубов», но каждый глава семьи по «выбору сердца» имел приятелей, с которыми можно было поиграть в ломбер, обмениваться книгами и новостями, вместе поужинать³³. Женская же половина общества была поглощена обсуждениями веяний моды, приёмами гостей по поводу именин, смотрин, крестин, посещениями балов и свадеб, поисками гувернеров и учителей для детей и многими другими подобными делами и заботами.

Само собой, у каждой семьи были ещё и свои причины для пребывания в городе. Таким поводом для Карамзиных осенью 1766 года было ожидание ребёнка — событие для Михаила Егоровича и Екатерины Петровны далеко неординарное, ибо после продолжительной совместной жизни к этому моменту они имели лишь одного девятилетнего сына — Василия. Поэтому уже в самом начале осени Михаил Егорович, конечно,

33 Дмитриев И.И. Стихотворения. — М., 1987. С. 21.

не мог не перевезти домочадцев из Знаменского в Симбирск, где жене была бы обеспечена помощь медика-акушера.

Забегая вперёд, отмечу, что в письмах Николая Михайловича к своему старшему брату из Москвы в Знаменское и Симбирск содержатся суждения, которые уместно привести в пользу высказанных мною соображений о месте рождения историографа. «Где вы будете зиму? Думаете ли строить дом в Симбирске? — интересовался он в письме от 20 декабря 1804 года у Василия Михайловича и тут же горячо советовал: — Не отставайте совсем от города, милый брат. Пока мы живы, хорошо видеться иногда с посторонними людьми».

Василий Михайлович, состоявший в гражданском («незаконном») браке со своей экономкой и имевший от неё четверых детей, не особенно-то стремился к прелестям городской жизни, но настойчивым советам младшего брата в конце концов внял и принялся за сооружение особняка в губернском центре. Узнав об этом, Николай Михайлович поддержал этот важный шаг Василия Михайловича: «Я желаю, — писал он 20 августа 1807 года, — чтобы вы проводили зиму в городе. Общество служит для нас приятным рассеянием, а долговременное уединение располагает человека к меланхолии».

Сам историограф тоже вёл сезонный образ жизни: зиму проводил с семьей в Москве, а лето — в Остафьеве, имении родных жены князей Вя-

земских. Когда же наступила пора супруге Екатерине Андреевне разрешиться от бремени, Николай Михайлович заблаговременно готовится к отъезду в Москву. «Мы скоро думаем возвратиться в город, — сообщал он 14 августа 1806 года старшему брату в Симбирск, — где с беспокойством буду ожидать родин жены моей».

Независимо от того, как скоро окончательно будет решён вопрос о месте рождения нашего выдающегося земляка, назрела настоятельная необходимость поставить все точки над «i» и в дискуссии о домах в Симбирске, которые в XVIII—XIX веках принадлежали семье Карамзиных.

Глава 3. ДОМ КАРАМЗИНА

Капитан Михаил Карамзин, отец автора «Истории государства Российского», владел недвижимостью в Симбирском, Оренбургском и Уфимском краях и был в состоянии иметь зимние особняки в каждом из трёх центров этих провинций. Но, являясь наследником родовой вотчины в Знаменском и симбирским дворянином, он по выходе в отставку обитал главным образом на родине и, естественно, имел в Симбирске приличный его званию капитально обустроенный дом.

После кончины отца городскую усадьбу унаследовал как старший из сыновей Василий Михайлович. О том, что он с наступлением осени обычно перебирался из деревни в Симбирск, видно из писем его брата-историка. Так, в письме от 28 сентября 1799 года из Москвы выражалась уверенность, что Василий Михайлович «уже в Симбирске»³⁴. Посылая 26 февраля 1801 года очередное послание в Симбирск, Николай Михайлович Карамзин, надеясь, что старший брат находится в своей зимней квартире, просит оказать содействие московскому комиссионеру, который прибывает по делам в Симбирск³⁵. Поздравляя 7 января 1802 года

34 Атений. – 1858, № 19. С. 198.

35 Атений. – 1858, № 19. С. 202.

Василия Михайловича с днём именин, Николай Михайлович просит его приказать разнести предлагаемые номера своего нового журнала «Вестник Европы» подписчикам-симбирянам: Сушкову, Ермолову, Аржевитинову, Апраксину, Языкову и Колебакину³⁶. Наконец, в канун 1803 года он выражает уверенность, что брат «уже в Симбирске», и поэтому пишет ему туда³⁷.

На какой улице Василий Михайлович проживал и как выглядел отчий кров, до самого последнего времени не было известно, ибо ни Карамзины, ни их современники не писали об этом. И даже родственник Николая Михайловича по мачехе и его близкий друг поэт Иван Иванович Дмитриев в своих воспоминаниях «Взгляд на мою жизнь» (М., 1987) довольно подробно описывая первую, детскую, встречу с Колей Карамзиным на свадебном пиру по случаю второго бракосочетания отца будущего историографа, ни словом не обмолвился о доме, где это произошло. «В толпе пирующих увидел я, — вспоминал Дмитриев, — в первый раз пятилетнего мальчика в шёлковом перувьеневом камзольчике с рукавами, которого русская нянюшка подводи́ла за руку к новобрачной и окружавшим её барыням. Это был будущий наш историограф Карамзин. Отец его, симбирский помещик, отставной капитан Михаила Егорович

36 Атеней. - 1858, № 20. С. 246.

37 Атеней. - 1858, № 20. С. 250.

соединялся тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по её сиротству в нашем семействе» (с. 33).

Самому-то Ивану Ивановичу в это время было уже десять лет, и он, конечно, мог бы описать местонахождение Карамзинского особняка и его внешний вид. Это тем более было возможным, потому что в последующие десятилетия Дмитриев неоднократно наведывался в Симбирск и, таким образом, освежал в памяти запечатлённый ранее облик родительского дома историографа. Так что, если бы на торжественном обеде, данном в честь Дмитриева группой петербургских литераторов в июле 1833 года, на котором прошла и подписка на памятник Карамзину в Симбирске, Пушкин спросил Ивана Ивановича о местонахождении отчего дома историографа, то баснописец непременно сказал бы, что это невдалеке от знаменитого волжского Венца.

Менее чем через два месяца после этого памятного обеда Александр Сергеевич, совершавший поездку в Поволжье и на Урал для сбора материалов о крестьянской войне под руководством Е. Пугачёва, сделал остановку в Симбирске. Опуская подробности почти недельного пребывания великого поэта в городе на Волге (они изложены мною в книге «...Родня по вдохновенью». У-к, 1993), перейду сразу к утру 15 сентября 1833 года, когда Пушкин покидал гостеприимный Симбирск.

В то время Петропавловского спуска (ныне С.

Разина) ещё не было и пассажиры добирались к волжской переправе по крутому и неблагоустроенному Смоленскому спуску, начинавшемуся в северной части Верхней Набережной (у Старого Венца). На пути к спуску внимание каждого обращал на себя респектабельный каменный двухэтажный особняк, обращённый передним фасадом к великой реке.

Поставлен он был с расчётом и очень удачно. Здесь, на городской окраине, можно было обустроить усадьбу так же привольно, как и в деревне: с парадным и хозяйственным дворами, садом, огородом, оранжереями. Отдалённость от центра города защищала хозяина от незваных гостей. Радовали глаз яблоневые сады, раскинувшиеся по всему скату к Волге, и чудная панорама, которая открывалась взору с балкона верхнего этажа особняка. Впереди простирались бескрайние заволжские дали, виднелись слободы Канава, Часовня и Королевка. Внизу, по выражению поэта-симбирянина Д.П. Ознобишина, — «подол города» с волжскими пристанями и кипучей их деятельностью. «А посреди всего этого красавица Волга в своемравном течении, то широким рукавом обнимающая длинную песчаную отмель, то стелющаяся блестящею синею лентою, по которой в миниатюрном виде, — так высока эта местность, на которой вы стоите, — продолжал Ознобишин, — словно художественно выточенные нюрембергские бирюльки, несутся парусные

суда, плывут барки с дровами, тянутся длинные плоты с бревнами...»³⁸.

Полюбовавшись одним из прекраснейших мест всего Поволжья и стоящим своего высокого названия — Венец, Пушкин пешком прошёл по Смоленскому спуску и, наверное, с облегчением вздохнул, когда достиг отлогого берега величавой реки. А находясь уже на паромном дощанике, решил на память запечатлеть в своей дорожной тетради этот живописнейший уголок города. На двух развёрнутых страничках скупыми, но точными карандашными линиями Александр Сергеевич обозначил Венец, три дома на краю его бровки — Карамзина и два соседних строения, извилистую ленту спуска, Смоленскую церковь, в стенах которой в 1670 году побывали повстанцы Степана Разина, а также несколько пристанских изб и амбаров. Внизу он проставил дату своего прощания с Симбирском — 15 сентября.

В 1935 году этот рисунок был опубликован в сборнике «Рукою Пушкина» и, естественно, стал предметом пристального внимания краеведов, породив две точки зрения относительно дома Карамзина.

Первая из них нашла наиболее полное отражение в справочнике «Край Ильича» (Саратов, 1980) и сводилась к следующему: «В начале XIX века старый деревянный особняк Карамзиных (в начале улицы Гончарова... — **Ж.Т.**) пришёл в ветхость и был сломан.

38 Симбирские губернские ведомости. — 1863, 14 июля.

Вместо него старший брат историка — Василий Михайлович — построил новый. Это двухэтажное кирпичное здание сохранилось до настоящего времени (ул. Рылеева, 33-а). 15 сентября 1833 г., находясь в Симбирске, А.С. Пушкин зарисовал Симбирскую гору и этот дом в своей записной книжке. К настоящему времени здание претерпело ряд изменений» (с. 102).

К сожалению, авторы этой версии не обнаружили в печати документального обоснования в её пользу. Можно только предположить, что появлению версии невольно способствовали поэты Пушкин и Ознобишин. Ведь Александр Сергеевич, набросав контуры трёх домов на Венце, не отметил, какой же из них является «домом Карамзина». Дмитрий же Петрович, не ведая о существовании этого рисунка, при описании в 1863 году чудной панорамы, открывающейся взору у начала Смоленского спуска, лишь между прочим заметил: «С правой стороны виднеется г. Симбирск, начинаясь с дома нашего знаменитого историографа Н.М. Карамзина, принадлежащего ныне Д.Н. Шидловскому; с другой – яблоневые сады, по горам раскинутые, тянутся далеко, сливаясь с горизонтом».

Сам-то поэт-симбирянин никогда не бывал в доме Карамзиных и говорил с чьих-то слов, возможно, самих Шидловских. Во время пожара 1864 года симбирские архивы погибли, и поэтому невозможно установить, когда же Шидловские поселились на Верхней

Набережной. Из «окладных книг» городской думы послепожарного периода видно, что надворному советнику Дмитрию Николаевичу Шидловскому принадлежало лишь «пустопорожнее место»³⁹. Если следовать по Ознобишину, то от бывшего дома Карамзиных после пожара ничего не осталось.

В действительности же сгорела усадьба Шидловского, а бывший особняк Карамзиных (в котором во времена Пушкина размешался вице-губернатор, а позднее находился «рабоче-смирительный дом») располагается дальше от центра города, через владение от «пустопорожного места» Шидловского. К этому открытию я пришёл в 1984 году, когда в читальном зале Центрального исторического архива СССР (Ленинград) познакомился с чертежами и планами дома коллежского асессора В.М. Карамзина в Симбирске в связи с продажей его в 1803 году казне под резиденцию вице-губернатора. Находилось же историческое здание на перекрёстке Большой Саратовской (ныне бульвар Пластова) и Верхней Набережной (ныне Пролетарская), то есть в районе нового общежития пединститута им. И.Н. Ульянова, на Старом Венце.

При подробном ознакомлении в архиве с планами особняка Карамзиных зримо осязаешь широту души отставного капитана Михаила Егоровича, любившего принимать приятелей на славу: три четверти площади верхнего этажа занимали громадные зала и

39 Симбирские губернские ведомости. — 1863, 14 июля.

гостиная (освещавшиеся 16 окнами), позволявшие устраивать званые торжества на десятки пар гостей.

Но Василий Михайлович, в отличие от отца, избегал большого общества. А после того как «незаконная» жена родила ему четвёртого ребенка — дочь Ольгу, он предпочитал обитать то в оренбургской Михайловке, то в родовом Знаменском (Карамзине тож). Стремление к уединению от общества проявилось и в том, что городской особняк был продан казне.

Отшельнический образ жизни старшего брата беспокоил Николая Михайловича, и в письмах из Москвы в 1804—1805 годах он неоднократно призывал Василия Михайловича «не отставать совсем от города... видаться иногда с посторонними людьми», построить в Симбирске свой дом⁴⁰. Эта настойчивость сделала свое дело, и уже в августе 1806 года историограф выражает удовлетворение тем, что брат занялся строительством жилья в Симбирске, и, попросив уточнить, «на какой улице», заметил: «Я еще помню тамошние места»⁴¹.

Когда же к зиме 1807 года в Москву поступило долгожданное сообщение о том, что Василий Михайлович справил новоселье в своём доме и подробно описал живописные картины, которые он наблюдает, Николай Михайлович горячо поздравил дорогого человека и с оттенком гордости и грусти заметил: «Во-

40 Атений. — 1858, № 20. С. 257.

41 Атений. — 1858, № 20. С. 342.

ображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства! Симбирские виды уступают в красоте не многим в Европе»⁴².

Если бы во время нашествия Наполеона в 1812 году не погиб личный архив историографа, то из писем Василия Михайловича было бы известно точное местонахождение «прекрасного домика», описание им окрестностей города, Волги и многое другое. Но в одном можно не сомневаться: дом в районе кино-театра «Рассвет», или, как писал в начале века краевед П. Мартынов, «по Театральной площади, близ Петропавловского спуска»⁴³, был построен после того, как отчий кров Карамзиных был продан казне.

В 1827 году Василий Михайлович умер и, согласно его завещанию, этот дом, «со всем находящимся в оном движимом имении, как-то: серебряною, фарфоровою и медною посудой, летними и зимними экипажами, словом, что при оном доме и дворе находится», стал собственностью его дочери Ольги Васильевны Ниротморцевой⁴⁴.

А.С. Пушкин во время пребывания в Симбирске, несомненно, узнал о существовании в городе двух зданий, принадлежавших ранее В.М. Карамзину, но

42 Атений. – 1858, № 22. С. 419.

43 Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — Симбирск. 1903. С. 99.

44 ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1362, л. 45.

его больше интересовал каменный особняк на Старом Венце, ибо здесь до 1795 года (последнего приезда на родину), очевидно, проживал и сам, говоря словами Александра Сергеевича, «первый историк и последний летописец». Желанием запечатлеть на бумаге местоположение наиболее важного карамзинского места главным образом и объясняется появление в дорожной тетради великого поэта единственного волжского рисунка.

С учётом новых документов, дом № 33-а по улице Рылеева, значащийся в списке памятников архитектуры республиканского значения как «бывший дом брата историка и писателя В.М. Карамзина», не представляет исторической ценности. Ее имел бы деревянный дом, построенный Василием Михайловичем в 1807 году на углу бывшей Театральной площади (ныне площади 30-летия Победы) и Петропавловского спуска, но эта усадьба давным-давно исчезла с лица земли, и нельзя даже представить, как она выглядела.

Что касается особняка, построенного ещё в XVIII веке отставным капитаном М.Е. Карамзиным на Верхней Набережной и доставшегося по наследству Василию Михайловичу, вопреки мнению авторов сборника «Край Ильича», его не рушили за ветхость, и он существовал в перестроенном виде ещё в 1960-х годах, пока отцы города, не представлявшие себе исторической значимости старинного строения, не дали добро на его снос. Но эту оплошность можно и

нужно исправить, ибо сохранившиеся в архиве детальные чертежи особняка Карамзина, а также фундамент здания дают возможность его восстановления в первоизданном виде и дальнейшего использования как мемориального музея автора всемирно известной «Истории государства Российского».

Эту мысль я высказывал в статье, напечатанной в «Ульяновской правде» 27 сентября 1984 года. Под руководством краеведа-архитектора Бориса Васильевича Аржанцева, тоже занимавшегося исследованием истории «Дома В.М. Карамзина», уже создана (на общественных началах!) вся необходимая документация для воссоздания исторического здания по чертежам и планам 1803 года, составленным губернским зодчим Михаилом Матвеевичем Рушко.

Можно надеяться, что эстафета, подхваченная архитекторами-реставраторами, будет поддержана государственными и коммерческими структурами, всеми ревнителями старины и просвещения, и благое дело увенчается воссозданием дома Карамзина.

Глава 4. АПРЕЛЬ ЖИЗНИ

В семье Карамзиных Коля был третьим из здорововавших детей, но в раннем детстве он фактически являлся единственным ребёнком в доме. Сестра Екатерина давно уже жила отдельно со своей семьей, а старший брат Василий, с детства записанный в гвардейский полк, уже проходил действительную службу в столице. Но недолго Коля ощущал на себе исключительную материнскую любовь и ласку, ибо в 1768 году появился братец Федя, а матушка Екатерина Петровна вскоре после родов умерла.

Утрату любимой супруги Михаил Егорович переживал тяжело, но надо было жить дальше, поднимать осиротевших малолетних сыновей, и после полутора лет вдовства он связал свою судьбу с Евдокией Гавриловной Дмитриевой (тёткой будущего баснописца). Иван Иванович Дмитриев впоследствии вспоминал: «В 1770 году... старший брат мой и я, десятилетний отрок, находились на свадебном пиру под руководством нашего учителя г. Манженя. В толпе пирующих увидел я в первый раз пятилетнего мальчика в шёлковом перувьеневом камзольчике с рукавами, которого русская нянюшка подводила за руку к новобрачным и окружающим её барыням. Это был будущий наш историограф Карамзин... Отец его,

симбирский помещик, отставной капитан Михаила Егорович соединялся тогда вторым браком с одною сестрою моего родителя, воспитанною по её сиротству в нашем семействе»⁴⁵.

Восьми лет от роду Коля был записан отцом на службу в «армейские полки», но, как и другие сверстники его круга, оставался дома для получения образования, до достижения «совершенного возраста». В то время в Симбирске не было казенных общеобразовательных заведений, и дети именитых горожан сначала брали уроки частным образом, а затем поступали в пансионы, содержащиеся бывшими офицерами, обычно французского происхождения.

О том, как складывалось «учение, образование ума и чувства» Коли Карамзина, можно составить представление по тем страницам повести «Рыцарь нашего времени», которые, бесспорно, имеют автобиографический характер. Первым учителем был сельский дьячок, «славнейший грамотей в околотке», который научил мальчика разбираться в церковной и светской азбуке, простейшему счёту и другим премудростям, которыми сам владел. Когда через несколько месяцев, подобно герою повести Леону, Коля стал бегло читать, отец начал приучать его к чтению вслух в присутствии гостей, особенно басен, которые он заучивал наизусть.

Судя по тому, что родители Коли по мачехе Саша и

45 Сочинения И. И. Дмитриева. Т. 2. СПб., 1895. С. 48.

Ваня Дмитриевы начинали учебу в пансионе с 7—8-летнего возраста, он тоже был определён в лучший в Симбирске частный пансион француза Пьера Фовеля зимой 1773 года. Педагог этот был необыкновенный для провинции. В молодости он какое-то время служил в литовском войске, а в конце 1750-х годов оказался в Петербурге, где, по его словам, решил посвятить себя «воспитанию русского юношества». Имея неплохую общеобразовательную подготовку, Пётр Стефанович (так звали его в России) Фовель 12 февраля 1759 года в Петербургской академии наук успешно «выдержал экзамен по четырём языкам, истории и географии» в комиссии при участии М.В. Ломоносова на звание учителя, а следовательно, и на право содержать публичную школу.

Года три Фовель имел такую школу в Оренбурге, но прочно осел уже в Симбирске, занимаясь и в своём пансионе, и в частных домах делом обучения и воспитания детей, «достойных уважения, как по рождению, так и по занимаемым должностям»⁴⁶. К моменту поступления Коли Карамзина Петру Стефановичу Фовелю было уже около 55 лет, но он ещё был полон сил и желания передавать свои знания ученикам и способствовать формированию у них высокой нравственности. Учиться у такого знающего и гуманного педагога было интересно, и любознательный Коля, одарённый от природы недюжинными

⁴⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1963. Т. 3. С. 331–393.

способностями, во всех классах пансиона Фовеля шёл первым учеником.

Евдокия Гавриловна до замужества проживала в семье брата Ивана Гавриловича. Он сам и его жена Екатерина Афанасьевна (дочь симбирского воеводы 1721—1731 годов А.А. Бекетова) имели неплохую библиотеку, получали из столиц газеты и журналы, и в девичество Евдокия Гавриловна стала начитанной девушкой. Мягкая по характеру, она, как могла, старалась создать пасынкам — четырёхлетнему Коле и двухлетнему Феде — безмятежную атмосферу, подарить частицу своего тепла. Но с появлением собственных детей, в 1771 году — Саши, а два года спустя — Марфеньки, мачеха, естественно, уделяла главное внимание этим малышам. А в 1774-м Евдокия Гавриловна ушла из жизни, оставив мужу четверых ребят, из которых старшему, Коле, шёл восьмой год...

После потери второй жены Михаил Егорович уже навсегда остался вдовцом. Что касается Коли, который смутно помнил родную мать, то он был привязан к доброй и ласковой мачехе и, несомненно, был потрясён её смертью. Думается, что страницы повести «Рыцарь нашего времени», где подробно описываются тёплые отношения Леона со своей матушкой и горе, с каким он, семилетний мальчик, переживал её смерть, — это глубоко автобиографичные страницы, изображающие реальные эпизоды детства Коли Карамзина.

«Скоро отдали Леону ключи от жёлтого шкапа, —

говорится далее в повести, — в котором хранилась библиотека покойной его матери и где на двух полках стояли романы, а на третьей несколько духовных книг... Все было прочтено в одно лето, с таким любопытством, с таким живым удовольствием, которое могло бы испугать иного воспитателя, но которым отец Леона не мог нарадоваться...

С каким живым удовольствием маленький наш герой, — продолжал Карамзин как бы свою исповедь, — в шесть или семь часов летнего утра, поцеловав руку у своего отца, спешил с книгою на высокий берег Волги, в ореховые кусточки, под сень древнего дуба! Там, в беленьком своём камзольчике, бросаясь на зелень, среди полевых цветов сам он казался прекраснейшим одушевлённым цветком... Иногда, оставляя книгу, смотрел он на синее пространство Волги, на белые паруса судов и лодок, на станции рыболовов (чаек. — Ж.Т.), которые из-под облаков дерзко опускаются в пену волн и в то же мгновение снова парят в воздухе. Сия картина так сильно впечатлелась в его юной душе, что он через двадцать лет после того, в кипении страстей, в пламенной деятельности сердца, не мог без особого радостного движения видеть большой реки, плывущих судов, летающих рыболовов: Волга, родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, тот не знает весьма сладкого чувства.

Родина, **апрель жизни** (выделено мной. — Ж.Т.), первые цветы весны душевной!»⁴⁷.

Высокий берег Волги, куда Коля спешил с интересной книгой и откуда любовался прекрасной панорамой могучей реки в Симбирске, — это, несомненно, та местность, которая прилегала к двухэтажному каменному особняку Карамзиных в северной части Венца.

Основную же часть тёплого времени года Коля с родными проводил в родовом имении Знаменское, находившемся в 40 вёрстах юго-западнее Симбирска, недалеко от коммерческого тракта на Пензу. Это небольшое сельцо (где было около 50 крестьянских дворов), окружённое черноземными полями, приютилось в живописной местности. Речки Каменка и Гуца изобиловали всевозможной рыбой, а начинавшийся рядом большой лес был густо населён зверями и птицами. Господская усадьба включала в себя просторный деревянный дом с мезонином и террасой, необходимый комплекс хозяйственных построек, тенистый сад, огород и рукотворный пруд, окружённый по берегам кустами сирени, бузины, тополями, ветлами и другой зеленью⁴⁸.

Жизнь в Знаменском обогатила представления Коли о своей малой родине, о занятиях отца и его приятелей-соседей, о трудах и образе жизни простых

47 Карамзин Н.М. Избранное. М., 1984. С. 166.

48 Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1903 год. Симбирск, 1904. С. 30.

людей и их страданиях, особенно в неурожайные годы, воспитывала дух мальчика «в простоте естественной». Здесь, в Знаменском, возможно, на самом деле происходили такие эпизоды повести «Рыцарь нашего времени», как случай с медведем, бросившимся на Леона и убитым молнией, или поход мальчика с отцовской саблей на гумно, чтобы, подобно Дон Кихоту, сразиться со злыми волшебниками.

Герои и героини романов «жёлтого шкапа», несмотря на многочисленные «искушения рока», оставались добродетельными, а вот всех злодеев рано или поздно настигала жестокая кара, и они, как прах, исчезали. В нежной душе мальчика сложилось твердое убеждение: «зло безобразно и гнусно!.. Добродетельный всегда побеждает, а злодей гибнет!».

Ясное «зеркало памяти» Карамзина сохранило благородные образы отставных боевых офицеров — «витязей С-ского уезда, верных друзей» его отца, составивших письменный «Договор братского общества». В нём восемь ветеранов — благородных «матадоров провинции» поклялись честно «жить и умереть братьями, стоять друг за друга горою во всяком случае», «вступаться за притеснённых», «не бояться ни знатных, ни сильных... смело говорить правду губернаторам и воеводам, никогда не быть прихлебателями и не такать против совести»⁴⁹. Вот от таких добрых людей, честных и сильных духом, мальчик заимствовал русское дружелюбие,

49 Карамзин Н.М. Избранное. М., 1984. С. 166.

дворянскую гордость и чувство собственного достоинства.

К числу «витязей Симбирского уезда», очевидно, принадлежал и отставной капитан Александр Иванович Теряев. За годы службы в столичной гвардии у него сложились связи с просвещенным миром вообще и с содержателем пансиона Фовелем, в частности. Примечательно, что именно Теряев, узнав от учителя-француза об успехах в учебе 12-летнего Коли Карамзина, убедил его отца отправить даровитого мальчика (под своим личным покровительством) в далёкую Москву в пансион Иогана Шадена, пользовавшегося широкой известностью.

Шаден — обрусевший немец, прибывший в Москву в 1756 году с дипломом Тюбингского университета на должность директора университетской гимназии. В качестве профессора преподавал там риторику, пиитику, мифологию, философию. В своей просторной квартире, расположенной в университетском здании, он держал иногородних пансионеров. Принимая в своё заведение волжанина Карамзина, Шаден с самого начала подметил в юном ученике прекрасные свойства и редкие способности.

В пансионе особенно большое внимание уделялось изучению иностранных языков, а прилежно занимавшийся Коля делал такие значительные успехи, что Шаден стал водить его к иностранцам, жившим в немецкой слободе, чтобы он мог совершенствоваться в

разговорах по-французски и по-немецки. Кроме этих языков, одарённый подросток учился в пансионе греческому, латинскому, английскому и итальянскому. Карамзину, как одному из превосходнейших своих учеников, Шаден давал читать лучшие произведения европейских авторов, особенно французских, а также басни и дидактические сочинения Х. Геллерта, чтобы образовать его вкус, ибо уже предвидел в нем литератора⁵⁰.

В пансионе жило всего девять ребят, и среди соучеников Николая были братья Платон и Иван Петровичи Бекетовы — его богатые родственники по матери, сделавшиеся впоследствии известными поборниками развития науки и просвещения. Здесь же, в пансионе Шадена, началась дружба Карамзина с обаятельным и очень образованным Александром Петровым, который окажет благотворное и сильное влияние на его умственное и нравственное развитие⁵¹.

По совету Шадена, Николай посещал некоторые университетские лекции, где получил основательные сведения по истории отечественной и всеобщей, истории иностранных литератур, теории изящной словесности, основам логики, психологии. Словом, как справедливо писал А. Старчевский, Карамзин

50 Старчевский А. Н.М. Карамзин, СПб, 1849. С. 13.

51 Булич Н. Биографический очерк Н.М. Карамзина и развитие его литературной деятельности. — Симбирский юбилей Н.М. Карамзина, Симбирск, 1867. С. 58.

«довольно основательно знал всё, чему учился», поэтому был хорошо образованным молодым человеком своего времени⁵².

Шадену хотелось, чтобы Карамзин дальнейшее образование продолжил в Лейпцигском университете. Юноша и сам желал этого — об этом говорит автобиографическая запись, сделанная им в Лейпциге в 1789 году во время путешествия за границей: «Здесь-то, милые друзья мои, желал я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за несколько лет перед сим; здесь хотел я собрать нужное для искания той истины, о которой с самых младенческих лет тоскует моё сердце! Но судьба не хотела исполнить моего желания»⁵³.

А волею судьбы наступил черёд действительной военной службы, на которой Николай Карамзин давно уже значился. В начале 1781 года он едет в Петербург и является к начальству прославленного гвардейского Преображенского полка. Представленные документы об образовании были признаны достаточными для производства в офицеры, и 28 апреля Николай Карамзин в возрасте 14-ти с половиной лет был удостоен чина подпрапорщика. Казалось бы, впереди у него ясная перспектива блестящей военной карьеры.

Однако мечтательность и склонность к меланхолии, развивавшиеся у него с детства, сен-

52 Старчевский А. Н.М. Карамзин. С. 15.

53 Карамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 94.

тиментальность и донкихотство, прививавшиеся профессором Шаденом, и наконец убеждение, что литературное творчество является его настоящим призванием, — всё это не могло не предопределить его будущее. Немаловажное значение имела и его новая, после долгой разлуки, встреча в Петербурге с земляком — родичем Иваном Дмитриевым, сержантом другого прославленного гвардейского полка — Семёновского.

Он был на шесть лет старше Карамзина и, главное, уже испытал радость видеть свои стихотворные переводы с немецкого, напечатанными в журналах, Немудрено, что пример Ивана подвигнул к писательству и Николая. Следуя совету старшего, он взялся за перевод с немецкого «Разговоров австрийской Марии Терезы с нашей Императрицею Елисаветою, в Елиеейских полях» и сдал его книгопродавцу Миллеру, который печатал переводы, а гонорар за них выплачивал книгами из своей лавки. «Не могу вспомнить, писал впоследствии И.И. Дмитриев, — с каким торжественным видом добрый и милый юноша — Карамзин вбежал ко мне, держа в обеих руках по два томика Фильденгова «Томаса Ионеса», в маленьком формате, с картинками... Это было первым возмездием за словесные труды его»⁵⁴.

Этот литературный успех усилил скептическое отношение Николая к необходимости посвящать себя военной службе. Плодом долгих раздумий стало

54 Старчевский А. Н. М. Карамзин. С. 17.

решение о получении годичного отпуска «по домашним обстоятельствам» и проведении его в родовом селе Знаменском и Симбирске. Во время пребывания юного Карамзина на родине скоропостижно скончался его отец, Михаил Егорович. Неутешное горе особенно сблизило 16-летнего Николая со старшим братом Василием, который благодаря не только возрасту, но и жизненному опыту в последнее время фактически уже был для всех главой семейства. Он успел отслужить свое в гвардии и поручиком уволиться в отставку, а затем занять высокий пост прокурора⁵⁵.

Лучшая часть симбирского общества уважала Василия Михайловича за безукоризненную честность, презрение к карьеризму, постоянное стремление к самообразованию и независимый образ жизни. Для младшего же брата он служил примером высокого уровня умственного и нравственного развития, старшим товарищем, у которого было чему поучиться в овладении историей, литературой, географией, философией, французским и немецким языками. И без преувеличения можно сказать, что в это трудное для Карамзиных время Василий Михайлович оказал решающее влияние на формирование личности младшего брата, его высоких гражданских идеалов.

В этом же, 1782 году, состоялся раздел семейного

⁵⁵ Отдел редких книг Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина. Именной список дворян Симбирской губернии (ИСД), л. 32 об.

наследства, по которому Николаю Михайловичу досталась третья часть Знаменского и деревня Ключевка. На деле же его долей по-прежнему управлял старший брат, который, очевидно, одобрил желание Николая расстаться со службой в армии. Этим объясняется тот факт, что по окончании годичного отпуска, глубокой осенью 1782 года, Николай Михайлович едет в Петербург, а уже через несколько месяцев, 6 февраля 1783 года, снова берет 11-месячный отпуск и по санному пути мчится в родной Симбирск. Этот отпуск, как заметил еще академик М.П. Погодин, стал фактическим началом отставки⁵⁶.

Что побудило 17-летнего офицера-гвардейца, вкушавшего в это время радость выхода в свет отдельной книжечкой своего перевода с немецкого сентиментальной идиллии швейцарского поэта и художника С. Геснера «Деревянная нога», отказаться от военной карьеры, покинуть блестящее столичное общество и возвратиться в Симбирск? Попытки некоторых современников объяснить это стесненными материальными обстоятельствами, вроде отсутствия «возможности сшить себе хороший офицерский мундир», — неправдоподобны, ибо Василий Михайлович регулярно высылал ему полагающуюся часть доходов, чего было вполне достаточно для офицера-гвардейца, ведущего умеренный образ жизни.

Прав литературовед Ю. Лотман, утверждавший,

⁵⁶ Погодин М.П. Приложение к биографии Н.М. Карамзина. М., 1867. С. 21.

что Николай Карамзин покинул екатерининский Петербург потому, что «ни карьера, ни придворная атмосфера, ни обстановка в Преображенском полку его вообще не привлекали». А вот возможность быть рядом с обожаемым старшим братом и добрыми друзьями детства, наслаждаться уютом родного дома, красотами природы Знаменского, окрестностей Симбирска и величавой матушки-Волги, а главное — возможность самозабвенно заниматься самообразованием и литературным творчеством — все то, к чему тянулась душа, он в полной мере имел в отчем крае.

Распространённое представление, что Симбирск той поры — это дикая глушь, а по выражению Н. Эйдельмана, край «замшелых душевладельцев» (мол, даже гоголевские Иван Иванович и Иван Никифорович жили вдвое ближе к Европе), ошибочно. С лёгкой руки окольного и воеводы Богдана Хитрово, основателя в 1648 году города-крепости Симбирск и строителя Карсунской оборонительной черты, получившего в награду за это от царя имения в этом благодатном крае, здесь охотно оседали многие служилые люди, боярские и дворянские дети, а затем и придворные сановники и фавориты, в том числе и такие, как известные графы братья Орловы.

Даже по огромному кругу родственных связей Карамзина в Симбирске, особенно по мачехе — с Дмитриевыми, Бекетовыми и Тургеневыми, можно судить, каким неординарным было общество, в котором он

вращался в родном городе. Среди них были Пашков, Дурасов и Козицкий — известные в России меценаты (которых Екатерина II женила на дочерях симбирского миллионера-заводчика Мясникова), бригадир Иван Петрович Тургенев, один из сподвижников просветителя Н.И. Новикова, отец Андрея, Александра, Николая и Сергея Тургеневых, чьи имена навечно вошли в историю культуры страны.

Важное значение в жизни Симбирска имел указ Екатерины II 1780 года, согласно которому город стал центром Симбирской провинции (входившей в состав огромной Казанской губернии) с правами губернского города. Он получил свой герб, генеральный план развития, ассигнования на строительство различного рода присутственных мест. А в период пребывания Николая Михайловича в 1783 году бывший военный инженер (в то время советник симбирской палаты уголовного суда) Тимофей Григорьевич Масленицкий трудился по программе Академии наук над выполнением поручения императорского комитета по составлению «Топографического описания Симбирского наместничества».

Из этого научного фолианта (в 660 страниц современного машинописного текста) видно, что в Симбирске той поры проживало 11 тысяч человек, в том числе мужского пола: дворян — 101, купцов — 186, военных чинов в батальоне и в губернской роте — 761, церковников — 103, цеховых (ремесленников) — 1722, «школьников гарнизонных» —

206. Главным предметом вывоза из Симбирска были хлеба, которые отправляли на судах до Астрахани, а вверх — до Нижнего и Рыбинска. Различного рода товары привозили из Москвы, Казани, с Макарьевской ярмарки (Нижегородской губернии). Лес для строительства сплавлялся плотами по Волге из Вятского края, гурты скота пригоняли из Оренбуржья, лимоны, апельсины и другие фрукты везли на судах из Астрахани. Своей рыбы в городе было много, но зимой осетрину, белужину, стерлядь привозили из Уральска. На местную ярмарку в первых числах июля съезжалось до 5000 человек.

В городе имелось 1400 обывательских домов, из коих каменных — 15, выстроенных по плану на каменных фундаментах — 100, 220 торговых лавок, 14 соборных и приходских храмов, два монастыря. Появился и первый каменный двухэтажный особняк — Пустынникова (Мясникова), спроектированный столичным зодчим «по правилам новейшей архитектуры». Границы города по периметру достигли 13—14 километров. Наместились отрядные сдвиги в культурной жизни. В 1783 году при приказе общественного призрения открылась книжная лавка, в которой можно было приобрести литературу, издававшуюся в Москве просветителем Н.И. Новиковым. В великолепный особняк Дурасова избранная публика приглашалась на представления, ставившиеся силами крепостных артистов.

Новый, 1784 год ознаменовался желанным для

Николая Михайловича указом о его отставке с награждением чином поручика. За почти двухгодичное проживание на родине он в той или иной мере познакомился с образованным обществом, которое с осени до весны обитало в Симбирске. Не принимать приглашений в гости во время рождественских, новогодних, пасхальных праздников, по случаю крестин, именин, помолвок, юбилеев, а то и просто на званые обеды было невозможно. Отставному поручику в свои 18 лет было лестно и внимание, которое оказывали ему почтенные родители семейств с девицами на выданье или любители словесности и политики, не упускавшие случая пообщаться с гвардейцами, служившими в столицах, а тем более с Карамзиным, уже составившим себе известность человека образованного и причастного к литературе.

Иван Иванович Дмитриев, навестивший со своим старшим братом Симбирск, вспоминал о встречах с Николаем Михайловичем в родных пенатах: «Я нашёл его играющим роль надежного на себя в обществе: опытным за вистовым столом, любезным в дамском кругу, оратором перед отцами семейств, которые, хотя и не охотники слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однако, в нём прежней охоты к словесности. При первом нашем свидании с глаза на глаз он спрашивает меня, занимаюсь ли по-прежнему переводами? Я сказываю ему, — продолжал баснописец, — что недавно перевёл из книги «Картина смерти» сочинения Карра-гиоли,

«Разговор выходца с того света с живым другом его». Он удивился странному моему выбору... А я, — промолвил он, — думаю переводить из Вольтера с немецкого»⁵⁷.

После этой первой литературной схватки было немало и других, но все они носили задушевно дружеский характер. Взаимная приязнь между начинающими литераторами с каждой новой встречей крепла, закладывая незыблемую основу братских отношений. Недаром и сорок лет спустя, когда Иван Иванович отправлялся в отчий край, Карамзин писал ему из Царского Села, что известие об этом заставило его «слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец», где они в юности вместе, «геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца». Это увлечение «Новыми думами» Эдварда Юнга, одного из лучших английских поэтов и основателей «кладбищенской лирики», оставило глубокий след в душе Николая Михайловича, тяготевшего к сентиментализму.

Решающую роль в прекращении его «рассеянного» образа жизни сыграло счастливое совпадение: именно этой осенью, 1784 года, в Симбирске появился Иван Петрович Тургенев.

57 Дмитриев И. И. Сочинения. Т. II. СПб., 1895. С. 25.

Глава 5. ЗРЕЛОСТЬ И МАСТЕРСТВО

Семья Тургеневых, чьи предки из Золотой Орды перешли на службу русскому царю, была всероссийски известной и службой Отечеству, и большими имениями в Заволжье. И чуть ли не весь Симбирск знал, что один из самых респектабельных особняков, стоявших в южной части Соборной площади, принадлежал Тургеневым. В здешнем дворянском обществе 1784 года ведали и о том, что Иван Петрович после учебы в московских гимназии и университете храбро служил офицером во всех походах Крымского корпуса в первую турецкую войну.

По окончании победоносной турецкой кампании Иван Петрович по рекомендации фельдмаршала Румянцева-Задунайского был в 1771 году награжден чином секунд-майора и переведён по службе в Петербург. Здесь в начале 1779 года он женился по любви на Катерине Семеновне Качаловой, а вскоре был назначен старшим адъютантом московского главнокомандующего фельдмаршала графа З.Г. Чернышева.

Ещё в Петербурге Иван Петрович, тяготевший к масонам, сблизился с отставным поручиком Николаем Ивановичем Новиковым, известным издателем сатирических журналов «Трутенъ», «Живописец» и «Кошелек», а с 1773 года — и выпусков

томов «Древней российской Вивлиофики» — собрания старинных литературных памятников⁵⁸. Тургеневу импонировали как смелость новиковских разоблачений произвола крепостников, злоупотребления чиновников, всего того зла, которое процветало в обществе, так и его громадные усилия в распространении идей просвещения и гуманности⁵⁹.

А в 1779 году, уже в Москве, когда Новиков взял в аренду университетскую типографию (вместе с книжной лавкой и газетой «Московские ведомости»), Иван Петрович стал его соратником по научно-издательской и просветительской деятельности и одним из соучредителей «Дружеского учёного общества». Опекая питомцев созданных при университете «Педагогической», «Переводческой» и «Филологической» семинарий, «Общество» приобрело для них дом под общежитие и направляло их работу по переводу с древних и новых языков на русский литературы просветительского (нередко масонского) характера. В числе волжских городов, где по инициативе Новикова (а следовательно, при участии И.П. Тургенева) тоже была организована продажа книг, отпечатанных в университетской типографии, оказались только Казань и Симбирск⁶⁰. Наряду с книгами христианского направления сюда поступала учебная

58 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 351.

59 Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М, 1916. С. 333.

60 Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М, 1916. С. 333.

литература (азбуки, грамматики, словари, учебники по педагогике, математике, истории, географии, естествоведению, руководства по сельскому хозяйству, медицине и др.) Переводили труды Вольтера, Руссо, Монтескье и других философов.

В разгар просветительской и благотворительной деятельности новиковского «Общества» скончался московский градоначальник З.Г. Чернышев. Иван Петрович, отдавший ратной службе 13 лет, не медля уходит в отставку, чтобы по-настоящему заняться переводческой и вообще литературной работой. И как только отставка была принята, он меняет Москву на жизнь в родовом имении Тургеневе и Симбирске⁶¹.

В родном краю оказалось немало офицеров, которых он знал по службе в Крыму или в столицах, поэтому в первую же зиму пребывания в Симбирске в его просторный дом, расположенный в южном конце Венца, зачастили гости. Разумеется, Иван Петрович использовал общение с лучшей частью общества для создания масонской ложи, и она, под названием «Золотой венец», довольно скоро была учреждена «под надзиранием» вице-губернатора (великого мастера) А.Ф. Голубцова. Сюда-то и записан был Николай Карамзин как «товарищ». Основным практическим делом членов ложи было признано распространение новиковских изданий, а

61 Журнал Министерства народного просвещения. 1914, июнь, отд. 3. С. 136, 137.

роль официального комиссионера взял на себя И.В. Колюбакин⁶².

Иван Петрович в своё время тоже учился в Симбирске в пансионе Фогеля, а в Москве, как в гимназии, так и в университете — под началом профессора Ивана Шадена. Поэтому не исключено, что он ещё в Москве заметил своего однокашника по пансионам Фогеля и Шадена Николая Карамзина. Естественно, что зоркий взгляд Тургенева выделил его в симбирском обществе, и, несмотря на разницу в возрасте (14 лет) и общественном положении, он сумел сблизиться со способным 18-летним отставным поручиком, чьи первые литературные опыты ему уже были известны. Впоследствии литератор М.А. Дмитриев со слов своего дяди-баснописца, так охарактеризовал роль И.П. Тургенева в судьбе Николая Михайловича: «Ему стало жаль умного и талантливого юношу, который губит свои способности в кругу людей, которые не могли и оценить их, не только придать им силы. Он устыдил молодого Карамзина образом его жизни, уговорил его ехать в Москву и приняться за что-то полезное. Этому-то достойному человеку обязаны мы сохранением Карамзина от рассеянной, пустой жизни и неразлучных с нею искушений»⁶³.

Действительно, в конце 1784 года Николай Ми-

62 Письма Н.М. Карамзина к В.М. Карамзину (1795—1798). Публикация В.Э. Вацура. — Русская литература, 1993, № 2. С. 85.

63 Дмитриев М.А. Московские элегии. М., 1985. С. 185.

хайлович вместе с И.П. Тургеневым отправляется в Белокаменную, куда его в письмах звал и друг по учебе в пансионе Шадена Александр Андреевич Петров — талантливый сподвижник Н.И. Новикова и тоже тяготевший к масонству. И.П. Тургенев познакомил Карамзина и с самим Николаем Ивановичем Новиковым, руководителем «Дружеского ученого общества», занимавшегося распространением «истинного просвещения», полезных знаний и общедоступной детской литературы⁶⁴.

Казалось бы, жизнь на одной квартире с Петровым, который как старший по возрасту, знаток европейской литературы и классических языков оказывал благотворное влияние на умственное и нравственное развитие Николая Михайловича, а также общение с видными просветителями, группировавшимися вокруг Новикова и Тургенева, должны были прочно привязать его к Москве. Но уже зимой 1785 года Карамзин снова возвращается в Симбирск и живёт в отчем доме рядом со старшим братом почти полгода⁶⁵. Почему?

Думается, что отвлечённые мистицизм и масонство не овладели умом и сердцем жизнерадостного юноши, жаждавшего практической деятельности на пользу общества. Теперь его тянула спокойная домашняя обстановка, возможность по-

64 Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 334.

65 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника, Л., 1984, с. 512.

знакомиться с новинками литературы, истории и философии, стать вровень с самыми начитанными современниками и осознанно найти своё место в культурной и общественной жизни. И наконец здесь, в тиши, он намеревался продолжить переводы из Шекспира, Лессинга и других европейских авторов.

Пребывание на лоне природы в родном краю, постоянное общение с братом, одобрявшим его серьёзные занятия, благотворно сказались на душевном настрое, работоспособности, повышении общего тонуса, и в конце июля 1785 года Николай Михайлович вновь отправляется в Москву с самыми радужными надеждами. Здесь происходит новая радостная встреча с Иваном Ивановичем Дмитриевым, который, вспоминая впоследствии о перемене, какую он нашел в родственнике — милом приятеле, писал: «Это был уже не тот юноша, который читал все без разбора, пленялся славою воина, мечтал быть завоевателем чернойбровой, пылкой черкешенки, но благочестивый ученик мудрости, с пламенным рвением к усовершенствованию в себе **человека** (выделено мной. — Ж.Т.). Тот же весёлый нрав, та же любезность, но между тем главная мысль, первые желания его стремились к высокой цели. Тогда я почувствовал пред ним всю мою незначительность и дивился, за что он любил меня ещё по-прежнему!». Последнее уничижительное высказывание появится полсотни лет спустя и не

будет соответствовать действительности. На самом деле оба молодых отставных поручика искренне были рады возможности общаться друг с другом, обсуждать литературные новинки, делиться сокровенными задумками.

Одушевлённость Карамзина высокой целью нашла в 1786 году воплощение в его прозаическом переводе с немецкого дидактической поэмы натуралиста и поэта Альбрехта Галлера «О происхождении зла», в которой в стихах излагались философские «Теодицеи» Г. Лейбница. Перевод произведения, рассматривавшего вечные темы веры и разума, добра и зла — своеобразный аттестат Николая Михайловича на пороге своего 20-летия. Примечательно, что столь дорогую ему самому книжечку он посвятил старшему брату, Василию Михайловичу. «Родство и дружба, — писал он ему в Симбирск, — соединяют сердца наши союзом неразрывным. Всегда почитаю я то время счастливейшим временем жизни моей, когда имею случай излить пред Вами (всю жизнь он так и будет называть брата на «вы». — *Ж.Т.*) ощущения моего сердца..., когда имею случай сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю...»⁶⁶.

Сознание того, что на родине есть дорогой человек, с которым можно поделиться самым сокровенным и получить скорый и дельный совет, моральную и материальную поддержку, сыграло благодатную роль в

⁶⁶ Погодин М.П. Приложение к биографии Н.М. Карамзина. М., 1867. С. 48.

том творческом подъёме, который испытал Николай Михайлович в последующие годы жизни в Москве. В 1787 году он издаёт прозаический перевод трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (работу над ним вёл ещё в Симбирске). По поручению Н.И. Новикова вместе с А. Петровым редактирует журнал «Детское чтение» и сам выступает в нём как переводчик, поэт и прозаик. В начале 1788 года для известного актёра В.П. Померанцева переводит трагедию Лессинга «Эмилия Галотти».

27 февраля 1789 года, в связи с предстоящим путешествием в Западную Европу, Николай Михайлович отправляет брату в Симбирск доверенность на владение своим недвижимым имуществом⁶⁷. Поездка по России проходила по маршруту Москва — Петербург — Рига. Знакомство же с немецкими землями началось с Кенигсберга, где Николай Карамзин имел честь беседовать в домашней обстановке со знаменитым профессором университета Иммануилом Кантом, автором популярной идеи о социальном прогрессе, венцом которого должно было стать социальное равенство. В Берлине наш путник познакомился со всеми достопримечательностями и с тамошними знаменитостями — поэтом Рамлером, немецким Горацием, и с профессором — психологом Морицом, оказавшим большое влияние на Николая Михайловича. В Дрездене осмотрел знаменитую картинную галерею, а потом отправился

⁶⁷ Атеней, 1858, № 20. С. 244.

в Лейпциг, центр тогдашней германской учености. Здесь его принял доктор Плятнер, прославившийся тем, что ищет истины во всех философских системах. В Веймаре жили тогда корифеи учености - Гете, Виланд, и Гердер. Гениальный творец «Фауста» в эти дни выехал куда-то за город и Карамзину не довелось с ним увидаться. А вот встречи с Гердером, оригинальными трудами которого по философии он восхищался в Москве и с знаменитым писателем Виландом, оставили в его путника неизгладимые впечатления.

Оставив Веймар, Карамзин проехал Эрфурт, Готу, Франкфурт на Майне, Страсбург, и прибыл в швейцарский городок Базель, а оттуда в Цюрих, где жил писатель и философ Иоанн Лафатер, с которым имел переписку. В течение двух недель Николай Михайлович ежедневно, как желанный собеседник бывал у Лафатера, и при расставании приобрел две его рукописи: «Сто тайных физиономических правил» и «Памятник для любезных странников». После Цюриха Николай Михайлович побывал в Берне и еще в трех небольших городках, а задержался в Лозанне, откуда направлялся любоваться изумительно красивыми берегами Женевского озера, воспетого Руссо. Четыре зимних месяца (до начала марта следующего года) он провел в Женеве, где читал французских писателей, бывал в опере и на вечерах литераторов, делал вылазки на Альпийские горы.

27 марта 1790 года дилижанс доставил Карамзина

в Париж, и около трех месяцев он изучал столицу образованного мира, законодательницу мод и светскости, посещал учебные заведения, библиотеки, музеи, бывал на заседаниях Академии наук, ходил по театрам, знакомился с достопримечательностями, наблюдал характер и нравы французов, изучал их литературу. С особо пристальным вниманием вникал Николай Михайлович во взятие 14 июля 1789 года восставшим народом Бастилии и революционное переустройство политической жизни страны. Следует напомнить, что само слово «свобода» являлось для Карамзина неотразимо-привлекательным, что к Робеспьеру он относился с «почтением, удивляясь его бескорыстию, серьезности характера»⁶⁸. Были близки Николаю Михайловичу и мысли Робеспьера о просвещении народа. В конце июня Николай Карамзин покинул Францию и прибыл в Лондон, где пробыл около недели, а затем, тоже на пароходе отплыл в Кронштадт. Пользуясь случаем он несколько дней пробыл в Петербурге, где Иван Дмитриев представил его Гавриилу Романовичу Державину и где он познакомился с другими писателями, а 15 июля оказался уже в Москве.

Почти четырнадцать месяцев длилось это путешествие Карамзина и для того, чтобы только обработать дорожные дневники и подготовить их к печати, надо было надолго отрешиться от других дел, свести к минимуму переписку даже с родными. А с

68 Тургенев Н. Россия и русские. М., 1915. С. 342

конца 1790 — начала 1791 года Николай Михайлович был поглощён изданием своего ежемесячного «Московского журнала». «Журнал этот, — по словам известного библиографа XIX столетия М.Н. Лонгинова, — по справедливости восхитил современников как новостью, заманчивостью и разнообразием содержания, так и языком, преобразование которого, соответственно требованиям изящного вкуса и истинному духу его, начато было тогда прозой Карамзина. В нем появились четыре первые части его «Писем русского путешественника», целый ряд повестей, и множество критических и других статей, им писанных, а также и стихов его. В «Московском журнале» произведена была и реформа стихотворная Дмитриевым, которого талант успел возмужать и поставил его во главе поэтов новой школы, основавшейся под его влиянием. Сотрудниками Карамзина были кроме того Херасков, Державин, Нелединский-Мелецкий и другие из известнейших писателей»⁶⁹. Замечу, что именно в «Московском журнале» была напечатана его знаменитая повесть «Бедная Диза», а также повести «Фрол Силин» и «Наталья — боярская дочь», содержащие автобиографические черты Николая Михайловича.

Конечно, все свои публикации он высылал старшему брату (которого в это время избрали председателем дворянства Сенгилеевского уезда), делился

⁶⁹ Лонгинов М.Н. Николай Михайлович Карамзин. СПб, 1866. С.26-27.

в письмах своими радостями и невзгодами. Однако в эту напряжённую пору, когда правительство жестоко преследовало масонов, и Н.И. Новиков, И.П. Тургенев и другие просветители попали в разряд политически неблагонадежных деятелей, когда цензура чуть ли не требовала враждебных высказываний о революционных событиях во Франции, а откровенная переписка стала опасна, Николай Михайлович и его корреспонденты предпочитали пересылать письма с оказией, а потом вообще уничтожали их... В этом кроется отгадка, почему ничего из переписки между братьями Карамзиными не дошло до нас.

По письмам же Николая Михайловича к И.И. Дмитриеву и его произведениям видно, что он не забывал о своих родных и мечтал посетить отчий край. И только осенью 1791 года он наконец сообщил И.И. Дмитриеву, что выезжает в Симбирск: «Прошу тебя, прошу Александра Ивановича, прошу Марфу Михайловну (свою младшую сводную сестру, которая жила в семье Дмитриевых. — Ж.Т.) приехать в Симбирск для свидания со мною, где мне нельзя пробыть более десяти дней»⁷⁰.

Почему он поставил себя в такие жёсткие рамки пребывания в Симбирске и какое в действительности время находился в кругу родных — неизвестно. С уверенностью можно сказать, что, помимо горячего желания повидаться с близкими, а также полюбоваться Волгой и прилегающими к ней чудными пейзажами, Николай Михайлович хотел в задушевных

70 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 15.

беседах с Иваном и Александром Дмитриевыми и старшим братом поделиться своими сокровенными мыслями, выслушать их советы, пожелания, просьбы. В числе последних были заказы прислать «Политический журнал» и другие издания.

Санный путь установился лишь в начале декабря, но на рождественские праздники Николай Михайлович уже прибыл в Симбирск и наслаждался обществом старшего брата, Ивана и Александра Дмитриевых⁷¹. Пребывание и на этот раз было непродолжительным: в январе 1792 года он уже трудится в Москве. В апреле был арестован Н.И. Новиков, а за ним репрессии коснулись и других членов «Дружеского научного общества», в том числе Ивана Петровича Тургенева, которого привезли из Симбирска в Москву на допрос, а затем отпустили в своё симбирское имение, как в ссылку⁷². Так как в этой операции участвовал адъютант командующего Москвы племянник Николая Михайловича Сергей Сергеевич Кушников, то он из первых рук знал о развернувшихся гонениях на просветителей.

К счастью, самого Карамзина репрессии не коснулись, хотя следователи и подозревали о его причастности к масонам и интересовались на допросах, на какие деньги он ездил за границу. Но в сложившейся обстановке Николай Михайлович в

71 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 22, 25.

72 Письма А.И. Тургенева к Булгаковым. М., 1939. С. 225.

декабре 1792 года объявляет о прекращении издания «Московского журнала» и желании учиться пользоваться сокровищами древности, чтобы приняться за такой труд, который мог бы остаться памятником души и сердца, а также о намерении издавать альманах под названием «Аглая».

И Карамзин, уже один из широко читаемых писателей России, воспользовавшись гостеприимством высокоинтеллигентной семьи Плещеевых, лето и осень 1793-го проводит в их имении при селе Знаменском Орловского наместничества (в 300 верстах от Москвы). Но как бы ни было хорошо в этом Знаменском, хотелось навеститься в свое родное Знаменское, и уже 22 июня в письме к И.И. Дмитриеву в Петербург Николай Михайлович пишет: «В начале зимы думаю ехать в Симбирск: нельзя вместе? Приезжай и поедem!». В письме от 17 августа он продолжает разговор о заветном: «Как бы хорошо было, если бы ты выехал из Петербурга по первому пути! Мы бы обнялись на берегу бедной Яузы и поскакали бы вместе на берег великолепной Волги. Я верно отправляюсь в Симбирский край в начале зимы, дал слово и намерен сдержать его»⁷³.

Обстоятельства не позволили Ивану Ивановичу выехать на родину вместе с ним, и Николай Михайлович, выразив 2 декабря своё сожаление, попросил дать «торжественное слово», что для свидания

73 Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы к биографии. М., 1866. Ч. I. С. 212.

с ним друг приедет в Симбирск. Затем продолжил разговор в стихах:

Поживем вместе хотя несколько дней там,
Где в первый раз открыл я взор,
Небесным светом озарился
И чувством жизни наслаждался;
Где птичек нежный громкий хор
Воспел рождение младенца;
Где я природу полюбил, —
Ей первенцы души и сердца,
Слезу, улыбку, посвятил
И рос в веселии невинном,
Как юный мирт в лесу пустынном.

Надеюсь, что и любезный Александр Иванович захочет со мною видеться. Нам право будет весело»⁷⁴.

Эти автобиографические строки — отрывок из прекрасного стихотворения «Волга» — вдохновенного гимна «Реке, священнойшей в мире, кристальных вод царице...», который он недавно написал.

Встреча в Симбирске с Дмитриевыми состоялась в январе 1794 года, но вряд ли она выглядела «весело»: гонения на всех, кто был близок к Новикову — теперь узнику Шлиссельбургской крепости, продолжались. И даже Ивану Петровичу Тургеневу, хотя и разрешалось приезжать из своей деревенской ссылки в Симбирск, он по-прежнему находился в опале. И вскоре после возвращения в Москву Николай Михайлович по существу сам себя обрёл на полуот-

74 Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. С. 45.

шельническую жизнь в орловском Знаменском, где не общался ни с кем, кроме хозяев — Плещеевых. Летом, во время прогулки в окрестностях села, на него напали разбойники и «убили бы до смерти, если бы не мужики, ехавшие с поля...». Сообщая об этом 4 августа И.И. Дмитриеву, находившемуся в Сызранском имении, Николай Михайлович выражает желание встретиться с ним, «милым земляком», нынешнюю «зимою в Симбирске». 9 сентября он делится с Иваном Ивановичем своим беспокойством о «брате Василии Михайловиче», от которого более месяца не имел писем. Через два месяца в письме к Дмитриеву ставится старый вопрос: «Долго ли пробудешь в Сызрани? Могу ли увидеться с тобою в Симбирске?».

Но на сей раз пути их разошлись. Николай Михайлович так загрузил себя работой над повестью «Юлия», подготовкой очередной книжки «Аглаи» и переводом с французского «Новых Мармонтелевых повестей», что смог завершить сборы к поездке в Симбирск только 16 февраля 1795 года.

В день отъезда Николай Михайлович навестил известного писателя, попечителя Московского университета и покровителя просветительской деятельности Н.И. Новикова Михаила Матвеевича Хераскова, находившегося, по существу, под домашним арестом. Жена Хераскова, Елизавета Васильевна (кстати, тоже обладавшая незаурядным поэтическим дарованием), воспользовавшись верной оказией, тут же набросала послание к другу и единомыш-

леннику Ивану Петровичу Тургеневу: «Сегодня едет в Симбирск Н.М. Карамзин и, конечно, увидится с вами... Ах! Мой друг, как тошно жить без отрады... Завидно мне, что увидит тебя Н.М., видно, нам уже не видаться... Н.М. часто бывал у нас, мы с ним гораздо больше прежнего познакомились и более узнали цену его. Без лести сказать, что он редко хороший человек во всех отношениях; мы любим его много и очень, очень много; он же и тебя любит, то как мне не любить его»⁷⁵.

Николай Михайлович находился в родном городе всего лишь около двух недель, но с дорогим Иваном Петровичем он встречался не раз, тем более, что обитали они, как говорится, на виду друг у друга: дом Карамзиных находился в северной части Венца, а Тургеневых — в южной, фасадом на Соборную площадь. К своему глубокому удовлетворению Николай Михайлович убедился, что трехлетняя ссылка не сломила духа Ивана Петровича, являвшего собой энциклопедически образованного человека и истинно свободную личность, сохранившую чувство собственного достоинства и веру в возможность «скуку жития ученьем украшать». Николаю Михайловичу отрадно было видеть, что его былой покровитель и старший товарищ И.П. Тургенев одобрительно относится к его литературной и издательской деятельности и что не забыл, как он, Карамзин,

75 Письма Н.М. Карамзина к В.М. Карамзину (1795—1798). Публикация В.Э. Вацура. — Русская литература, 1993, № 2. С. 87.

своим стихотворением «К Милости» призывал императрицу проявить милосердие к Н.И. Новикову и другим масонам. Красноречивым свидетельством того, что встречи в Симбирске укрепили дружеские узы между ними, являются строки из послания Е.В. Херасковой к И.П. Тургеневу от 27 марта 1795 года: «Благодарю тебя за письмо, которое получила я с Ник. Мих.: ты мало пишешь, но я зато много расспрашивала его о вас; он любит тебя очень и, кажется, более, чем прежде любил»⁷⁶.

А вот общение Николая Михайловича со своими братьями Василием, Фёдором и Александром во время этого пребывания в Симбирске носило, можно сказать, минорный характер: ведь он продал им свою земельную часть имения (за 16 тысяч рублей и получил векселя на эту сумму)⁷⁷, чем, по существу, отрезал себе возможность иметь своё поместье. Этот поступок, очевидно, более всех огорчал Василия Михайловича, ибо он-то знал, что вырученные деньги предназначались, главным образом, семье Плещеевых, которая попала в какое-то сложное финансовое положение... Утешала лишь мысль, что и в этот раз они расстанутся истинно по-братски, без единого облачка в их отношениях, а следовательно, остаётся и надежда на возможность возвращения всего на круги своя.

⁷⁶ Русская литература, 1993, № 2. С. 87.

⁷⁷ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 53.

Глава 6. ДОРОГА В ХРАМ ИСТОРИИ

Из заметок Николая Карамзина, сделанных в мае 1790 года в Париже, видно, что он давно лелеет мечту создать Историю своего Отечества. «Больно, но должно по справедливости сказать, отмечалось в этих заметках, – что у нас до сего времени нет хорошей Российской истории, то есть писанной с философским умом, критикою, с благородным красноречием. Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословия князей, их ссоры, междоусобия, набеги половцев, не очень любопытны: соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые томы? Что неважно, то сократить, как сделал Юм в английской истории, но все черты, которые обозначают свойство народа русского, характер древних наших героев, отменных людей, происхождения, действительно любопытные, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий – Владимир, свой Людовик XI – царь Иоанн, свой Кромвель – Годунов, и еще такой Государь, ко-

торому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории. И даже в истории человечества: его то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микельанджело»⁷⁸.

И во вступлении к повести «Наталья, боярская дочь» расположение автора к старине и занятиям историческим выражено явственно: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили так, как думали? По крайней мере я люблю сии времена, люблю на быстрых крыльях воображения летать в их отдаленную мрачность, под сенью истлевших вязов искать бородатых моих предков, беседовать с ними о приключениях древности, о характере славного народа русского...».

Николай Карамзин отчетливо понимал, что понадобится и время, и немало усилий, пока он научится пользоваться сокровищницами древности и сможет приняться за труд, который остался бы «памятником души и сердца» его как для потомства, так и для друзей и приятелей. И только весной 1800 года он смог заявить другу-земляку Ивану Дмитриеву: «Я по уши влез в Русскую Историю: сплю и вижу Никона

⁷⁸ Карамзин Н. Письма русского путешественника. М., 1983. С. 321.

с Нестором». Это страстное стремление заняться заветным трудом нашло отражение и в одах, связанных с восшествием Александра I-го на престол, в марте 1801 года. В первой из них, следуя правилам риторики и пиитики, он сравнил нового императора с ангелом Божьим, восшествие на престол – с наступлением весны. Но, признавая право Государя править самовластно, выразил уверенность, что Александр будет свято чтить издаваемые законы:

Тебе одна любовь прелестна:
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благородным быть?
Любовь со страхом не совместна;
Душа свободная одна
Для чувств ее сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Сколь ты, свобода, нам мила
И с пользою царей согласна;
Ты вечной славой их была.

Свобода там, где есть уставы,
Где добрый не боясь живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый!

Искренне веря, что правление Александра I-го будет подчинено благу народа, и приветствуя прибытие императора в Москву на коронацию, Ка-

рамзин в апрельской оде выразил свое сокровенное намерение строками:

Я в храм Истории иду,
И там дела твои найду.

В этом же апреле Николай Михайлович сочетался браком с горячо любимой девушкой. «С сердечной радостью уведомляю Вас, – сообщал он в Симбирск брату Василию Михайловичу, – что я женился на Елизавете Ивановне Протасовой, которую 13 лет знаю и люблю. Она просит Вашей дружбы, в которой Вы ей, конечно, не откажете. Женильба не переменила образа моей жизни: я живу в прежних своих небольших комнатах, с тою разницею, что буду чаще дома. Она имеет только 150 душ, но я надеюсь, что с моим доходом мы проживем год без нужды и с приятностью»⁷⁹.

Счастливо складывающаяся семейная жизнь Николая Михайловича совпала с ослаблением в России цензуры и предложением книгопродавца И. В. Попова об издании журнала, содержавшего главные новости в литературе и политике. В программе такого журнала, под названием «Вестник Европы», издаваемого Николаем Карамзиным, говорилось: «Нам приятно думать, что в Грузии или в Сибири читают те пиесы, которые (двумя или тремя месяцами прежде) занимали парижскую и лон-

79 Атений, 1858, № 15. С. 203.

донскую публику. Сверх того, в «Вестнике» будут и русские сочинения в стихах и прозе... Всякий истинный талант, рожденный действовать на умы в своем Отечестве, украшать словесность и язык, имеет право требовать себе место в журнале, удостоенном внимания публики: обещаем ему нашу искреннюю благодарность»⁸⁰.

На этот призыв к сотрудничеству откликнулись Григорий Державин, Михаил Херасков, Иван Дмитриев, Василий Жуковский и другие литераторы. Однако большую часть материалов для «Вестника Европы», выходившего по две книжки в месяц, творил сам Карамзин. Причем многие свои статьи и очерки он публиковал без подписи. И его энергичные усилия по созданию первого в России журнала на европейском уровне были вознаграждены небывалой подпиской – 1200 читателей. В их числе, благодаря содействию брата Василия Михайловича, в Симбирске подписчиками на «Вестник Европы» стали семьи Сушковых, Ермоловых, Аржевитиновых, Апраксиных и И. В. Колебакина.

В начале марта 1802 года старший брат, состоявший в гражданском браке со своей экономкой, сообщил Николаю Михайловичу о рождении дочери Ольги. И почти в это же время Елизавета Ивановна подарила мужу дочь, которую Николай Михайлович в ее честь нарек Лизанькой. Увы, радость отцовства была горько омрачена обострившейся чахоткой жены, которая,

80 Муравьев В. Николай Карамзин. М., 2005. С. 335.

4 апреля свела ее в могилу. Несчастный вдовец, отрешившись на целый год от света, отдавал все свое время дочке и выпуску очередных номеров журнала. В письме к брату в Симбирск от 6 июня 1803 года он поделился сокровенным: «Занимаюсь трудами, во-первых, для своего утешения, а во-вторых, и для того, чтобы было чем жить и воспитывать малютку... Мне хочется до того времени выдавать журнал, пока у меня будет столько денег, чтобы жить без нужды; а там хотелось бы мне приняться за труд важнейший: за Русскую Историю, чтобы оставить по себе недурной монумент⁸¹.

Об этом намерении он сказал другу Ивану Дмитриеву, а тот, одоблив, посоветовал обратиться в Петербург, к власти предержащим.. После долгих колебаний Карамзин направил прошение Михаилу Никитичу Муравьеву, товарищу министра просвещения и попечителю Московского университета, увлекавшемуся и поэзией. В своем письме к нему от 23 сентября 1803 года Николай Михайлович доверительно сообщал:

«Слабые глаза не позволяют мне трудиться по вечерам и принуждают меня отказаться от «Вестника». Могу и хочу писать Историю, которая не требует поспешной и срочной работы, но еще не имею способа жить без большой нужды. С журналом я лишаюсь 6000 руб. дохода. Если Вы думаете, милостивый государь, что правительство может иметь

81 Атеней, 1858, № 33. С. 251.

некоторое уважение к человеку, который способствует успехам языка и вкуса, заслужил лестное благоволение российской публики, и которого безделки, напечатанные на разных языках Европы, удостоились хорошего отзыва славных иностранных литераторов, то нельзя ли при случае доложить Императору о моем намерении написать Историю, не варварскую и не постыдную для Его царствования? Во Франции, богатой талантами, сделали некогда Мармонтеля историографом и давали ему пенсию; у нас в России, как Вам известно, не много истинных авторов. Если галиматья, под именем «Корифея», печатается на счет казны; если перевод «Анахарсиса» удостоился вспоможения от правительства, то чего же, казалось бы, не поддержать автора, уже известного в Европе, трудолюбивого и пылающего ревностью к славе Отечества?».

Довольно скоро, уже 31 октября, император подписал указ, в котором говорилось: «Как известный писатель, Московского университета почетный член, Николай Карамзин, изъявил Нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории Отечества нашего, то Мы, желая ободрить его в столь похвальном предприятии, Всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве историографа, по две тысячи рублей ежегодного пансиона из кабинета Нашего»⁸².

Первым человеком, которому Николай Ми-

82 Старчевский А. Н. М. Карамзин. М., 1849. С. 179.

хайлович показал желанный царский указ, был Иван Иванович Дмитриев. Известный баснописец, оставив коронную службу, проживал в деревянном доме у Красных ворот, с прелестным садиком. Здесь он хлебосольно принимал литературный цвет Москвы. А вторым, конечно же, стал князь Андрей Иванович Вяземский, особняк которого тоже охотно посещали интеллектуалы. У Карамзина и Вяземского дружеские отношения сложились давно, и, по воспоминаниям сына последнего – Петра, в будущем известного поэта, беседы и полемика между ними «длились без конца». Но с осени 1803-го Николай Михайлович посещал дом Андрея Вяземского не столько для встреч с хозяином, сколько с его старшей, 24-летней дочерью Екатериной. Эта хорошо образованная и очень красивая девушка была плодом романтической любви князя-отца с графиней Елизаветой Сиверс. После долгих хлопот Андрею Ивановичу удалось удочерить девочку, но без права передачи ей княжеского титула и фамилии. Вот почему Екатерина, родившаяся в городе Ревель (Колывань, по славянскому названию), получила фамилию «Колыванова».

Такова вкратце предыстория следующих строк письма Карамзина к брату в Симбирск от 2 декабря 1803 года: «Сообщаю вам две новости: первая, что Император пожаловал мне пенсioen, в год по две тысячи рублей, и сделал меня историографом; а вторая то, что я женюсь на милой девице Катерине Ивановне

Колывановой. Вы, без сомнения, и в том и другом возьмете братское участие»⁸³. Василий Михайлович в полной мере оправдал эти надежды. Тотчас же по получении письма, несмотря на сильные морозы, он спешит с подарками в Москву и 8 января 1804 года, присутствует в числе самых близких гостей в особняке Вяземских в Большом Знаменском переулке и благословляет дорогого Николая и его избранницу Екатерину на счастливый союз.

В те недели, что Николай Михайлович провел со старшим братом в Белокаменной, они обговорили о многом, что хотелось сказать с глазу на глаз в течение долгих девяти лет, пролетевших со времени последнего общения в Симбирске. Свои теплые чувства об этих беседах Николай Михайлович подытожил в письме, посланном 8 марта в родной город: «С сердечным удовольствием, любезный братец, буду я долго вспоминать о нашем свидании т всех знаках вашей братской дружбы; жалею, что судьба не позволяет нам жить в одном месте... Беременность милой моей жены не позволяет мне думать о путешествии в Киев, о котором мы говорили, хотя мне очень хотелось бы побывать в тех местах»⁸⁴. Трудно сказать, кто из братьев выдвинул идею этого путешествия, но несомненно, что они оба были убеждены, что в местах, где образовалась Киевская Русь уцелели летописные источники, необходимые

83 Атений, 1858, № 20. С. 253.

84 Атений, 1858, № 20. С. 254.

для при работе над первыми главами «Истории государства Российского».

А пока Николай Михайлович добивается разрешения на просмотр в московском архиве Иностранной коллегии «всех бумаг, имеющих отношение к российской истории». В письме же к М. Н. Муравьеву от 9 ноября 1803 года он просит исходатайствовать царское разрешение пользоваться и другими хранилищами и библиотеками, в том числе Патриаршей и Троицкой где хранятся древние летописи⁸⁵.

Автор первой биографии Н.М. Карамзина Альберт Старчевский, касаясь начальной работы историкографа с историческими материалами, нарисовал безрадостную картину их хранения и обработки. «Библиотеки наши (т.е. московские) были в беспорядке; каталогов не существовало; летописи и хронографы еще не подвергались ученому исследованию, грамоты были рассеяны по всем русским монастырям и архивам; древняя география оставалась какою-то терра-инкогнито, летоисчисление и генеалогия были перепутаны; о нумизматических собраниях не имели и понятия, равно как об археологии; все наши сношения с соседними государствами скрывались в статейных списках; об иностранных летописях и о сказаниях иностранцев, бывших в России, никто и не слыхал; если же и было издано несколько летописей, то без всякой критики и отчетливости; несколько исторических компиляций, напечатанных прежде,

85 Старчевский А. Указ соч. С.181.

не облечали, но скорее замедляли историческую работу; только вопрос о варягах был более или менее удачно рассмотрен с разных сторон, и трудолюбивый Шлецер, напечатав первую часть своих изъяснений на Нестора, показал, как издавать летописи.

К этому надобно еще прибавить, — продолжал Старчевский, — что Кармзин не получил строгого классического образования, слегка знал древние языки и не занимался историческою критикой. Перед ним стояла хаотическая груда исторических памятников, печатных и письменных. Карамзину предстояло все это изучить, исследовать критически и после того составить по ним свою историю. Сколько потребно было времени только на одно проведение в порядок и сличение этой громады фолиантов! Рассмотрение и сличение однородных материалов тоже требовало немало терпения»⁸⁶.

86 Старчевский А. Указ соч. С.184.

Глава 7. ТАК ТВОРИЛИСЬ ТОМА «ИСТОРИИ...»

В одном из первых писем, направленных брату после его отъезда из Москвы на родину, Николай Михайлович, тепло поблагодарив за пристальный интерес к своей «приятной, но трудной работе» по созданию «Истории», заверил дорогого человека: «Тружусь усердно... Пишу теперь «Вступление», то есть краткую историю России и славян до самого того времени, с которого начинаются собственно наши летописи. Этот первый шаг всего труднее мне, надобно много читать и соображать; а там опишу нравы, правление и религию славян, после чего начну обрабатывать Русские летописи»⁸⁷.

Лето историограф с женой проводил в Остафьеве, подмосковном имении Вяземских. В послании к брату в Симбирск от 13 сентября 1804 года он заметил: «Упражнения мои вам известны. Все идет медленно и на каждом шагу вперед надобно оглядываться назад. Цель так далека, что боюсь даже и мыслить о конце»⁸⁸. А 1 ноября, уже из Москвы, с радостью известив о рождении дочери Наташи, высказал сожаление, что милый брат не может быть на ее крестинах.

«Теперь пишу о нравах, правлении и вере

⁸⁷ Атений, 1858, № 20. С. 255.

⁸⁸ Там же. С. 256.

древних славян, — говорится в его письме от 20 декабря, — и надеюсь это кончить около февраля, чтобы приняться уже за нашу историю с Рюрика. Я делаю все, что могу, и совершенно почти отказался от света; даже обедаю с некоторого времени один, не ранее пятого часа, и нередко лишал себя удовольствия быть с моей любезной женой»⁸⁹. И при таком, чуть ли не отшельническом образе жизни, он уложился в намеченный срок и в письме от 26 марта 1805 года сообщает брату: «Пишу второй том, еще о временах Рюрика. Если бог продолжит ко мне свою милость, то к зиме могу начать третий. Несмотря на то, что многими книгами пользуюсь даром, я должен еще издерживать немало денег на покупку иностранных книг». Из письма от 29 сентября видно, что серьезная болезнь почти на два месяца выбила Николая Михайловича из графика, но как только ему стало лучше, он снова взялся за свою Историю. И уже в письме от 20 ноября он с удовлетворением пишет брату: «Вы желаете знать, любезнейший брат, как я далек в своей «Истории»: оканчиваю «2-й том и дошел до введения христианской веры»⁹⁰.

В каждом письме Николая Михайловича, естественно, содержались сведения о семейных новостях, важных событиях из жизни России и Европы. Он постоянно интересовался всем, чем занимается брат

89 Там же. С. 257.

90 Там же, 1858, №21. С. 340.

Василий в родном краю, охотно выполнял все его просьбы о приобретении вещей, продуктов, книг, а также о подписке на газеты и журналы. Выполняя просьбу брата о высылке ему своего портрета, Николай Михайлович заказал его знаменитому живописцу Дамону (этот портрет, ныне часто публикуемый, был написан в 1806 году, но прежде чем выслать его в Симбирск, Екатерина Андреевна сама сделала, тоже масляным красками, прекрасную его копию).

В это время в России с напряженным интересом следили за действиями Наполеона Бонапарта. Ранее Николай Михайлович симпатизировал его личности и делам, но когда тот провозгласил себя императором Франции и стал вторгаться с войсками в соседние страны, а потом угрожать и России, он стал весьма критически относиться к новоявленному диктатору и завоевателю. Вот характерные отрывки из писем историографа 1805 – 1806 годов к брату в Симбирск.

«Сообщу вам новость, – говорилось в письме от 20 ноября 1805 года. – Вы уже знаете, что вся австрийская армия в немецкой земле пропала, и французы всеми силами напали на Кутузова с 45000 русских. Кутузов должен был ретироваться на встречу другого нашего корпуса, однако ж в самой ретираде разбил целую французскую дивизию, убил 4000 человек и взял в полон 1500. Дай Бог, чтобы и

впредь мы имели такие известия»⁹¹. «Достоверно, что пруссаки разбили один французский корпус, – сообщал Николай Михайлович брату в конце того же года. – Наше войско, под командованием Беннингсена, вошло уже в прусское владение: мы идем опять против французов. Будем ли счастливее? Увидим. Боюсь, чтобы они уже не управились с пруссаками до прихода русских. Австрийцы ни с места и дают Бонапарте время раздавить Пруссию. Дела чудные! Бонапарте должно быть помешан, перебьет и перестреляет он еще многих, пока совершенно не сойдет с ума или не взбесится. Такого медведя давно не было в свете».

«Вы уже знаете, чем кончились наши военные действия, – говорилось в письме от 18 января 1806 года. – Я несколько ночей не спал и теперь еще не могу привыкнуть к этой мысли. Французы страшно лгут и хвастаются». Эти переживания Николая Михайловича были порождены вестью об Аустерлицкой битве, в которой Наполеон одержал победу над объединенными русско-австрийскими войсками. Но спустя неделю стало известно о подвиге шеститысячного отряда Багратиона, задержавшего французский авангард, что позволил Кутузову с основными силами армии оторваться от превосходящих сил противника, и Карамзин слагает «Песнь воинов». В противовес Европе,

91 Атеней, 1858, № 21. С. 256.

где «цари и народы слезы льют» и возлагают все надежды на небесный суд, Николай Михайлович решительно заявляет:

Нет, нет! У нас святое знамя,
В руках железо, в сердце пламя:
Еще судьба не решена.

... ..

Пощады нет: тебя накажем
Или мы все на месте ляжем,
Что жизнь для побежденных? – Стыд!

А вообще-то, как это видно было из дальнейших писем, Николай Михайлович стоял за заключения мира между Россией и Францией.

Этой тревожной осенью — 22 ноября — семья Карамзиных пополнилась третьей дочерью, названной в честь матери Катериной (будущая княгиня Мещерская). Добавившиеся радостные хлопоты омрачила тяжкая болезнь престарелого Андрея Ивановича Вяземского, от которой он и скончался в апреле 1807 года. Сообщая об этом брату, Николай Михайлович писал: «Последняя воля незабвенного князя состояла в том, чтобы жена моя и княжна жили вместе до замужества последней и чтобы я имел попечение о сыне его пятнадцатилетнем до его совершенного возраста... Князь, по завещанию, отказал

Катерине Андреевне 800 душ нижегородских с условием, чтобы она взяла на себя 35 000 р. долгу».

В последующих двух письмах в Симбирск, коснувшись своей «Истории», Карамзин вынужден был констатировать, что в сложившейся обстановке работа была «не спора от беспокойства душевного», что хозяйственные дела и хлопоты «кружат» голову. Но с наступлением тепла Николай Михайлович со всеми домочадцами перебрался в Остафьево и смог приняться за кабинетную работу. В письме к брату 6 июня он сообщал: «В труде моем бреду вперед, шаг за шагом, и теперь, описав ужасное нашествие татар, перешел в четвертый-надесять век. Хотелось бы мне до возвращения в Москву добраться до времен Дмитрия, победителя Мамаева. Иду голой степью; но от времени до времени удастся мне находить и места живописные. История не роман; ложь всегда может быть красива, а истина в простом своем одеянии нравится только некоторым умам опытным и зрелым. Если бог даст, то добрые россияне скажут спасибо или мне, или моему праху.

Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства! Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе. Вы живете, любезный брат, в древнем отечестве болгаров, народа довольно образованного и торгового, поработленного татарами. Близ Симбирска, в летние месяцы, ночевал иногда и

славный Батый, завоеватель России. Я теперь живу в прошедшем, и старина для меня всего любезнее»⁹². В письме от 22 августа он с удовлетворением сообщал: «А. И. Тургенев дал вам весть обо мне, а мне об вас: он на сих днях был у нас и поехал в Петербург... Тихая сельская жизнь мне гораздо приятнее городской, хотя мы имеем и весьма добрых знакомцев в Москве. Кто любит жену, детей и занят делом, тому люди более мешают, нежели помогают наслаждаться жизнью».

Что касается Александра Ивановича Тургенева, то он всегда был желанным посетителем. И не только потому, что был земляком по Симбирску и членом семьи, с которой Карамзины с давних пор находились в тесных дружеских отношениях. Ведь после кончины М. Н. Муравьева именно он стал деятельным корреспондентом Карамзина по части доставления ему рукописных источников и редких книг... Профессор Н. Булич в связи с этим отмечал: «Его официальное положение в Петербурге, образование и чрезвычайно развитая склонность к русской истории, доказанная изданными им важными историческими документами, делали его драгоценным помощником историографа. Письма Карамзина к нему исключительно посвящены библиографическим вопросам труда его; в них выражается полное увлечение предметом, полная преданность труду. «Главная моя за труд награда есть

92 Атеней, 1858. №21. С. 418.

удовольствие» – пишет он Тургеневу и рассказывает свои восторги при случайной находке какой-либо... Находка, например, Волынской или Ипатьевской летописи, по собственному его признанию, лишали его сна на несколько ночей»⁹³.

Однако Николай Михайлович выкраивал время для чтения периодики и в письмах к брату делился важнейшими новостями. В письме от 2 августа 1808-го он сетует: «Нет ни малейшей надежды и никакого следа к миру... Бонапарте готовит что-то для Австрии и еще не допускает нас помириться с турками. В Финляндии деремся крепко. Скоро на море услышим пальбу». «Бонапарте оставил Мадрид и поскакал дать сражение англичанам, которые, соединяясь с остатком разбитой гишпанской армии, стоят близ границ Португалии. Он их побьет... а там? Волгу легко запрудить в Тверской губернии, а в Симбирской уже трудно».

Выполняя просьбы брата, он аккуратно высылает ему книги и журналы. И не только ему лично. В письме от 4 апреля 1809 года извещает: «Сенатские прибавления» для благородного симбирского собрания будут отправлены завтра, а газеты иностранные получите не прежде, как месяца через два, ибо их надобно выписывать нарочно из чужих краев, а выписанных уже нет. Кроме двух вестников («Вестник Европы» и «Русский Вестник». – Ж.Т.) вами получаемых, здесь нет журналов, достойных

93 Симбирский юбилей Н. М. Карамзина. С.126.

внимания»⁹⁴. Чуть позднее Николай Михайлович выписал для «клуба» симбирского «Сенатские ведомости» и «Петербургский журнал».

А вот о своей работе над «Историей» он пишет уже не в каждом письме и лаконично. Так 21 июня ограничился сообщением: «Я по обыкновению работаю и кончил описание времен Дмитрия Донского; но теперь должен еще многое поправить назад»⁹⁵. Последовавший полугодовой перерыв в переписке Николай Михайлович объяснил горестью и болезнями: в феврале 1810-го от горячки скончалась младшая дочь А. И. Вяземского, и этот внезапный удар на две недели свалил в постель и его самого, и только благодаря самоотверженности Екатерины Андреевны, «которая 10 дней не ела и не спала», и на сей раз ожил. Немало треволнений пришлось пережить семье Карамзиных и в связи с продажей особняка Вяземских (молодой Петр Вяземский наделал долгов) и переездом в дом Сергея Сергеевича Кушников. Лето, как обычно, можно провести в Остафьево, а осенью придется нанимать дом в Москве. «В наемных домах жить скучно, писал Николай Михайлович брату 28 марта 1810 года, – но малые доходы наши и великая на все дороговизна не позволяют нам купить собственного. Не хочется входить в долги»⁹⁶.

Но этой зимой в жизни историографа произошло и важное отрадное событие, о котором он сообщил

94 Атений, 1858, №22. С.422.

95 Там же, № 23. С.474.

96 Атений, 1858, № 23. С.458.

и брату: «Государь, находясь в Москве, изволил сказать мне несколько приветливых слов; а еще более великая княгиня, к которой, выполняя волю Ее, нарочно я ездил после в Тверь. Жил там шесть дней, всякий день обедал во Дворце и читал по вечерам мою Историю Великой княгине и Великому князю Константину Павловичу. Они пленили меня своею милостию».

В мае семью Карамзиных постигло страшное горе, о котором Николай Михайлович сообщил брату в нескольких строках: «Мы лишились любезнейшей дочери Наташи. Все остальные дети наши имеют ту же злую болезнь, страшный кашель, называемый коклюш, особенно Сонюшка и без того весьма слабая грудью». В письме к Ивану Дмитриеву в связи с потерей шестилетней Наташи оказались и более отчаянные строки: «Я не бьюсь головою об стену, но едва ли когда-нибудь возвращусь в прежнее спокойное состояние».

В середине июля Николай Михайлович получил Высочайшую грамоту со знаками 3-й степени ордена св. Владимира. Обращаясь к историографу, Александр I-й назвал в грамоте основные его заслуги: «Отличные познания и усердие ваше в распространении российских писем и словесности, наипаче же труды, употребленные вами в изысканиях и составлении отечественной нашей истории»⁹⁷. Царское внимание было воспринято

⁹⁷ Там же. С.478.

Карамзиным с благодарностью, но в письме к И. Дмитриеву он не сдержал печальной ноты: «Все это очень хорошо, но милой Наташи нет на свете! Грущу за себя и беспокоюсь за Катерину Андреевну. Она всякий день плачет. Я могу умерять грусть свою работою, а ей гораздо труднее».

В конце лета Николай Михайлович вынужден был съездить в нижегородское имение жены, чтобы защитить крестьян от притеснений «межевщика и капитан-исправника». Путешествие длилось три недели, но «важного» сделать так и не удалось. А в холодные ночи так простудил свои больные глаза, что письмо в Симбирск пришлось диктовать писарю. Отвечая на вопрос брата об успехах своих трудов по истории, он смог назвать лишь описание княжения Василия Дмитриевича, сына Донского.

Осенью семья Карамзиных поселилась в Москве, в доме адмирала Мордвинова. А зимой, по приглашению великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа-принца Георга Ольденбургского, Николай Михайлович с женой гостили в Твери. Царственной паре пришлось по душе и отрывки из «Истории», и взгляды автора на исторические законы развития России, и оценка современной обстановки. И они сумели убедить Карамзина в необходимости подробно изложить их в особой записке для Александра I-го.

Николай Михайлович выполнил эту просьбу и

составил сочинение, получившее сначала название «Россия в ее гражданском и политическом отношениях», а потом – «Записка о древней и новой России». По настойчивой просьбе великой княгини и ее супруга в первых числах февраля он с Екатериной Андреевной прибыл в Тверь, где в течение нескольких дней вслух читал во дворце свой трактат. Августейшая чета с одобрением отнеслась к содержанию «Записки» и Николай Михайлович возвратился 18 числа в Москву в приподнятом настроении, ибо великая княгиня твердо заверила, что Александр I-й в марте непременно наведается в Тверь и она представит автору возможность ознакомить императора со своей «Запиской».

И, действительно, числа 10-го марта великая княгиня известила, что 14 числа император прибудет в Тверь и в связи с этим она приглашает историкографа с супругой к себе в гости. Не мешкая они выехали из Москвы и прибыли в город на Волге за два дня до приезда Александра I-го, который прибыл сюда днем 15-го. В этот же день хозяйка в своем кабинете представила брату чету Карамзиных. Ход дальнейших событий Николай Михайлович так изложил в письме от 20 марта к Ивану Дмитриеву, занимавшему пост министра юстиции: «Сверх четырех обедов я с женою был два раза у него во внутренних комнатах, а в третий при великой княгине и принце читал ему свою «Историю» более двух часов, после чего говорил с ним немало – и о чем же? О само-

державии!!! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренне удивлялся его разуму и скромному красноречию»⁹⁸.

Чтение «Истории» – из 5-го тома о Дмитрие Донском и Куликовской битве – и разговор о самодержавии происходили, по мнению В. Муравьева, 18 марта, накануне отъезда царя, и именно тогда, мол, Екатерина Павловна и передала брату «Записку о древней и новой России» и он унес с собой в спальню⁹⁹. Но из письма Карамзина к Дмитриеву видно, что царь покинул Тверь в ночь с 19-го на 20-е марта и, что очень важно, расставался он с историографом весьма дружески. «Прощаясь с нами, – говорилось в письме к Дмитриеву, – он вторично звал меня в Петербург и примолвил, что мы не имеем нужды в наемном доме, что дворец Аничковский довольно велик, что великая княгиня, без сомнения, с удовольствием поместит нас в своем доме». Надо полагать, что «Записку о древней и новой России» император получил от сестры после прощальной беседы с историографом, за несколько часов до отъезда, еще не прочитав его критических замечаний и по поводу своего царствования.

Что именно не понравится монарху в «Записке»? Прежде всего – обличительные характеристики всех царственных особ. Признавая величие Петра I, Ка-

98 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 140.

99 Муравьев В. Николай Карамзин. С. 407.

Карамзин подробно рассматривает «вредную сторону его блестящего царствования», с упреком констатируя, что «тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного», что, пытаясь «сделать Россию Голландией», Петр «не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства», что ошибкой был перенос столицы России в северный край.

Еще более резкой критике был подвергнут век Елизаветы и Екатерины, когда страной фактически правили временщики и фавориты: нравы еще «более развратились в палатах и хижинах». Время царствования Павла I признано как «вредное», но и оно было пресечено «способом вредным» – заговорщики, гвардейские офицеры, ночью убили его... Если учесть, что для многих не была тайной причастность Александра I к заговору против отца, то нетрудно представить чувства, которые обуревали его во время чтения карамзинской «Записки». А ведь в ней содержались и нелицеприятные суждения о порядках и нынешнего царствования: «Россия наполнена недовольными», правительство передало власть губернаторам – «глупцам или грабителям», что, в свою очередь, породило «всякие злоупотребления» чиновников всех ведомств. Не пощадил историограф и основ российской внешней политики, упрекнув, по существу, самого императора в попустительстве геге-

монистским устремлениям Наполеона, приведшим к установлению его господства в Европе¹⁰⁰.

Конечно, в «Записке» содержались и комплименты Александру I, и учтиво изложенные советы по совершенствованию системы государственного управления. Карамзин искренне надеялся, что широкое развитие просвещения ускорит освобождение крестьян, а пятьдесят подобранных умных и добросовестных губернаторов смогли бы обуздать «хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких», верил, что они «восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленников, сохранят пользу казны и народа».

О пребывании в Твери, общении там с императором и его лестном предложении жить в Петербурге, да притом в «Аничковском дворце», Николай Михайлович сообщил в письме к брату Василию от 12 апреля. И пояснил свой отказ от этой милости: «Привязанность моя к Императорской фамилии должна быть бескорыстна: не хочу ни чинов, ни денег от Государя. Молодость моя прошла, а с нею и любовь к мирской суетности»¹⁰¹. Следуя этому принципу, он в мае месяце вежливо уклонился от приглашения Великой княгини приехать с семьей в Тверь, чтобы отдохнуть и познакомиться с отцом мужа, герцогом Ольденбургским – «редко умным и

100 Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983. С. 68.

101 Атений, 1858, № 23. С. 481.

добродетельным» человеком, у которого Наполеон отнял герцогство.

Лето, по традиции, Карамзины проводили в Остафьево. Были недели, когда Николай Михайлович или сам хворал, или кто-нибудь из домочадцев. Но в целом сельское уединение способствовало тому, что он подготовился к описанию правления Ивана Грозного. В письме к Ивану Дмитриеву от 9 августа, сообщая об этом, он не сдержал эмоций: «Вот прямо исторический предмет! Доселе я только хитрил и мудрил, выпутываясь от трудностей. Вижу за собой степь африканскую, а перед собою величественные дубравы, красивые луга, богатые поля и пр.»¹⁰²

В эти дни его по-родственному посетил Александр Сергеевич Кушников и, передавая новости, привезенные им из Симбирска, обрадовал Николая Михайловича вестью, что старший его брат в будущем году намеревается приехать в Москву. Историограф выразил свою и Екатерины Андреевны радость от предстоящей встречи. «Что касается до моих упражнений, – пояснил он Василию Михайловичу, – то иду вперед с нетерпением быть как можно далее. Старость приближается и глаза тупеют: худо, если года за три не дойду до Романовых! Тут мог бы я и остановиться...»¹⁰³.

В следующем письме к брату, от 20 августа

102 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 154.

103 Атеней, 1858, № 23. С. 482.

1811 года, он поделился своими хлопотами о земельных угодьях Петра Вяземского, часть которых с помощью подкупа отняла у него судебная палата. «Взяткобрательство сделалось общим, и справедливость, не подкрепленная деньгами, слаба, как соломинка. Мне надобно было действовать всеми батареями, чтобы одержать верх над самыми глупыми плутами. Вот чем занимался нынешним летом историкограф российский! Несмотря на все мои связи, я, право, ни в чем не уверен, кроме того, что люблю добро и честь».

С наступлением осени семья Карамзиных возвращается в Москву, где Николай Михайлович читает «Историю» для В. Жуковского, А. Тургенева, Д. Блудова и других знакомых. Примечателен отзыв 24-летнего поэта Константина Батюшкова в письме к Николаю Гнедичу: «Я недавно слышал чтение его Истории и уверяю тебя, что такой чистой, плавной и сильной прозы никогда и нигде не слыхал». Из письма Николая Михайловича от 4 декабря к И. Дмитриеву видно, что он здоров, пишет и «часто выезжает в приятельские беседы». 30 декабря, словно подводя итоги 1811 года, в письме к нему же заявляет с оптимизмом: «На прошедший не смею жаловаться... Временное нездоровье, временные огорчения сносны». Характерна для него и строка из письма к старому другу от 11 января 1812 года: «В новый год был я на балу у Гр. Гудовича, а потом занемог и сидел дома около недели; теперь опять на ногах, на коне и за

письменным столом своим»¹⁰⁴. Упоминание о «коне» – не для красного словца: он, действительно, почти ежедневно совершал длительные конные прогулки и настоятельно рекомендовал брату Василию Михайловичу и другим своим близким этот вид отдыха и спорта.

Деловой настрой Николая Михайловича продолжался и весной 1812 года, но усиливалось и чувство тревоги, ибо многое говорило о скорой схватке с наполеоновской Францией. «Слышно, что сам государь будет командовать армией и выедет из Петербурга 13 или 15 нынешнего месяца», – с тревогой сообщал он брату в письме от 6 марта. В письме от 22 мая делится радостью по поводу рождения дочери, которую в память о безвременно ушедшей сестренке назвали Наташей. Отвечая на вопрос о причинах удаления М. М. Сперанского в ссылку, Николай Михайлович заявил, что это для публики «тайна». Невскрываемой тревогой пронизаны следующие строки письма: «Французские войска стоят на Висле, наши от Галиции до Курляндии. Война кажется неизбежной. Наполеон в Дрездене и скоро будет в армии». В то время как письмо с этим предостережением о надвигающейся для России опасности кочевало по почтовым станциям, Василий Михайлович с дочкой Оленькой прибыл в Москву, а затем и в Остафьево, где брат находился с семьей и творил «Историю».

После 8-летней разлуки братья, казалось, не наго-

104 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 161.

ворятся и проведут вместе все лето. Но в эти же дни стало известно о том, что 12 июня наполеоновские полчища, без объявления войны, вторглись в Россию. А после того, как враг подошел к Смоленску, когда появилась угроза появления его авангарда на подступах к Подмоскovie, Василий Михайлович возвратился в белокаменную, а оттуда отправился в Симбирск.

Из «Северной почты или Новой Санктпетербургской газеты», пользовавшейся широкой популярностью и в Москве, историограф с первых же дней начала Отечественной войны с удовлетворением черпал сведения об отрадных проявлениях патриотизма в родном Симбирске. Так, в номере от 27 июля 1812 года сообщалось: «Нельзя описать, с каким сильным чувством любви к Отечеству и усердия к благу оного дворяне здешние жертвуют достояние на обмундирование 2-го Рязанского пехотного полка... Между тем каждый почти день являются к здешнему губернатору многие из штаб и обер-офицеров, изъявляя желание вступить вновь на службу в полки, готовящиеся к защите Отечества». Из газетной заметки, появившейся в среду 22 июля, видно, что не только дворянство, но и градское общество щедро финансировало формирование здесь 2-го Рязанского полка.

В письме Николая Михайловича к брату Василию в Симбирск от 29 июля видно, что с семьей переезжает из Остафьева в Москву. Но уже 15 августа

он вынужден был отправить жену Екатерину Андреевну с трехмесячной Наташенькой, пятилетним Андрюшей с больными легкими и десятилетней Соней в Ярославль. Сам же, по приглашению главного командующего Москвы генерал-лейтенанта Федора Васильевича Ростопчина, поселяется в его особняке – штабе обороны города. В письме от 20 августа к Ивану Ивановичу Дмитриеву, находившемуся в Петербурге, Карамзин сообщал: «Наши стены ежедневно более и более пустеют. Уезжают множество. Хорошо, что имеем градоначальника умного и бодрого, которого люблю искренне, как патриот патриота. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с московскою удалою дружиною примкнуть к нашей Армии. Я простился и с Историей: лучший и полный экземпляр ее отдал жене, а другой в архив Иностранной коллегии... Я благословил Жуковского на брань: он вчера выступил на встречу к неприятелю. Увы! Василий Пушкин убрался в Нижний!»¹⁰⁵.

В этом же письме Николай Михайлович заявил, что «готов умереть за Москву». И красноречивым подтверждением искренности этих слов являются строки его письма с берегов Волги к Дмитриеву от 11 октября: «Выехав из Москвы в тот день, когда наша Армия предала ее в жертву неприятелю, я нашел свое семейство в Ярославле и оттуда отправился в Нижний. Думаю опять странствовать, но только без жены и детей, и не в виде беглеца, но с надеждою

105 Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 165.

увидеть пепелище любезной Москвы: граф П. А. Толстой предлагает мне идти с ним и с здешним ополчением против французов. Обстоятельства таковы, что всякой может быть полезен или иметь эту надежду: обожаю подругу, люблю детей, но мне больно издали смотреть на происшествия решительные для нашего Отечества. Осудишь ли меня? По тому же побуждению я и в Москве оставался... Вся моя библиотека обратилась в пепел, но История цела: Камозэнс спас Лузиаду. Жаль многого, а Москвы всего более: она возростала семь веков! В какое время живем!»¹⁰⁶.

К счастью, 46-летнему историографу, с его незавидным здоровьем, не довелось сражаться с захватчиками, ибо 7 октября французы были вынуждены покинуть Первопрестольную. Николай Михайлович в это время ездил в деревню Большой Макателен, имение жены, откуда доставлялся оброк, часть которого он рассчитывал использовать на оплату возвращения с семьей из эвакуации. «Но вот беда, - пояснял он в письме к Дмитриеву, - крестьяне, изнуренные всякими налогами чрезвычайными, не дают оброка. Жена моя представила на службу (в ополчение. - Ж.Т.) 70 человек, которых вооружение и прочее стоило нам около 10000 рублей: вот весь наш доход годовой. Даже и пенсии не получаю...»¹⁰⁷.

Вскоре после возвращения Карамзина в Нижний, 15

106 Там же. С. 166.

107 Там же. С. 170.

октября, курьер владимирского губернатора доставил сюда депешу со словами: «Наполеон совсем вышел из Москвы!». Трудно даже представить, с какой радостью отмечали горожане эту весть. На следующий день Николай Михайлович, поздравив в письме князя Вяземского с освобождением Москвы, заявил: «Наполеон вышел из нее, заслужив проклятие веков. Что-то будет! Теперь работа мечу, а там работа уму... Я собирался было идти отсюда с ополчением к Москве, чтобы участвовать в ее предполагаемом освобождении, но дело обошлось и без меча историографского». «Как ни жаль Москвы, - писал он в Петербург Дмитриеву, - как ни жаль наших мирных хижин и книг, обращенных в пепел, но слава Богу, что Отечество уцелело, что Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром». Свое сообщение в Симбирск брату Василию, о том, что «Наполеон совсем вышел из Москвы, подорвав Грановитую палату, и направил адские стопы свои к Смоленску», Николай Михайлович заключил с оптимизмом: «Дело еще не кончилось, но, кажется, что Бог не совсем оставил Россию»¹⁰⁸.

В эти радостные дни условия жизни семьи Карамзиных в Нижнем Новгороде изменились к лучшему. Сначала они поселились на Тихвинской улице напротив губернской гимназии, в домике чиновника губернского правления Ивана Алексеевича Аверкиева¹⁰⁹. А через месяц, как это видно из письма

108 Там же. С. 171.

109 Город Горький. Путеводитель. Горький, 1964. С. 127.

Николая Михайловича от 28 октября к Дмитриеву, здешний помещик действительный статский советник Степан Алексеевич Львов уступил ему свой «хороший домик»¹¹⁰. К этому следует добавить, что этот просторный домик находился на пересечении улиц Малой Печерской и Тихвинской, а штатский генерал-помещик был свояком младшего брата историографа Александра Михайловича Карамзина, женатого на симбирянке Наталье Борисовне Бестужевой.

Вскоре после бесславного ухода Наполеона из Москвы Николай Михайлович нашел-таки в себе силы заняться главным делом. Одним из свидетельств этому является его письмо от 13 января 1813 года к балахнинскому купцу Николаю Яковлевичу Латухину с выражением надежды, что тот «для общей пользы» исполнит обещание своего батюшки и доставит ему, сочиняющему по поручению Государя императора «Российскую историю», в нижегородский дом А.С. Львова «Новгородский летописец, писанный отчасти на пергаменте и весьма любопытный»¹¹¹. Ценную старинную книгу, благодаря И.И. Дмитриеву, историограф получил от митрополита Сестренцевича¹¹².

Однако продолжение работы над «Историей го-

110 Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. С. 167.

111 Николай Карамзин: Сборник.- Автор и сост. В. А. Шамшурин. - М.: Новатор, 1998. С. 151.

112 Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. С. 172.

сударства Российского» можно было вести только в столице, куда, кстати, Карамзина давно звал Дмитриев. В письме к нему от 17 февраля Николай Михайлович объяснил причину задержки в Нижнем: «По сию пору я не в Петербурге от того, что считаю безрассудностью ехать туда без денег и без известного нам дохода. Я муж, отец четырех детей: мне надобно иметь более, нежели прогоны. Состояние крестьян жалкое, у меня нет духа требовать с них полного оброка, хотя и весьма умеренного. Будущее также не ясно. Долго ли станем воевать? Чего еще потребуется от нас и крестьян для славы и безопасности России? Одним словом, думаю, что мне надобно еще по крайней мере дожидаться здесь лета...».

Николая Михайловича усиленно звал и старший брат в Симбирск, и он был бы рад приехать в гости. «Но боюсь оставить детей, - пояснял он в письме от 10 декабря 1812-го, - опасаясь с ними ехать зимою: они же нездоровы, особенно Андрюша... Не знаю, где провести остаток жизни, как буду существовать и что делать... Библиотека моя обратилась в пепел!... Дай Бог, по крайней мере, чтобы спаслось любезное Отечество!.. Последние известия от князя Кутузова были из Минска: он надеялся скоро быть в Вильне. Наполеон все еще бежит. Жаль только, что его упустили. Он мог бы погибнуть на Березине, между Витгенштейном и Чичаговым». В письме от 21 января 1813 года историограф с грустью сообщает в

Симбирск брату Василию Михайловичу из Нижнего: «Все разъезжаются отсюда. И мы остались почти одни. Я дал слово крестьянам быть у них в деревне и при себе отдать людей в милицию...». Это обещание быть в деревне было дано крестьянам потому, что имели место злоупотребления чиновников при наборе на службу.

Справедливости ради следует сказать, что во время 8-месячного проживания в Нижнем Новгороде дом Львова, занимаемый Карамзиными, являлся и популярным литературным салоном. Едва ли не первым и всегда желанным здесь гостем являлся 46-летний Василий Львович Пушкин - известный поэт и дядя своего гениального племянника Александра. После блестящего домашнего образования он в совершенстве овладел французским языком, изучил английский, немецкий, итальянский и латинский, а также литературу на этих языках. Страстный библиофил и театрал, Василий Львович был талантливым чтецом и декламатором, активным участником домашних спектаклей. В 1790-х годах он шесть лет прослужил в столичном гвардейском Измайловском полку, а по выходе поручиком в отставку навсегда вернулся в родную Москву. Правда, в 1803 - 1804 годах он побывал в Германии, Франции и Италии, где познакомился с известными деятелями литературы и искусства.

Василий Львович был человеком доброжелательным, наделенным завидным даром общения: его

друзьями были Василий Жуковский, Константин Батюшков, Денис Давыдов, а добрыми знакомыми – Петр Вяземский, Евгений Баратынский, Антон Дельвиг, Адам Мицкевич. Его, как знатока общественной и культурной жизни города, остроумного рассказчика и собеседника, охотно принимали у себя в Москве Иван Дмитриев и Николай Карамзин. Основой же близости стала их совместная борьба против архаических форм литературного языка, за широкое развитие просвещения. Василий Пушкин, как отмечалось выше, в числе первых в конце августа 1812 года, эвакуировался из Москвы в Нижний и, как оказалось, лишился всего своего имущества и уникальной библиотеки.

Желанным гостем Карамзиных являлся 25-летний отставной офицер, дважды получивший тяжелые раны в сражениях с французами, Константин Николаевич Батюшков, сопровождавший сюда из Москвы Екатерину Федоровну Муравьеву с сыновьями Никитой и Александром, будущими декабристами. Глава этой семьи Михаил Никитич Муравьев – товарищ министра просвещения и один из образованнейших людей своего времени, сыграл в 1803 году решающую роль в определении императором Александром I Николая Карамзина историографом государства Российского. Тогда же Михаил Никитич стал опекуном круглого сироты Кости Батюшкова, сына своего товарища по офицерской службе и помог ему получить прекрасное

образование. По просьбе Екатерины Федоровны (в ее петербургском доме Карамзины в 1820 - годах будут квартировать), Константин Батюшков, во время поездки в Вологду к родственникам, побывал и в порушенной французами Белокаменной. «Москвы нет! – с негодованием рассказывал он знакомым в Нижнем Новгороде – Потери невозвратные! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук, все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа... Сколько зла!». При том плакали и он, и все, кто его слушал. О негодовании поэта говорят и его стихотворные строки: «Талант погибни мой\ . И лира, дружбе драгоценна,\ Когда ты будешь мной забвенна,\ Москва, отчизны край златой».

С дружескими чувствами встречался Николай Карамзин в Нижнем с 75-летним Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским, с которым еще в 1780-х годах вместе сотрудничал в московских изданиях просветителя Н.И. Новикова. В последующих десятилетиях, уже как историограф государства Российского, Николай Михайлович не раз обращался к Бантыш-Каменскому, управлявшему Московским архивом Коллегии иностранных дел, для получения документов о дипломатических отношениях России за время с 1481 по 1802 год...¹¹³ Получал для просмотра у него, как автора, еще неизданный «Словарь достопамятных людей Русской земли» и «Собрание

¹¹³ Советская историческая энциклопедия. . М.,1962.Т. 2. С.115.

государственных грамот и договоров». Поистине исторической заслугой Бантыш-Каменского было то, что он успел вывести из Москвы в Н.Новгород важнейшие фонды архива и тем самым спас их от гибели. Николай Михайлович знал, что сын этого старого знакомого Дмитрий Бантыш-Каменский готовит к изданию «Историю Малой Руси» и мог надеяться на получение консультаций и от него.

Частым гостем Карамзиных в Нижнем Новгороде был 50-летний выпускник Московского университета и хороший знакомый Николая Михайловича Алексей Федорович Малиновский. Опытный историк-архивист, он редактировал издание государственных грамот и договоров, активно участвовал в переводе, редактировании и издании в 1800 году «Слова о полку Игореве». Алексей Федорович был членом-учредителем московского «Общества истории древностей Российских». А любители театра и музыки знали Малиновского как автора исследования о русском театре и автора оперы «Русские святки»¹¹⁴.

Достойным членом вечеров в нижегородском доме Львова был 36-летний писатель, автор повестей, поэм и пьес, издатель с 1808 года журнала «Русский вестник» Сергей Николаевич Глинка. Вот как характеризовал этот журнал, князь Петр Вяземский: «В нравственном и политическом отношении он имел всю важность события, как противодействие

114 Там же. Т.8. С. 974.

владычеству наполеоновской Франции и как воззвание к единомыслию и единодушию, предчуемой уже в воздухе грозы 1812 года»¹¹⁵. Этот страстный патриот и в городе на Волге продолжал готовить к печати начатую в Москве свою популярную «Русскую историю». И небезуспешно: с 1816 года этот труд будет выходить в Москве частями, и Николай Михайлович даст ему довольно высокую оценку. Более того, по ходатайству Карамзина Император пожаловал Сергею Глинке шесть тысяч рублей и перстень с бриллиантами.

Сравнительно недалеко от дома Львова, в «шаговой доступности», в здании мужской гимназии разместился Московский университет и Николай Михайлович радушно встречал у себя его 54-летнего ректора профессора Ивана Андреевича Гейма. Ведь этот немец еще во время царствования Екатерины Великой был приглашен в Московский университет, и преподавал в нем немецкий язык, греческие и римские древности, а затем географию и историю. Известностью пользовались и научные труды Гейма: «Подробное географическое и статистическое описание Российского государства», «Руководство к коммерческой науке», учебники по русской и немецкой грамматике. Из речей, произнесенных Иваном Андреевичем в Московском университете, причем, по словам князя П. Вяземского,

¹¹⁵ Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. - М., 1988. С.227.

на «чистом и правильном» русском языке, выделялось «Слово о состоянии наук в России под покровительством императора Павла I», напечатанное в 1799 году¹¹⁶. Так что не случайно, Н. Карамзин имя профессора Гейма, говоря словами П.Вяземского, сохранил «на уважение потомства».

Тесное общение Николая Михайловича и Екатерины Андреевны в Нижнем с такими представителями учено-литературной Москвы помогало преодолевать бытовые трудности, характерные для беженцев, обогащало сведениями об Отечественной войне, разнообразило проведение часов досуга, позволяло представить сроки и условия своего возвращения домой. Что касается Николая Михайловича, то он не только не жалел, что в последнее десятилетие отдал все свои силы и знания созданию «Истории государства Российского», но даже беженцем не прекращал в Нижнем Новгороде обдумывать очередные главы своей «Истории». Можно сказать, что на берегах Волги, размышляя о роли первых лиц государств, Карамзин решил, не жалея красок, осудить тиранство Ивана Грозного. В письме от 26 февраля 1813-го Николай Михайлович порадовал доброй вестью брата Василия, избранного дворянством членом губернского комитета по вооружению и экипировке Симбирского ополчения: «Ваш комитет действует успешнее других, соглашая

¹¹⁶ Большая энциклопедия. Под ред. С.Н. Южакова. СПб, 1903. Т.6 С.323.

общую пользу с частною. Остается желать, чтобы плодом нашего усердия был славный и счастливый мир...Обстоятельства Наполеоновы не хороши, но пока он дышит, не может успокоиться: ему надобно лопнуть, или загладить стыд свой! Мы должны будем заняться осадю Данцига, Торна и других крепостей»¹¹⁷.

С наступлением весны болезнь Андрюши так обострилась, что Николай Михайлович в письме к Дмитриеву от 30 апреля назвал ее чахоткой. И, зная о скорой и неизбежной кончине любимого сына, он все же находит слова, чтобы выразить радость за успехи российской армии в войне с Наполеоном: «Не смотря на свою тоску, с умилением смотрю на подвиги России. Мы наказаны, но спасены со славою. Отечество наше, потрясенное бурей, укрепится может быть в корне своем на новое тысячелетие». Через две недели 5-летний Андрюша скончался и, сообщая об этом огромном горе брату в Симбирск, Николай Михайлович уведомил о скором отъезде с женой и детьми в Москву. А в письме к нему же от 28 мая, за три дня до отъезда, посетовал: «Грустно нам, что мы удаляемся от Симбирска, не видавшись с вами, любезнейший братец. Здесь мы только страдали».

«Вы спрашиваете у меня, – писал он 10 декабря Василию Михайловичу, – располагаюсь ли я приехать в Симбирск? Желаю и думаю, един-

117 Вяземский П. Указ. соч. С.227.

ственно для свидания с вами. Но боюсь оставить детей; опасаясь и с ними ехать зимою: они же нездоровы, особенно Андрюша...вообще очень грустно. Не знаю где провести остаток жизни, как буду существовать и что делать. Библиотека моя обратилась а пепел...Дай Бог, по крайней мере, чтобы спаслось любезное Отечество!.. Последние известия от князя Кутузова были из Минска: он надеялся скоро быть в Вильне. Наполеон все еще бежит. Жаль только, что его упустили. Он мог бы погибнуть на Березине, между Виттгенштейном и Чичаговым»¹¹⁸.

В письмах из Нижнего Николай Михайлович не раз говорил брату о тяжелой болезни сына Андрюши. 15 мая он смог написать лишь три строки: «Вчера мы погребли милого Андрюшу. Тоскуем и плачем. Думаем как можно скорее выехать отсюда, если будем здоровы. На той почте напишу к вам». Следующее письмо, от 28 мая, тоже проникнуто глубокой скорбью и стремлением в ближайшие дни отправиться в Москву: «Грустно нам, что мы удаляемся от Симбирска, не видавшись с вами, любезнейший братец. Здесь мы только страдали». В эту трагическую пору не столько он помог Катерине Андреевне не пасть духом, сколько она ему. С благодарностью воспринимал и полные дружеского участия письма старшего брата из Симбирска.

Из Нижнего Николай Михайлович с женой и тремя

118 Атений, 1858, № 25. С. 534.

дочурками – Катей, Наташей и Соней – выехали 1 июня. «Я плакал дорогою, плакал и здесь, смотря на развалины, – писал он И. Дмитриеву, – сразу же по прибытии в Остафьево. – Москвы нет: остался только уголок». В письме к брату поделился планами на ближайшее время: «Думаем около половины августа ехать в Петербург, чтобы печатать написанные мною тома Истории. Едва ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока жив. Никаких планов для будущего не делаю... Еще неизвестно, когда Государь возвратится в Петербург, а без него мне нельзя печатать Истории»¹¹⁹.

С наступлением зимы Карамзины перебрались в Москву, где сняли дом Селивановского, недалеко от Английского клуба на Тверской. И. работу над «Историей» Николай Михайлович все же возобновил, благо что в Остафьево сохранились и рукописи, и книги. Возобновили свои «поставки» архивных материалов А.Ф. Малиновский, а также Александр Тургенев. Обследовал историограф чудом уцелевшую Синодальную библиотеку, а также архив и книгохранилище Троице-Сергиевой лавры.

Из писем к брату конца 1813-го – начала 1814 года видно, что он внимательно следил за ходом боевых действий с армией Наполеона.. И, наконец-то, 21 апреля смог сообщить брату: «Сердечно поздравляю вас с великими и радостными происшествиями. Не только Париж взят, но и соединился с нами против

119 Там же. С. 536.

Наполеона, возгласив Людовика XVIII королем Франции. Жители в восхищении от нашего Императора: славят, поют его в театре и на улицах... Вся Европа ликует». В письме от 5 июля заявит: «Наконец газеты уже менее для нас любопытны, к счастью Европы».

Зная, что Александр I-й вернется в Петербург только осенью, Николай Михайлович в летние месяцы дописал правление Василия Ивановича, а в октябре принялся за главы, посвященные Ивану Грозному. Сообщая об этом брату, он поделился и сокровенным планом: «Хотелось мне, в прибавок, описать историю нашего времени, то есть, нашествие французов; но едва ли эта мысль исполнится по разным обстоятельствам. Скоро увидим произведение конгресса (Венского. – Ж.Т.): восстановит ли Польшу? Что будет с богатою Саксониею и королем Мюратом? Теперь можно только угадывать»¹²⁰.

24 октября Катерина Андреевна родила сына, которому, в память о его старшем брате, дали имя Андрей. Огромная радость отца была омрачена лихорадкой и «слабостью в нервах». Между тем Василий Михайлович, используя каждую почту, отправлял брату письма, в которых воздавал хвалу московскому градоначальнику графу Ростопчину, интересовался решениями Венского конгресса, другими подробностями международной жизни. А она оказалась

120 Там же. С. 542.

непредсказуемой: весной 1815 года Наполеон опять нагрянул на Европу. Николай Михайлович в связи с этим 20 апреля сообщал брату: «Это расстроило и мой план ехать в Петербург. Бог знает когда Государь возвратится... Теперь не до того, чтобы заниматься печатанием Истории»¹²¹. И только в конце июля, когда Париж снова был взят союзниками, а Наполеон куда-то бежал, он снова стал помышлять о поездке а столицу, чтобы издать «Историю» и тем самым «доставить себе возможность к воспитанию детей и к заплате долга».

Беда заключалась в том, что по званию историкографа он получал две тысячи рублей в год, а за наемное жилье в Москве приходилось платить две с половиною тысячи. Нижегородское же имение, ослабленное рекрутскими наборами и неурожаями, почти не приносило дохода. Литературных гонораров тоже давно не стало... Тогда на помощь пришел Василий Михайлович, предложивший брату взять в долг на три года его 10 тысяч рублей (приданое дочери Ольги), находящиеся в московском Воспитательном доме.

Когда, казалось, самое трудное уже осталось позади, у Катерины Михайловны и Николая Михайловича случилось новое горе: 7 ноября от скарлатины скончалась вторая дочь Наташа... К счастью, Катя и Андрюша, тоже перенесшие эту страшную болезнь, вскоре стали поправляться. Огромные страдания

121 Атеней, 1858, № 24. С.599.

смягчились 31 декабря 1815 года, когда семья пополнилась сыном, которого нарекли Александром¹²².

Благодаря брату историограф познакомился с его приятелем – князем Алексеем Алексеевичем Долгоруковым, который в 1808 – 1814 годах был симбирским губернатором, а теперь стал московским градоначальником. Это было немаловажно, ибо граф Аракчеев стал самым влиятельным вельможей России, а доносы на Карамзина с обвинениями его в якобинстве могли возобновиться. Впрочем, как это видно из письма в Симбирск от 19 января 1816-го, – императрица Мария (мать Александра I-го) милостиво зовет историографа в Петербург и обещает свое покровительство. «Но все это не обольщает меня, – признался он брату, – знаю, что могу съездить и возвратиться ни с чем. По крайней мере, надобно, кажется, это испытать...».

И в феврале Николай Михайлович отправился в столицу и по возвращении в Москву, 4 апреля, пишет брату: «Вам, я думаю, известно уже через газеты, что государь пожаловал мне и чин, и ленту, и деньги на печатание Истории... Положено печатать труд мой в Петербурге, а мне жить летом в Царском Селе; так сказал государь... Императрица, все княгини, князья были также очень ко мне милостивы. Я несколько раз читал им свою Историю... Думаю в мае переехать в Петербург на год или на

122 Атеней. 1858, № 25. С.604.

два. Милость государева не ослепляет меня; не ручаюсь за ее продолжение»¹²³.

18 мая 1816 года Николай Михайлович с женой и детьми отправился в Петербург, и там начнется новый период создания «Истории государства Российского».

123 Там же. С.605.

Глава 8. ЗАВЕРШЕНИЕ ЭПОПЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ И ЦАРСКОМ СЕЛЕ

24 мая 1817 года семья Карамзиных перебралась в Царское Село, где по распоряжению царя ей был выделен на все лето один из гостевых домиков. Делясь с братом в письме от 12 июня впечатлениями о пребывании в этом прекрасном месте, «лучшем вокруг Петербурга», Николай Михайлович подчеркнул и милостивое отношение к нему августейших особ. «Впрочем, – заявил он, – еще не знаю, останусь в Петербурге или в августе возвращусь в Москву печатать свою Историю. Петербургские типографщики требуют слишком дорого за тиснение; да и жить здесь весьма не дешево. Увижу, что делать, и вас, любезнейший братец, уведомлю».

Некоторая неуверенность, заметная в этих строках, вызвана была тем, что после того, как историкограф передал императору, в дополнение к рукописям первых томов «Истории» еще и посвящение, в котором Александру I-му рекомендовались «шаги в духе просвещенного конституционного монархизма», он заметил и похолодание к себе со стороны монарха¹²⁴. Не складывались у него отношения и с

124 Смирнов А. Ф. Николай Михайлович Карамзин. М., 2005. С. 282.

некоторыми видными придворными сановниками. Зато приятной неожиданностью стало знакомство с талантливой молодежью здешнего Лицея. Уже через неделю после приезда в Царское Село Николай Михайлович пишет Петру Вяземскому: «Нас посещают здесь питомцы Лицея: поэт Пушкин, историк Ломоносов и смешат своим добрым простосердечием».

Между тем изменилось к лучшему, не без влияния матери-императрицы, и отношение Александра I-го к историографу. И он с облегчением смог сообщить брату в Симбирск: «Судьба наша решилась тем, что Государь без моей просьбы велел печатать мою Историю в военной типографии за ту цену, которую я предлагал ей: следственно мы остаемся в Петербурге года на два и наняли уже дом за 4000 р. (дом Баженовой, в Захарьевской улице. – Ж.Т.), близ Литейного двора и Невы». Однако военные типографы, по его словам, печатали «Историю» весьма неисправно и делали различные «досады»¹²⁵.

А когда один из сановников решил направить рукопись в цензуру, Николай Михайлович в письме к министру А. Н. Голицыну заявил: «Академики и профессеры не отдают своих сочинений в публичную цензуру. Государственный историограф имеет, кажется, право на такое же милостивое отличие. Он должен разуместь, что и как писать; надеюсь в моей книге нет ничего против веры, государя и нравственности: но может, что цензоры не позволяют

¹²⁵ Атеней, 1858, № 26. С. 653.

мне, например, говорить свободно о жестокости царя Ивана Васильевича. В таком случае, что будет История?» К счастью, император повелел печатать «Историю» без общей цензуры¹²⁶.

Весной семья Карамзиных перебралась в прежний домик в Царском Селе и сюда типографы доставляли историографу корректуры. В письме к брату от 22 мая он с удовлетворением отметил: «Теперь печатают 2, 3, 4, 5 и 6-й тома; готов один первый; надеюсь, однако ж, что все кончится к декабрю, все восемь томов. В последнем дошел только до 1560 года и остановился на злодействах Иоанна Грозного. Бог знает буду ли продолжать... Боюсь отвыкнуть от сочинения. Впрочем, я довольно потрудился». В письме к другу Дмитриеву он не без гордости заявил: «Судьбу «Истории» поручаю судьбе! Это великое сражение, которое я даю неприятелю»¹²⁷.

В конце июля 1819 года Катерина Андреевна подарила мужу еще одного сына, которого в честь него и нарекли Николаем. Сообщая об этом радостном пополнении семейства Ивану Дмитриеву, он заверил, что и маленький Николай будет его любить «по примеру своего отца». В этом же месяце он поблагодарил старого друга за «высокую цену», которую дал он «Истории», говоря, что она занимает его «и поутру, и в полдень, и вечером».

Этим летом императрица Мария Федоровна,

126 Муравьев В. Николай Карамзин. С. 517.

127 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 219.

готовившаяся вместе с сыном-императором к поездке в первопрестольную на торжества, посвященные пятой годовщине изгнания наполеоновских полчищ из России, попросила Карамзина составить для нее список наиболее интересных достопримечательностей, и он, несмотря на свои «типографские дела», охотно выполнил эту необычную просьбу. Так родилась «Записка о московских достопримечательностях», которая, по выражению В. Муравьева, стала по сути дела «первым в московведении историко-культурным путеводителем по Москве». В этой «Записке» историограф пророчески предрек: «Москва будет всегда истинной столицей России».

Осенью 1817-го Николай Михайлович выслал брату в Симбирск первый том своего главного труда и заверил, что в январе вышлет все 8 томов «Истории». «Буде кто из ваших знакомых пожелает иметь ее за 55 р., – пояснял он в письме, – то они могут отдать вам деньги; а вы изволите оставить их у себя, но известите меня, кому именно и под каким адресом послать книгу». 12 февраля 1818 года он сообщил брату: «История моя вышла, я поднес ее государю. На той почте отправлю к вам пять экземпляров: один для вас, четыре для желающих иметь ее. Подписался для вас на «Сына Отечества»... По сию пору История расходуется хорошо: осталась только половина (из трех тысяч. – Ж.Т.) экземпляров. Мы, по крайней мере, уже

без долгу и положили 30 тысяч в Воспитательный дом»¹²⁸.

Яркую картину успеха издания 8-томной «Истории государства Российского» запечатлел Александр Пушкин: «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка – Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили... Ноты (примечания. – Ж.Т.) «Русской истории» свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. – Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казалось им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России»¹²⁹.

Успешное распространение тиража позволило писателю вернуть брату и те тысячи, которые тот ссудил из приданного дочери Оленьки. И они пришлись весьма во время: в июне состоялась ее помолвка с отставным офицером-симбирянином Дмитрием Михайловичем Ниротморцевым. Приехавшие вскоре в

128 Атеней, 1858, №26. С. 657.

129 А. С. Пушкин об искусстве. Сост. А. А. Вишневский. М., 1990. С. 287.

Петербург братья Пазухины (племянники по материнской линии) в беседах с Николаем Михайловичем охарактеризовали жениха Ольги как «весьма достойного человека» и он спешит передать этот отзыв брату в Симбирск.

Заботы о хлебе насущном побудили Карамзина согласиться на заключения договора с книгопродавцом Слениным на 2-е издание «Истории», что, в свою очередь, породило необходимость остаться в Петербурге и обречь себя на изнурительную правку корректур. Ведая о толках, будто он стремится быть придворным, Николай Михайлович в письме к Дмитриеву 11 сентября из Царского Села твердо заявил: «Люблю только любить Государя. Двор не возвысит меня. Не требую ни Конституции, ни Представительства, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя Русского: вот противоречие, но только мнимое!»¹³⁰

С наступлением осени Карамзины переехали в Петербург, где сняли за пять тысяч рублей второй этаж в доме Катерины Федоровны Муравьевой, вдовы того сановника и поэта, который в 1803 году помогал Николаю Михайловичу получить звание историографа. Примечательно, что на третьем этаже дома жили Никита и Александр Муравьевы – сыновья хозяйки, будущие декабристы.

Важным проявлением общественного признания историографа стало избрание его в 1818 году членом

130 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 249.

Российской Академии, причем по предложению адмирала А. С. Шишкова, бывшего оппонента в дискуссиях о языке и словесности. Выполняя академические правила, Николай Михайлович подготовил и 5 декабря 1818 года произнес на общем заседании Академии речь, в которой остановился на злободневных проблемах. На больной вопрос о том, должны ли ученые предписывать законы языку или же только изучать его, он ответил четко: «слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства... Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надобно только открыть или показать оные». А вот в критических обзорах российской словесности нуждаются и публика, и писатели. Характеризуя отечественную литературу, Карамзин подчеркнул, что «будучи зеркалом ума и чувства народного, она также должна иметь в себе нечто особенное, незаметное в одном авторе, но явное во многих». Речь эта имела большой успех и у маститых академиков, и у сенаторов и молодых членов «Арзамаса». Александр Тургенев писал в связи с этим Петру Вяземскому: «Все было внимание, и он не произносил речи, но, кажется, как детей, наставлял своих слушателей с чувством, которое отзывалось в душах наших и оживляло лица»¹³¹.

В письмах к брату в Симбирск Николая Михайловича конца 1818 года видно, что подготовка

131 Муравьев В. Николай Карамзин. С. 551.

2-го издания «Истории» опять привязала его к Петербургу. «Это мне грустно. Люблю быть свободным. Не перестаю думать о Москве... Я уже стар для Двора. Ни с кем из ближних людей государевых у меня нет ни малейшей связи. Один добрый, умный граф Каподистрия (помощник руководителя Коллегии иностранных дел. – Ж.Т.) доказывает мне приязнь свою. И тот едет, как слышно, лечиться климатом своего отечества (Греции. – Ж.Т.)»¹³². Зато каждый приезд родных из Симбирска был для него радостью, а отъезд – печалью. «Мы уже простились с братом Федором Михайловичем, – сообщал он 15 мая Василию Михайловичу, – он дня через два едет водою (по Мариинской водной системе и Волге. – Ж.Т.) в Симбирск, где надеется быть около 20 июня... Он везет с собою немало всякой всячины». А 10 июня Николай Михайлович делится радостью: у Катерины Андреевны родился мальчик, которого нарекли Владимиром. «Теперь мы богаты сыновьями, но не без грусти думаю, что они малы, а я стареюсь... Иван Иванович Дмитриев теперь у вас в губернии. Жаль, если вы не увидите с ним»¹³³.

В письмах же к Дмитриеву, проводившему лето в симбирском селе Богородицком, Николай Михайлович особенно откровенно рассказывал о трудностях дальнейшей публикации своей Истории. «В самом деле, – писал он 1 августа, – мне трудно ре-

132 Атений, 1858, № 27. С. 56.

133 Там же. С. 58.

шиться на издание 9-го тома: в нем ужасы, а цензурю моя совесть. Я говорил об этом с Государем: он не расположен мешать исторической откровенности, но меня что-то останавливает. Дух времени не есть ли ветер? А ветер переменяется. Вопреки твоему мнению, нельзя писать так, чтобы невозможно было прицепиться. Впрочем, мне еще надобно много писать, чтобы дописать царя Ивана»¹³⁴. Делился он с Дмитриевым и сведениями о жизни общих знакомых. «Скажу Александру Семеновичу (адмиралу Шишкову. – Ж.Т.), что велишь, – говорилось в письме от 3 ноября 1819 года. – Граф Каподостриа провел у нас вечер. Северин должен быть в Италии или в Ницце. Батюшков любит Рим и Неаполь; Блудов скучает Лондоном; Дашков официально осматривает Грецию. А здесь – Жуковского не вижу, Тургенева почти не вижу, хотя и люблю их всем сердцем... Канцлер (Н. П. Румянцев. – Ж.Т.) совсем оглох, так что с ним нельзя говорить, а все еще зовет обедать! Завтра к нему отправлюсь»¹³⁵. Небезынтересны строки и из письма от 29 декабря в связи с усилением пьянства: «Что, если бы Академия наук или Российская (Академия. – Ж.Т.) задала ученым решить: в каком отношении находится размножение кабаков к успехам просвещения, нравственности и Веры христианской? Это показалось бы дерзостью в век либеральный. Не знаю, дойдут ли люди до ис-

134 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 271.

135 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 276.

тинной гражданской свободы, но знаю, что путь дальний, и дорога весьма не гладкая».

В канун нового 1820 года Николай Михайлович сообщил брату, что 2-е издание «Истории» подходит к концу, и будущим летом он постарается закончить 9-й том. «Софья моя уже невеста. Катенька почти невеста, а сыновья мал-мала меньше и все обещают быть не худыми. Иногда люблюсь ими; иногда, по человеческой слабости, беспокоюсь о будущей судьбе их»¹³⁶.

К этой зиме относится рассказ Фаддея Булгарина о первой своей встрече с историографом, происшедшей на литературном вечере в частном доме: «Началось чтение Мольеровской пьесы. Вдруг дверь в зале потихоньку отворяется, и входит человек высокого роста, не молодых лет и прекрасной наружности. Он так тихо вошел, что нимало не расстроил чтения, и, пробираясь за рядом кресел, присел в самом конце полукруга. Орденская звезда блестела на темном фраке, и еще более возвышала его скромность. Другой и вошел бы с шумом и шарканьем, чтоб обратить на себя внимание, и получить почетное место. Незнакомец никого не беспокоил. Я смотрел на него с любопытством и участием... Лицо его было продолговатое; чело высокое, открытое, нос правильный, римский. Рот и губы имели какую-то особенную приятность и, так сказать, дышали добродушием. Глаза небольшие, несколько сжаты, но

¹³⁶ Атеней, 1858, № 27. С. 58.

прекрасного разреза, блестяли умом и живостью. В половину поседелые волосы зачесаны были с боков на верх головы. Физиономия его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительные черты его лица были две большие морщины при окончании щек, по обоим сторонам рта.

Я, по невольному влечению, – продолжал Булгарин, – искал его взгляда, который, казалось, говорит душе что-то сладостное, утешительное. На его одушевленной физиономии живо отражались все впечатления, производимые чтением. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнула от его внимания. Неудовольствие изображалось на лице, как облако в чистой воде, когда чтец дошел до некоторых плоскостей, встречающихся в комедиях Мольера, жертвовавшего иногда вкусу для своего современного партера»¹³⁷.

Благородство Николая Михайловича ярко проявилось в апреле, в связи с делом Александра Пушкина. В письме к Дмитриеву от 19 числа он с беспокойством сообщил, что над молодым поэтом «если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное (это между нами): служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я

137 Старчевский А. Н. М. Карамзин. С. 235.

уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде; однако ж, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет»¹³⁸.

Сам же Николай Михайлович, как это видно из письма к брату в Симбирск, «довольно прилежно» трудился над 9-м томом «Истории» и уже 7-го мая 1820 года вывез семью в Царское Село, где условия для творчества были благоприятные. Правда, 12 мая здесь произошел большой пожар, уничтоживший около половины великолепного императорского дворца, церковь и лицей. Ветер был сильный и горящие головни достигали крыши карамзинского домика, так что трижды пришлось заливать ее водой¹³⁹. Сообщая 7 июня о случившемся Дмитриеву, он подчеркнул, что янтарная комната уцелела. «В прежних письмах я забыл сказать тебе, – говорилось далее в письме, – что ты, по моему мнению, не отдаешь справедливости таланту или поэмке («Руслан и Людмила») молодого Пушкина, сравнивая ее с «Энеидою» Осипова: в ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграммы и оду на вольность; дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 р. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет

138 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С.287.

139 Атеней, 1858, № 27. С. 59.

рассудительнее; по крайней мере дал мне слово на два года!».

Из писем этого года к брату в Симбирск видно, что Николай Михайлович глубоко вникал во все его дела: высылал понадобившиеся книги, старался пресечь попытки чинов симбирской межевой конторы незаконно отрезать часть родовых земельных угодий и т. п. А 18 июня он сердечно поздравил Василия Михайловича с рождением внука, сына Ольги. Не забывал он сообщать брату о волнениях умов в Европе, об атаках Австрии на Неаполь, о событиях в Испании и прочем.

Этим памятным летом в руки историографа попала уникальная Сибирская летопись, и работа над главой «Истории» о завоевании Ермаком Сибири пошла споро. Эта глава следовала за рассказом о Ливонской войне, которая по вине трусливого и лишенного полководческого таланта Ивана Грозного закончилась потерей Россией части западных земель. А вот Ермак Тимофеевич со своей казачьей дружиной, действуя, по словам Карамзина, «без душегубства», присущего Грозному, заселял покоренные им пространства Сибири и «руками от уз свободными извлекал сокровища из недр земли». Подвиги дружины Ермака в описании Карамзина были так поразительны, что вдохновляюще действовали на читателей и художников слова. Достаточно назвать «Думы о Ермаке» К. Рылеева и «Землепроходцев» Д. Садовникова.

Николай Михайлович в своей «Истории» начисто

отвел попытки некоторых. авторов оправдать жестокость Ивана Грозного ссылками на заговоры, которые он, мол, вынужден был жестоко разрушать – «эти заговоры существовали единственно в смутном уме царя». И прав А. Ф. Смирнов, утверждая, что «одно это наблюдение обессмертило имя Карамзина»¹⁴⁰.

В разгар правки корректур 9-го тома, в феврале 1821 года, Катерина Андреевна родила дочь, названную Елизаветой. В начале мая всей семьей переехали в Царское Село, и в конце месяца Николай Михайлович уведомляет брата, что вскоре вышлет ему в Симбирск готовый том. А вот работа над 10-м займет еще немало времени.

После смерти Наполеона Бонапарта и восстания православной Греции против османского ига международная обстановка значительно обострилась и вот как отразилась в письме историографа к брату в Симбирск от 16 января 1822 года: «Вы весьма здраво судите о делах греческих: сколько бедствия! Признаюсь, что не желаю войны, хотя европейская публика, вопреки кабинетам, подбивает нас вступить за греков. В Америке рождаются новые государства: Мексика и Перу могут со временем быть великими державами, богатыми и приятнейшими для жизни; но это еще далеко. Между тем видим Испанию в

¹⁴⁰ Смирнов А. Ф. Николай Михайлович Карамзин. М., 2005. С. 349.

судорогах разрушения. – Наше время заставляет более мыслить, нежели веселиться»¹⁴¹.

И громадная сила воли помогла Николаю Михайловичу в июле завершить рукопись 10-го тома – царствование Федора Иоанновича, а в августе вручить ее для просмотра императору, перед самым его отъездом на Международный конгресс в Верону. «В первые три дня моего путешествия, – сообщал Александр I Карамзину, – имел я довольно времени, чтобы со вниманием прочесть тетради, вами мне доставленные. Чтение сие заняло меня весьма приятно и произвело во мне уверение, что новый том Российской истории будет достойным продолжением прежде напечатанных. Если, после сего чтения, встретил бы я вас на прогулке нашей ежедневной в Царском Селе, то, может быть, дозволил бы я себе войти с вами в рассуждение о трех или четырех выражениях, возбудивших некоторое сомнение во мне о их правильности. Но на письме сие неудобно, и для того отлагаю до моего возвращения, прося вас не останавливать ни мало ваших приготовлений к тиснению. Теперь ожидаю с нетерпением первого фельдъегеря, дабы с обратным отправлением одного, скорее доставить вам назад вверенные мне тетради, и тем уничтожить опасения ваши о их целости. Прежде, нежели заключу сии строки, прошу вас засвидетельствовать мое почтение Екатерине Андреевне»¹⁴².

Также весьма благожелательно относился им-

141 Атеней, 1858, № 27. С. 110.

142 Старчевский А. Н. М. Карамзин. С. 251.

ператор и к бывшему министру юстиции и поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву: он неизменно передавал через Карамзина свои добрые пожелания, наградил недавно орденом Св. Владимира 1-й степени, присвоил чин действительного тайного советника. А в июле 1822-го, когда узнал о приезде в Петербург Дмитриева, то выделил ему в Царском Селе, близ домика историографа, такой же домик.

В посланиях Николая Михайловича к Ивану Ивановичу свои приписки нередко делали Катерина Андреевна и старшие дочери. Среди новостей, которые сообщал историограф своему старому другу, обращает на себя внимание в письме от 25 сентября такой анекдот: «В Академии художеств предлагали графа Кочубея (министра внутренних дел. – Ж.Т.) в почетные члены как любителя искусств и человека близкого к Государю; а Лабзин (вице-президент Академии художеств, поэт, масон. – Ж.Т.) сказал академикам: «Если надобно выбирать в члены «людей близких к Государю, то предлагаю вам Илью кучера!». Эта глупая шутка, – продолжал историограф, – дошла до полиции, как слышно». (Это дело кончилось тем, что А. Ф. Лабзин был выслан в уездный городок Сенгилей, а через три года умер в Симбирске)¹⁴³.

Хорошая погода позволила Карамзиным находиться в Царском Селе до ноября, то есть быть здесь почти шесть месяцев. В это время Николай Михайлович был поглощен описанием дипломати-

143 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 337.

ческих сношений Бориса Годунова, гонениями на Романовых, голодом, разбоями, появлением Самозванца и размышлениями об убийстве младенца-царевича Дмитрия. Опираясь на многочисленные документы и свидетельства современников, Карамзин показал, как такая умный и одаренный деятель, каким был Годунов, под конец царствования в злодеяниях не уступал Грозному.

В начале зимы Николай Михайлович в ответ на приглашение адмирала А.С. Шишкова выступить на торжественном заседании Российской Академии, заявил, что прочтет главу о Годунове из своей «Истории». И его выступление, состоявшееся 14 января 1823 года в актовом зале Академии, произвело сильное впечатление на собравшуюся публику. «Говорят, – сообщал он 19 числа Дмитриеву, – граф Аракчеев плакал, по крайней мере многие плакали»¹⁴⁴. Этот успех одушевляюще подействовал на историографа и 16 января он сообщал брату, что 10-й том готов и близится к завершению «история Лжедмитрия»¹⁴⁵.

В апреле Дмитриев сообщил, что выезжает на лето в родное Богородицкое. Завидуя в душе тому, что друг уже не в первый раз отправляется в родимые края, Николай Михайлович пишет ему: «Последнее твоё дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег

144 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 344.

145 Атений, 1858, № 27. С. 112.

Волги, Симбирский Венец, где мы с тобою, героически отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании Солнца. Да, мы были тогда молоды, а теперь стары; но беды нет: все хорошо в свое время. И мы старики имеем свое будущее, настоящее и прошедшее; тем лучше, что молодые люди нам не завидуют. Я не люблю быть предметом зависти: это значит портить людей. Всего безгрешнее, надежнее и спокойнее наслаждаться внутренно...»¹⁴⁶.

Через несколько дней после отправления этого письма, приступ лихорадки свалил историографа в постель чуть ли не на целый месяц и только 5 июля он смог успокоить Дмитриева: «Быв при дверях гроба, я остался еще в живых и теперь оправляюсь, хотя медленно». В письме же в Симбирск он сообщил брату и подробности: «Государь и обе Императрицы оказали в этом случае трогательное ко мне благо-расположение: их медики лечили меня с особенною ревностью»¹⁴⁷.

10 августа выздоравливающий Карамзин в письме к Дмитриеву, предупреждая о скором прибытии в Москву Александра I-го, не без гордости заметил: «Он опять берет с собою на дорогу Историографский пирог: несколько тетрадей моей Российской истории». Чуть позже эту мысль он выразил конкретнее: «Государь опять взял с собою на дорогу вместо пирога несколько моих тетрадей: царствование Годунова и

146 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 351.

147 Атений, 1858, №27. С.112.

сына его»¹⁴⁸. А 18 октября Николай Михайлович сообщает Дмитриеву: «Дописываю теперь Самозванца и думаю в начале зимы приступить к печатанию двух томов или томиков: в одном будет царствование Федора Иоан. и взгляд на тогдашнее состояние России, в другом Годунов, сын его и Лжедмитрий».

К счастью, эти намерения осуществились, и 1 декабря он сообщает брату в Симбирск, что он занимается печатанием 10 и 11 томов. Примечательно, что поэт-симбирянин Николай Языков, в то время студент Дерптского университета, прочел от доски да доски все тома «Истории государства Российского» и уже подписался на эти два новых тома. В письме к братьям в Симбирск Языков пояснил: «Жду с нетерпением 10 и 11 томов «Истории» Карамзина: в них-то, судя по 9-му, он должен явиться в полном блеске – один Годунов есть уже предмет, достойный пера красноречивейшего»¹⁴⁹.

С наступлением осени семья Карамзиных переехала в Петербург, и Николай Михайлович 27 ноября пишет Дмитриеву: «Живем на Моховой, в доме Межуева и порядочно. Все не велико, но уютно. Платим те же 5000 р., но издержали 1000 р. на мебель и пр. Новые тома «Истории» печатаю уже на свой счет: Сленин худо платит»¹⁵⁰. И только в начале марта

148 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 358.

149 Трофимов Ж. Николай Языков и писатели пушкинской поры. Ульяновск, 2007. С. 267.

150 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 363.

1824 года историограф сможет выслать Дмитриеву 10 и 11 тома. К этому времени Карамзин с большим интересом познакомился с выписками из автобиографических «Записок» друга-баснописца. «Все для меня интересно, – говорилось в его отклике, – и места, и люди – не только Симбирск, но и Сызрань; не только Державин и Козлятев, но и Белоусов и Окоемов, которых узнал или вспомнил я в числе симбирских приятелей твоего батюшки».

Высылая 17 марта два новых тома «Истории» брату в Симбирск, Николай Михайлович ответил и на его вопросы по злободневным проблемам: «Чем закончится история греков, известно одному Богу. Англия, Франция, Австрия, кажется, не благоприятствуют их освобождению и не хотят, чтобы мы воевали с турками, боясь могущества России... О рекрутском наборе еще ничего не слышно»¹⁵¹.

Из печати в апреле стало известно о царском пожаловании историографу чина действительного статского советника (штатского генерала). Родные и друзья тепло поздравили Карамзина. В письме к брату от 13 июня Николай Михайлович, поблагодарив за поздравление, подтвердил нечто важное для него: «Император к вам действительно приедет в исходе лета или осенью: я слышал это от самого Царскосельского хозяина и очень желаю, чтобы вы ему представились вместе с другими почетными дворянами симбирскими... Государь желает видеть

¹⁵¹ Атеней, 1858, № 28. С. 62.

восточный край России: будет в Пензе, Симбирске, Оренбурге, Саратове, Казани и проч.». В письме от 17 августа он уточняет: «Спешу известить, что Государь будет в Симбирске 5 сентября, и что он желает вас видеть; прощаясь со мною сказал: «Что приказываешь к своему брату? Вероятно, что я увижу его в Симбирске, где буду три дня»¹⁵².

Увы, Василий Михайлович из-за болезни не смог побывать на представлении у императора. Когда Николай Михайлович получил известие об этом из Симбирска, да еще написанное чьей-то рукой, то пожелал скорейшего выздоровления: «Вот желание моего сердца, исполненного к вам любви братской с самых первых лет жизни! Ни время, ни разлука не уменьшили, не охладили ее. Из всех наших ближних вы были всегда ближайшим мне по душе. (Веря бессмертию, надеюсь, что и в другой сфере бытия мы останемся ближними)... Жаль, что вы, любезнейший братец, не могли представиться Государю, столь доброму и милостивому. Таков он был к нам в течение девяти лет... По обыкновению еще занимаюсь своею работою: описываю мятежное царствование Шуйского; но 12-й том должен быть уже последним. Если Бог даст мне описание воцарения Михаила Федоровича, то заключу мою «Историю» обзорением новейшей до самых наших времен»¹⁵³.

И.И. Дмитриев в это время находился в Сыз-

152 Атений, 1858, № 27. С. 115.

153 Атений, 1858, № 27. С. 115.

ранском имении, но на представление к Александру I-му в Симбирск тоже не смог прибыть. Николай Михайлович в связи с этим писал ему: «Жаль, что ты, любезнейший, не мог встретить Государя на берегах нашей родимой Волги, тобой воспетой: это было бы приятно и Ему и тебе. Но осень, конечно, не благоприятна для дальнего путешествия в наши лета. Я, кажется, сказал тебе, что Государь принял от меня краткую историческую Записку о городах, которые Он теперь видит: в десяти строках о Симбирске не забыл и нашего славного Белого Ключа, ни столетнего Елисея Кашинцова, звонившего в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу, и бывшего гребцом на лодке Петра Великого, когда он плыл в Астрахань, начиная войну Персидскую.

Я обрадовался, нашедши здесь у живописца Орловского старинные часы с вырезанным на них именем этого Елисея, который угощал меня в ребячестве баней и зеленым чаем. Мир его праху!.. Государь писал из нашего Симбирска к Императрицам: хвалит местоположение, но говорит, что песчаные острова Волги неприятны для глаз. Как мне жаль, что брат Василий Михайлович по слабому здоровью не мог Ему представиться! Государь хотел его видеть»¹⁵⁴. В письме от 31 октября, сообщая о визите к нему императора, Николай Михайлович подчеркнул, что он «рассказывал много любопытного о своем путешествии,

154 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 379.

о Пензе, Симбирске, Оренбурге и проч. Один только из моих братьев, Федор Михайлович, имел счастье видеть Его...». Из столичных новостей историограф счел нужным упомянуть, что адмирал Шишков, назначенный министром просвещения, намерен учредить новую цензуру и «посадить в этот трибунал человек шесть или семь: на всякую часть литературы будет особенный цензор. То-то раздолье! Словесность наша с цензорами процветет и без авторов!».

В письме от 6 ноября Николай Михайлович уведомил Дмитриева, что из Царского Села все уже уехали, а он пробудет еще 8 дней. А надо бы ему задержаться и подольше, ибо в Петербурге произошло страшное наводнение. Сообщая об этом 29 декабря брату в Симбирск, он привел и подробности несчастья: «Утопших менее шести сот, но убыток неисчислим. В течение шести недель мы были почти ежедневно угрожаемы новым наводнением; красные флаги развевались на Адмиралтействе; стреляли из пушек. Наконец вода опустилась и в Неве, и в заливе». Через день, уже в письме к Дмитриеву, Карамзин говорит, что вода «опять зашевелилась». «Читал ли ты речи Министра просвещения? – продолжал он, – Восставать против грамоты есть умножать к ней охоту: следственно действие хорошо и достойно цели Министерства, которому вверено народное просвещение. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль наш стучится об ту и другую, а все плывет.

Я уверен, что Россия не погрязнет в невежестве, то есть уверен в милости Божией»¹⁵⁵.

А новый, 1825-й год ознаменовался усилением нападок «литературных забияк» на автора «Истории государства Российского», и он в письме к Дмитриеву от 18 февраля спокойно заметил: «Пусть единоборствуют! Ты говоришь о нападках Булгарина: это передовое легкое войско, а главное еще готовится к делу, как мне сказывали: Магницкий etc. etc. вступаются будто бы за Иоанна Грозного. И тут ничего не предпринимаю: есть Бог и царь!».

Между тем, упорно продолжая работать над «Историей», Николай Михайлович в середине марта закончил очередную главу о Шуйском, а через месяц выслал три главы из 12-го тома в Варшаву, на просмотр Александру I-му. Извещая об этом князя Петра Вяземского, находившегося там же, он добавил: «Пишу четвертую, иногда с чувством, и не худо, как мне кажется: это лебединая песнь». Невеселыми выглядят и письма к Дмитриеву. «Слышу, что ты уехал в наш родимый край, - писал он 9 июля, - но как же мог не сказать мне о том ни слова? Дай Бог, чтобы ты благополучно возвратился и с приятными чувствами. Места все те же, но мы смотрим на все уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свияга! Мне уже, вероятно не видать вас: признаюсь, и не желаю видеть! Voyage qui voudra!

Я все хилею, езжу верхом, обливаюсь холодной

155 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 388.

водою, ем мало, но все не клучшему: не могу и работать с успехом, высиживая в кабинете не страницы написанные, а головную боль. Вот расплата за авторское ремесло! Немошь телесная есть и душевная»¹⁵⁶. А вот каждая весточка друга ему была мила. «Любезное твое Симбирское письмо дошло до меня, – с удовлетворением писал он Дмитриеву 31 июля, – я посидел с тобою мысленно на балконе и посмотрел на отрывок Уральских гор, хотя и не знаю, как ты притянул их к Сызрану, но верю твоим географическим сведениям более, нежели своим. Как я смеялся действию стихов Жуковского!».

Иван Иванович, видимо, советовал Карамзину не так долго обитать в Царском Селе. В ответ на это он 22 октября писал: «О вкусах, по старому латинскому изречению, не спорят: я точно наслаждаюсь здешнею тихою уединенною жизнью, когда здоров, и не имею сердечной тревоги. Все часы дня заняты приятным образом: в 9 утра гуляю по сухим и в ненастье дорогам, вокруг прекрасного, не туманного озера; в 11-м завтракаю с семейством и работаю с удовольствием до двух, еще находя в себе и душу и воображение; в два часа на коне, не смотря ни на дождь, ни на снег; трясусь, качаюсь – и весел. Возвращаюсь с аппетитом, обедаю с моими любезными, дремлю в креслах, и в темноте вечерней еще хожу час по саду, смотрю вдали на огни домов, слушаю колокольчик, скачущих по большой дороге, и не редко крик совы; возвратясь

156 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 399.

Глава 8. Завершение эпопеи в Петербурге и Царском Селе

свежим, читаю газеты, журналы, не-русские, книгу не-русскую; в 9 часов пьем чай за круглым столом, и с десяти до половины двенадцатого читаем с женой и с двумя девицами Вальтер-Скотта... Не знаю скуки с зевотою, и благодарю Бога. Рад жить так до конца жизни...

Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я с слезами чувствую признательность к Небу за свое Историческое дело? Знаю, что и как пишу: в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим, и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к Отечеству и к человечеству. Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня»¹⁵⁷.

В этот же день, 22 октября, в Царское Село к историографу явились гости: дальний родственник-симбирянин Николай Тимофеевич Аксаков и бывший подчиненный Александра Тургенева, помощник в работе над «Историей государства Российского» Константин Степанович Сербинович. По словам последнего, Николай Михайлович работал над пятой главой 12-го тома и мечтал дойти до Романовых.

15 ноября семья Карамзиных переехала из Царского Села в столицу, в квартиру, подготовленную Сербиновичем. На следующий день, на торжественный обед, посвященный дню рождения Катерины Андреевны, явились Н. Т. Аксаков, племянник Николая Михайловича Борис Алексан-

¹⁵⁷ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 408.

дрович, другие знакомые семьи. Точно так же, по словам Сербиновича, спокойно и приятно, в присутствии Василия Жуковского, Николая Аксакова и президента Академии художеств Алексея Оленина, отметили 24 ноября именины Катерины Андреевны. А через день стало известно о серьезном заболевании императора, отдохавшего с супругой в Таганроге. 27 ноября в столицу прибыл курьер с сообщением о кончине Александра I. Великий князь Николай Павлович не медля объявил о восшествии на престол брата Константина.

Историограф, как и члены императорской семьи, знал, что по воле Александра, в случае его кончины, великий князь Константин должен был отречься от трона. Поэтому, когда Николай Павлович попросил его составить манифест о своем восшествии на престол, Карамзин взялся за выполнение этого сложного и деликатного поручения. Дело в том, что он говорил императрице Марии Федоровне в присутствии наследника о необходимости введения уже подготовленных конституционных проектов, прекращения гонений на таких патриотов, как М. Сперанский и А. Пушкин, а также отстранения от власти придворных льстецов.

Однако Николай Павлович был противником введения в России законодательных учреждений. К тому же он посчитал излишним хвалить покойного брата и брать на себя «излишние обязательства». Неудивительно, что он вычеркнул из проекта ма-

нифеста карамзинские выражения: «Да будет наше царствование только продолжением Александра!», «Друг правды и человечества», «истинное просвещение ума и непорочность нравов», «мирная свобода жизни граждан», «да будет престол Наш тверд законом и верностью народною! Да соединится неразрывно, под нашей державой, правосудие неослабленное с милосердием человеколюбия! Да исполнится все, чего желал, но еще не успел совершить для Отечества Александр...»¹⁵⁸.

Ранним утром 14 декабря Николай присягнул Сенату. Затем в Зимний дворец прибыли многочисленные придворные, в том числе и Карамзин с двумя старшими дочерьми-фрейлинами. К полудню выяснилось, что некоторые полки, которые еще недавно присягали на верность Константину, отказались присягать его брату Николаю. Начавшееся восстание мятежников Николай Михайлович видел своими глазами и решительно осудил действия их руководителей – молодых гвардейских офицеров, которых он называл «безумными либералистами», воспитанными на пропаганде «Полярной звезды» Александра Бестужева и Кондратия Рылеева.

В письме к брату от 10 января 1826 года, уверенный, что в Симбирске из газет уже известно о столичных событиях 14 декабря, Карамзин поделился с своими сокровенными думами о ближайшем будущем: «Новый государь России не может знать и ценить

158 Муравьев В. Николай Карамзин. С. 591.

моих чувств, как знал и ценил их Александр. Я слишком для него стар и думаю только кончить, если даст Бог, 12-й том Истории, чтобы куда-нибудь удалиться от двора...».

День восстания выдался морозным, и Николай Михайлович, выходявший на площадь без верхней одежды, так сильно простудился, что больше месяца письма к Дмитриеву писали за него дочери Софья и Екатерина. Только 22 марта он сам смог сообщить другу: «Слабею даже от пищи... Говорят мне, и сам чувствую, что хорошо бы мне удалиться отсюда летом, даже необходимо для совершенного выздоровления; но куда, и как? Наши способы?.. Не могу говорить с живостью, задыхаюсь»¹⁵⁹.

В этот же день Николай Михайлович подал императору прошение, в котором изъявил желание стать российским консулом во Флоренции, чтобы там «под действием хорошего климата спастись от чахотки». Обосновывая эту просьбу, он писал: «23 года, по воле императора Александра, я неугомонно писал «Историю, назывался государственным историкографом, но не получал никакого жалованья от государства и никаких денежных наград, кроме суммы, выданной мне в 1816 году из кабинета для платежа типографщикам за печатание девяти первых томов, и кроме двух тысяч пенсии (ассигнациями), определенной мне как почетному члену Московского университета. Я жил плодами своих трудов; но теперь

159 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 417.

дописываю уже последний том: с ним кончится и моя деятельность, и мой важнейший доход. Если Ваше Императорское Величество, – говорилось далее в прошении, – милостиво исполните мою всеподданнейшую просьбу, то это будет для меня величайшим благодеянием: других желаний и видов не имею»¹⁶⁰. Через две недели Николай I дал ответ, в котором говорилось, что российскому историографу можно жить во Флоренции «без выполнения дипломатической корреспонденции» и «свободно заниматься своим делом».

В начале мая семья Карамзиных переехала из дома Межуева в Таврический дворец. Теперь в огромном прекрасном парке в солнечные дни Николай Михайлович мог подышать чистым воздухом и ему стало немного легче. Однако Александр Тургенев и Василий Жуковский, глубоко переживавшие угасание дорогого человека, понимали, что это последняя в его жизни весна. И, зная о его страстном желании поехать в солнечной Италии, Жуковский добился назначения историографу достойной пенсии.

13 мая Николай I прислал Николаю Михайловичу рескрипт, в котором поблагодарил за написание «Истории», достойной русского народа, пожелал счастливого заграничного путешествия и выразил уверенность, что оно придаст силы для завершения главного дела жизни. Вместе с рескриптом был прислан и царский Указ министру финансов,

160 Муравьев В. Николай Карамзин. С. 601.

в котором говорилось: «Историографу Российской империи, действительному статскому советнику Карамзину, отъезжающему для излечения своего за границу, повелеваем производить отныне по пятидесяти тысяч рублей в год, с тем чтобы сумма сия, обращаемая ему в пенсию, была после него производима жене его, а по смерти ее, также сполна их детям, сыновьям до вступления их в службу, а дочерям до замужества последней из них»¹⁶¹.

Когда Катерина Андреевна поднесла мужу царский рескрипт, он, прочитав его, промолвил: «Это доказательство того, что я должен умереть!» А после прочтения Указа о пожаловании 50 тысяч рублей ежегодного пенсионера, произнес: «Это уже слишком много». Успокоившись, Николай Михайлович выразил письмом благодарность монарху за такое чрезмерное благодеяние к нему и семейству.

В четверг 20 мая Николай Михайлович еще говорил о поездке в Италию, но, увы, воспользоваться фрегатом, стоявшим наготове в Кронштадте, так и не смог: 22 мая 1826 года, во втором часу по полудни, сидя в кресле, он тихо скончался. Прах его был предан земле 25 мая на кладбище Невского монастыря. Петр Вяземский, Василий Жуковский и Александр Тургенев опустили в могилу гроб своего великого друга и наставника. Они же посадили у решетки могилы кусты сирени. Спустя четверть века рядом со скромным памятником мужу появится

161 Старчевский А. Н. М. Карамзин. С. 263.

точно такой же памятник Катерине Андреевне, его помощнице и единомышленнице.

Глава 9. ВОПРЕКИ БЛАГОРОДНЫМ ПОБУЖДЕНИЯМ

Еще весной 1833 года симбирские дворяне решили воздвигнуть памятник своему великому земляку Николаю Михайловичу Карамзину. Дело по сооружению памятника было совершенно новым для них, как, впрочем, и для казанцев, которые в это же время хлопотали о сооружении в городе памятника Гавриилу Романовичу Державину, да и для общест-венности всех других губернских центров. И никто, очевидно, не предполагал, что дела такого рода будут решаться строго по инстанциям, а решающее слово принадлежит самому самодержцу всероссийскому..

Это неведение просматривается по письмам нашего земляка-поэта Николая Михайловича Языкова, первым развернувшего агитацию за сбор средств в обеих столицах на увековечение памяти своего знаменитого тезки. «До вас, конечно, дошел слух о сооружении памятника бессмертному Карамзину, — писал он из села Языкова 25 апреля 1833 года в Москву академику М.П. Погодину. — Здесь произошло чрезвычайное кипение умов дворянских по сему случаю. Приношения далеко превосходят ожидания всех, знающих малопросвещенность стран Приволжских, Азии порубежных. Как идет это дело

в Москве? Нельзя ли нам, крепкий стратиг русской истории, — возжечь особенное соревнование между доблими (доблестными. — Ж.Т.) юношами, вам подведомственными, и силою вашего слова действовать на публику».

В письме к приятелю В.Д. Комовскому, вращающемуся в высших кругах чиновничьего Петербурга, Николай Языков привел подробности «кипения умов» симбирских дворян: «Здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет — и дело идет живо... Здешние желают, чтоб оный памятник состоял из здания, в коем поместились бы статуя Историографа и публичная библиотека для чтения — обо всем этом губернатором будет представлено к министру внутренних дел, а вы поторапливайте и своего (начальника главного управления цензуры. — Ж.Т.) — он теперь в духе».

Да, губернатор А.М. Загряжский поддержал эту идею, но кто-кто, а он-то ведал, что для того, чтобы придать «законный» ход, к нему должно поступить соответствующее письменное отношение. Такая бумага была составлена и подписана симбирскими дворянами: «Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение наше к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благотворное влияние на просвещение любезного Оте-

чества нашего: вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник, почему обращаемся к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей сясщенной цели, нами предложенной».

По сохранившимся документам нельзя однозначно сказать, кто именно первым подал мысль о необходимости сооружения памятника Карамзину, но все говорит за то, что застрельщиками, безусловно, явились генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (отец декабриста), трое братьев Языковых, состоявших, кстати, в родстве с Ивашевыми (Петр Михайлович был женат на сестре декабриста), а также их ближайшие знакомые: князь Ю. Хованский, который был тоже зятем Ивашева, отставные штаб-ротмистр П.А. Бестужев и капитан-лейтенант А.Д. Валуев — свояки братьев Языковых. В пользу приоритета в этом деле Ивашева и Языковых говорит и тот факт, что были избраны членами комитета по сбору средств на памятник П.Н. Ивашев, Александр, а потом и Петр Языковы.

Эти же лица были и главными жертвователями: П.Ивашев дал 300 рублей, его зять Ю. Хованский — 500, трое братьев Языковых — 1250. Сделали взносы и П. Бестужев (200 рублей), и А. Валуев (50 рублей). Из других доброхотов выделились дальний родственник Ивашевых Г. Толстой (105 рублей), штаб-

ротмистр П. Бабкин (500 рублей), действительный студент Н. Мотовилов (400 рублей); по доверенности действительного стат-ского советника Александра Тургенева внесено 300. Пожертвовали и отставные чиновники: А. Столыпин — 300, А. Татаринов — 200, П. Пазухин — 200, капитан-лейтенант Г. Нейков — тоже 200 рублей. Взносы других знатных симбирян — Киндяковых, Соковниных, Анненковых, Юрловых были меньших, но тоже существенных размеров.

13 июня 1833 года губернатор А.М. Загряжский переслал прошение 38 симбирских дворян министру внутренних дел Д.Н. Блудову, а тот доложил суть прошения царю, добавив при этом о необходимости открытия общеимперской подписки, а в Академии художеств — конкурса, подобно тому, какой проводился по созданию памятника Державину в Казани. Получив согласие Николая I, Блудов 5 июля уведомил об этом губернатора Загряжского и предложил создать в Симбирске комитет, на имя которого и будут поступать денежные пожертвования.

Широкая общественность узнала о первых пожертвованиях в Петербурге из заметки, появившейся 21 июля в «Северной пчеле», об обеде, данном группой литераторов в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Карамзина. Желая делом подать пример в подписке, И.И. Дмитриев пожертвовал 500 рублей, саксонский посланник и писатель К.А. Люцереде дал 300, князь П.А. Вяземский — 100, граф Д.И. Хвостов — 50, А.С.

Пушкин, И.А. Крылов, П.А. Плетнев, Д.А. Давыдов — по 25 рублей. Всего же, по сообщению газеты, участники обеда подписались на 4525 рублей.

С середины августа 1833 года сбор пожертвований на сооружение памятника Карамзину официально начался в Симбирске и других местах России. П.Н. Ивашев, сообщая об этом 19 августа сыну-декабристу, томившемуся в Сибири, пояснил, как он и его близкие мыслят памятник в Симбирске: «Мы согласились всеподданнейше просить через министра устроить дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на русском языке для общественной пользы, а в главной зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города общей занимательностью и для постороннего лица».

Симбирские дворяне на своем съезде, прошедшем в августе, избрали под председательством Загряжского комитет для «первоначальных... распоряжений и приема сумм» и обсудили вопрос о месте, где должна быть воздвигнута библиотека с монументом Карамзину. Информировав об этом министра внутренних дел, губернатор представил и план местности, где был отведен участок для библиотеки: между гимназией и городским магистратом, напротив угловой часовни Спасского женского монастыря.

Автор проекта — губернский архитектор И.Н. Лизогуб, один из инициаторов увековечения памяти

Карамзина на родине, выполняя рекомендации комитета, создал проект оригинального ансамбля из трех зданий. Левое — гимназический пансион и правое — помещение для зрителя — скромные двухэтажные кирпичные дома. Что же касается центрального здания, тоже двухэтажного, но увенчанного довольно большим куполом, то оно было спроектировано под стать лучшим постройкам Симбирска 30-х годов XIX века, возведенным в классическом стиле по проектам выдающегося зодчего М.П. Коринфского. В верхнем этаже предполагалось разместить книгохранилище, комнаты для чтения, а в центральном двусветном зале установить монумент. Словом, проект главного здания — это проект Карамзинской общественной библиотеки, главную залу которой украшал установленный на пьедестале бюст историографа.

Только так и никак иначе воспринимали «памятник» Карамзину и присутствующие на обеде в честь И.И. Дмитриева видные литераторы, в том числе А.С. Пушкин, который, кстати, в сентябре 1833 года, во время поездки по сбору материалов для «Истории Пугачева», гостил у симбирского губернатора А.М. Загряжского и, конечно, воочию увидел то место, где мыслилось воздвигнуть библиотеку. Оно находилось в непосредственной близости от губернаторского дома.

Казалось, ничто не могло помешать быстрому осуществлению благородных побуждений руково-

дителей симбирского комитета: царь разрешил сбор средств по всей империи, губернатор отстаивал перед министром проект архитектурного карамзинского ансамбля и место для него. В Академии художеств уже был объявлен конкурс на создание монумента историографу. Однако в конце 1833 года начались первые серьезные затруднения. 9 декабря совет Академии художеств решил вопрос о памятнике Державину в Казани. А вот относительно памятника Карамзину конкурс не внес ясности. Из девяти представленных проектов совет отобрал для рассмотрения министру внутренних дел Блудову только три: профессора А. Тона, Х. Мейера и А. Брюллова. По каждому из них министр дал указания для доработки. Наиболее сложными из них по композиции оказались темы горельефов для постамента, которые должны были отображать милостивое отношение Александра I и Николая I к автору «Истории государства Российского».

Затем, вольно или невольно, сумятицу в дело о памятнике внес князь М.П. Баратаев, который после некоторого перерыва, вызванного его отъездом из Симбирска, осенью 1833 года вновь занял пост губернского предводителя дворянства. Вскоре между ним и губернатором Загряжским сложились чрезвычайно неприязненные отношения. Баратаев, не входивший в состав комитета, как бы в пику губернатору — председателю комитета — отверг проект создания общественной библиотеки и 6 марта 1834

года в письме к министру внутренних дел Блудову заявил, что желает, «чтобы памятник Карамзину на его родине был учреждением учебного заведения для воспитания и образования юношества». Блудов никак не отреагировал на это письмо, и оно попало в ту же папку не-решенных дел, что и проект комитета симбирских дворян. Шло время. Конфликт между губернатором и группой влиятельных помещиков, державших сторону Баратаева, завершился в мае 1835 года отъездом Загряжского из Симбирска.

Новый губернатор И.С. Жиркевич, вникнув в дела и различные планы увековечения памяти Карамзина, обратился к Блудову с просьбой сообщить ему конфиденциально, «к какому именно направлению домогаться... склонить общий по сему предмету голос». Министр, словно не ведая о желании Загряжского, Ивашева, братьев Языковых и других видных симбирян создать общественную библиотеку, в ответном письме к Жиркевичу от 5 ноября 1835 года коснулся почему-то лишь предложения Баратаева: «Сколь ни похвальна мысль учредить учебное заведение с именем Карамзина, но, к крайнему сожалению, едва ли может быть она приведена в действие, как по неимению на то достаточного капитала, так и потому, что Высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину в Симбирске. Вследствие чего по Высочайшей воле для составления проектов сего памятника открыт при Императорской Академии

художеств конкурс художников и по недавно полученному мною уведомлению президента сей Академии... помянутый проект приводится уже к окончанию».

Охотников перечить «Высочайшему соизволению» в Симбирске не нашлось, и местному комитету оставалось ждать исхода академического конкурса да подыскать место в соответствии с предложением Блудова для постановки монумента Карамзину «на открытом месте» Венца. Члены симбирского комитета отвергли Венец, так как в северной части его стояло «старое и безобразное строение» помещика Филатова. Конечно, дворянство могло бы купить его и привести в «приличный вид». Но для устройства бульвара, между этим домом и зданием губернских присутственных мест (сейчас здесь располагается сельхозакадемия) надобно еще устроить бульвар для гулянья, к чему «встретились еще особые неудобства».

Тогда губернатор Жиркевич предложил установить памятник «среди площади пред настоящим Домом дворянства», находившемся в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке. Но это некогда красивейшее здание (во дворе которого граф Н.И. Панин допрашивал плененного Емельяна Пугачева) уже сильно обветшало, и на его реконструкцию требовались значительные средства. К тому же, по мнению членов комитета, это место, кроме съезда дворянства, «во всякое другое время

оказывалось скрытым», и публика не будет видеть памятник. В конце концов 21 декабря 1835 года комитет единогласно постановил донести министру внутренних дел, что «площадь против Гостиного двора (где стоит нынешний ЦУМ. — Ж.Т.), окружена будучи красивейшими зданиями и составляя место, наиболее посещаемое жителями, найдена приличнейшим местом для воздвижения памятника».

Но и этому мнению симбирских почитателей Карамзина не суждено было сбыться. Николай I, побывавший 22 августа 1836 года в Симбирске, все переиначил и дал такие указания по благоустройству Венца и реконструкции района, прилегающего к губернаторскому дому, какие могли исходить только от императора-самодержца. Он, в частности, приказал благоустроить Венец от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (находившегося вблизи нового общежития педуниверситета) и выстроить на месте, занимаемом флигелями типографии и архива, приличный новый дом Дворянского собрания. Западнее губернаторского дома, где находились частные усадьбы, Николай I повелел устроить площадь, в центре которой и возвысится памятник Карамзину. В связи с этим к губернаторскому дому предлагалось сделать пристрой («новый фас»), со своим подъездом, который станет восточной границей новой площади. Обветшалое здание городского магистрата, стоявшее севернее этой площади,

подлежало сносу, с тем чтобы на его месте появилось более удобное и представительное.

Через два года указания Николая I относительно создания обширной площади у губернаторского дома были в основном уже выполнены. Что же касается работ по созданию самого памятника Карамзину, то 1 июня 1838 года симбирянам стало известно из сообщения местных «Губернских ведомостей», что государь император соизволил повелеть «заключить с профессором Академии художеств Гальбергом контракт на сделание в течение трех лет, согласно предложенным им условиям и по составленному им... проекту, в настоящем виде означенный памятник с барельефами из своих материалов, за выпрошенную им цену 91 800 р., не включая в число сей суммы денег, нужных на покупку 550 пуд. меди, которая имеет быть получена из казны, и оный памятник поставить в Симбирске на назначенном месте. Для увеличения же суммы, собранной на сооружение означенного памятника, издать в гравюре рисунки статуи с пьедесталом и двумя барельефами в числе 10 тыс. экземпляров и пустить оные в продажу по 5 руб. за штуку».

Как же случилось, что вместо одобренных еще в 1833 году Академией художеств трех проектов памятника Карамзину через пять лет выбор царя пал на новый проект, составленный профессором Гальбергом? Прежде чем ответить на этот вопрос, взглянем хотя бы бегло на жизненный и творческий

путь художника-скульптора. Самуил Иванович Гальберг родился в 1787 году в Эстляндии (Эстонии), в небогатой, но культурной шведской семье. Семи-летним мальчиком родители отдали его в воспитательное училище при Петербургской академии художеств, которую он блестяще — с большой золотой медалью — окончил в 1808 году. В последующие два десятилетия Гальберг успешно трудился под руководством известного русского скульптора И.П. Мартоса, постигал в Риме творчество знаменитых Кановы и Торвальдсена.

Профессором родной Академии художеств Гальберг стал в 1831 году, после того как получили высокую оценку статуи, выполненные им для ряда общественных зданий столицы, и памятник Александру I. В 1833 году совет Академии художеств «весьма одобрил» разработанные Гальбергом эскизы памятника Державину в Казани и поручил ему окончательное завершение проекта. В конце того же года Гальберг принял участие в конкурсе на памятник Карамзину в Симбирске. Совет Академии, как мы уже знаем, остановил свой выбор на проектах А. Брюллова, К. Мейера и А. Тона, но все трое по различным причинам весной 1835 года отказались дорабатывать свои проекты. Гальберг же к этому времени завершил работу над памятником Державину и на предложение президента Академии художеств «заняться сочинением статуи и барельефов для памятника Ка-

рамзину, сообразуясь по возможности с общим видом проекта господина профессора Александра Тона», дал свое согласие.

Согласие это было хорошо взвешено. Во-первых, Гальберг участвовал в декабре 1833 года в академическом конкурсе проектов памятника Карамзину. А во-вторых, его соавтором становился великолепный знаток архитектуры А.Тон, с которым они так дружно творили памятник Державину. Работал Гальберг споро. Уже 10 августа 1835 года он доложил своему президенту: «Эскизы в глине статуи и барельефов для памятника Карамзину мною сочинены... Теперь с них делают рисунки, которые по окончании предложат на рассмотрение».

Из представленной при этом объяснительной записки видно, что Гальберг подготовил два проекта памятника. Обосновывая замысел первого из них (под литерой «А»), он писал: «Прилично и согласно с требованиями изящного было бы и ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правую возлагает на жертвенник бессмертия скрижали Государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию». Относительно второго запись еще лаконичнее: «Другой проект (рисунок «Б») представляет статую самого Автора: Карамзин стоит, оперши скрижали своей Истории на колонну — эмблему несокрушимости.

Те же барельефы могут быть помещены на боковых фасадах пьедестала».

Думается, что для самого Гальберга предпочтительнее был второй проект. Хотя бы потому, что проект памятника Державину, выполненный тоже в содружестве с профессором А. Тоном, был именно таким, более реалистичным. Но совет одобрил все-таки первый. Почему? Отвечая на этот вопрос, ученик Гальберга, Н.А. Рамазанов, впоследствии тоже известный скульптор, писал: «Некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина. Впрочем, это предпочтение Клио, надо полагать, было сделано по какому-нибудь постороннему настоянию; доказательством тому служат два прекрасных глиняных эскиза статуй Карамзина, сделанных рукою Гальберга и составляющих теперь собственность пишущего эти строки».

Рамазанов воздержался от расшифровки «постороннего настояния», но несомненно, что под ним подразумевалось вмешательство если не самого Николая I, то его ближайшего окружения. Забегая вперед, отмечу, что под влиянием «посторонних» изменится и надпись на пьедестале памятника. Если на модели Гальберга было начертано: «Н.М. Карамзину, словесности и истории великие услуги оказавшему», то впоследствии, уже на завершенном памятнике, появится другая надпись, выполненная накладными позолоченными буквами: «Н.М. Карамзину, историку

Российского государства повелением императора Николая 1-го 1844 годъ».

Вернемся к лету 1838 года, когда император приказал заключить контракт с Гальбергом об изготовлении им в течение трех лет памятника за 91 800 рублей, с предоставлением, кроме того, казною 550 пудов меди. В распоряжении комитета в это время имелось 65 214 рублей 50 копеек, собранных по общеимперской подписке. Наиболее щедрыми на пожертвования оказались симбиряне и петербуржцы, внесшие на счета комитета почти по 15 тысяч. А были губернии, где сбор не был как следует организован, и поэтому Воронежская, Екатеринбургская, Астраханская губернии внесли всего лишь 20-35 рублей. Как это ни странно, но Николай I и члены его семьи не подали личного примера в сдаче пожертвований.

Тем не менее имевшихся летом 1838 года в кассе симбирского комитета денег хватало для того, чтобы Гальберг работу над памятником Карамзину вел полным ходом. Но... 10 мая 1839 года Самуил Иванович Гальберг на 52-м году жизни скончался. Знаменитый живописец Карл Брюллов, обращаясь к его ученикам, говорил: «Плачьте, плачьте о нем!.. Это был светильник, который бросал свет на все...»

Ученики — талантливые выпускники Академии художеств А.А. Иванов, П.А. Ставассер, Н.А. Рамазанов и К.М. Климченко — горячо взялись за поручение совета академии по эскизам и рисункам Гальберга довести памятник Карамзину до конца. Ко-

лоссальную статую музы истории Клио изготовили Ставассер и Иванов. Горельеф, изображающий Карамзина, читающим свою «Историю», и бюст историографа — Рамазанов, а горельеф, представляющий Карамзина на смертном одре, — Климченко. Отливка статуи Клио из бронзы была осуществлена в мастерской Академии художеств под руководством опытного мастера этого искусства барона П.К. Клодта.

Летом 1844 года статуя музы истории с большими трудностями была доставлена по Волге на симбирскую пристань, где она пролежала около года. Столь длительная задержка произошла из-за медленного сбора среди местных помещиков необходимой суммы — 480 рублей для изготовления казенного фундамента под многопудовый памятник.

Вот только теперь симбирские дворяне, доселе гадавшие о содержании памятника историографу, узнали, что на высоком, двухсаженном пьедестале будет стоять во весь рост такой же высоты бронзовая статуя музы истории Клио, а бюст самого Карамзина поставят в нише лицевой стороны пьедестала. Стал известен и смысл, заложенный художником в отлитые из бронзы горельефы.

На левом (северном) — Карамзин за чтением отрывка из своей «Истории» императору Александру I во время пребывания его в Твери в 1811 году. На другом (южном), тоже в аллегорической форме, Николай Михайлович запечатлен на смертном одре

в окружении семейства в тот момент, когда познакомился с рескриптом Николая I о пожаловании щедрого пансиона. В соответствии с канонами классического стиля все фигуры памятника изображены в античных одеждах.

Поэт Николай Языков, поселившийся после безуспешного пятилетнего лечения за границей в Москве, сообщал 14 декабря 1844 года Н.В. Гоголю в Рим: «Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клио и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают вековую бессмыслицу»

К этому можно добавить, что изображение на памятнике необычно одетых, а то и полуобнаженных фигур недоуменно воспринималось не только простым людом, но порой и людьми грамотными. Не понятый многими, памятник в народе прозвали «чугунной бабой». Тем не менее, когда наступила пора установки памятника, Николай Языков и его братья деятельно включились в подготовку связанных с этим событием торжеств. Поэт, прекрасно знавший, как тяжело переживает академик М.П. Погодин смерть своей жены, все-таки настойчиво убеждает его составить «похвальную речь».

Погодин взял себя в руки и вовремя написал «Историческое похвальное слово Карамзину». Но

обстановка требовала, чтобы он поехал в Симбирск по направлению либо Академии наук, либо университета, где занимал профессорскую кафедру. Не без влияния Языкова симбирский губернатор Булдаков обратился к министру народного просвещения С.С. Уварову с просьбой откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника.

Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел продемонстрировать, что его мало интересует такое событие, как открытие памятника Карамзину, но отказал в командировке. Александр Михайлович Языков попросил брата-поэта передать Погодину, чтобы его не останавливала эта скаредность: «Прогоняя ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно». И Николай Михайлович обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом П.М. Языкова, а на обратном пути ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч. Непременно заезжай ко мне в село Языкове. Там днюй и ночуй и проч. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!»

Глава 10. РОССИИ ДАР – В ХВАЛУ КАРАМЗИНА

Весной 1845 года все работы по устройству фундамента для памятника Карамзину завершились. Должным образом была облагорожена окружающая местность, на которой появились первые насаждения будущего скверика. Наступил черед для приглашения почетных гостей из сто лиц и Казани, разработки программы торжеств, связанных с открытием памятника. К обычным трудностям, присущим публичным мероприятиям, прибавились две весьма существенные. Не удалось завершить отделку нового Дома дворянского собрания, и по каким-то причинам Николай I, как это видно из сообщения «Симбирских губернских ведомостей» от 27 июля 1845 года, еще 8 июня «соизволил на увольнение от должности симбирского губернского предводителя дворянства штабс-капитана Юрлова». В связи с этим «ЧП» на 20 августа было назначено «чрезвычайное губернское собрание для избрания кандидатов на должность симбирского губернского предводителя дворянства».

В этой напряженной обстановке Николай Языков и его братья сыграли едва ли не ключевую роль в подготовке торжеств, связанных с открытием па-

мятника. Поэт, прекрасно понимая, как тяжело переживает академик М.П. Погодин недавнюю смерть жены, все-таки настойчиво убеждает его составить «похвальную речь» для выступления на родине историографа. Погодин взял себя в руки и вовремя завершил написание «Исторического похвального слова Карамзину». Но обстановка требовала, чтобы он поехал в Симбирск по направлению либо Академии наук, либо университета, где состоял профессором. Не без влияния Языкова симбирский губернатор Н.М. Булдаков обратился к министру просвещения С.С. Уварову с просьбой откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника. Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел показать, что его мало интересует открытие памятника Карамзину, и отказал в командировке, Александр Михайлович Языков попросил брата поэта передать Погодину, чтобы его не останавливала эта скарედность министра: «прогоны ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно». Николай Михайлович не медля обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте.

В Симбирске прямо въезжай в дом П.М. Языкова; а на обратном пути ведь ты поедешь оттуда на Арзамас,

Муром и проч., непременно заезжай ко мне в село Языково... Там днюй и ночуй и проч.

Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!»

Это обращение академик старательно исполнил и уже 17 августа помчался из Москвы на курьерских, а 21 числа (всего за четверо суток!), уставший, но довольный, добрался до желанного Симбирска. В особняке на Спасской (ныне Советской) улице дорогого гостя радушно принял Петр Михайлович Языков, фактический руководитель комитета по сооружению памятника Карамзину.

Свои чувства от пребывания на родине историографа Погодин обрисовал в письме в Москву к племяннику баснописца И.И. Дмитриева литератору Михаилу Александровичу Дмитриеву: «Симбирск, вы знаете, виден из далека. Сердце у меня забилося, как я увидел город, за полями и лугами, на высокой горе... Мысль, что я еду говорить «Похвальное слово» Карамзину, который с детских лет был первым героем моего воображения, – которого, в юности, любил я, могу сказать, со страстью, – у которого начал учиться и добру, и языку, и истории... приводила меня в волнение.

Думал ли знаменитый Историк, что тот молодой человек, кому он в Петербурге, за несколько месяцев до кончины, дрожащему и трепещущему, благоволил сказать одобрительное слово и изъявить доброе пожелание, призовется через двадцать лет на его родину,

совершить перед его памятником торжественное поминовение об его заслугах и благодеяниях Отечеству, и будет говорить ему «Похвальное слово»...

Я остановился у П.М. Языкова, — продолжал Погодин. — В тот же вечер собралось к нему несколько знакомых симбирских дворян, и, между прочим, И.С. Аржевитинов, потерявший ногу в Бородинском сражении и ходящий на деревяшке. Мне вспомнилось описание симбирского общества в романе Карамзина «Рыцарь нашего времени», и я невольно перенесся, с особенным удовольствием, в давно прошедшее время». Петр Михайлович Языков, которого академик причислял «к числу первых наших геологов, уважаемых в Европе», занимал тогда отчий дом на Спасской (ныне там размещается Литературный музей «Дом Языковых»). Вечером на встречу с высоким московским гостем Языков пригласил брата Александра Михайловича с женой, князя Ю.С. Хованского (члена комитета по сооружению памятника Карамзину и своего родственника по жене), поэта Д.П. Ознобишина, который еще в 1820-х годах находился в дружеских отношениях с Погодиным.

22 августа все дворянство Симбирска собралось по случаю дня коронации у губернатора Николая Михайловича Булдакова, воспитанника Московского университета. Пришедшего представиться Погодина он встретил очень приветливо. После церемонии представления Михаил Петрович отстоял обедню в кафедральном Троицком соборе, а по окончании

оказался в числе почетных гостей на завтраке у архиепископа. Вечером этого дня в губернаторском особняке состоялось собрание дворян, на котором Погодин прочел «Похвальное слово» историографу. «Лишь только я кончил, – сообщил он в письме к М. Дмитриеву, как сыновья Карамзина, также здесь присутствовавшие, Андрей Николаевич и Александр Николаевич, обратились ко мне с благодарностью и жали мне руки со слезами на глазах. Это была приятнейшая минута в моей жизни литературной».

Утром следующего дня, 23 августа, губернское начальство, представители дворянства и купечества, воспитанники гимназии и духовной семинарии в «мундирах и полном параде» заполнили Троицкий собор, где после заупокойной литургии, совершенной архиепископом Феодотием, последовала панихида. «Казалось – вся Россия собралась сюда совершать благодарственное поминовение об одном из лучших и достойнейших сынов своих... Воспоминание о такой жизни, как жизнь Карамзина, чистая, неукоризненная, вся посвященная благу... все это приводило души в какое-то особенное состояние. Сыновья его плакали – но в эти минуты мы все были его сыновьями, мы все плакали слезами... не горести, но какого-то грустного высокого радования».

По окончании священнослужения все общество под ласковыми солнечными лучами отправилось к новой площади (между домами городской управы, гимназии, губернатора и оградой Спасского

женского монастыря), где и состоялось торжественное открытие монумента. При приближении процессии завеса, укрывшая бюст Карамзина и боковые барельефы, была снята, а статуя музы истории Клио оставалась закрытою. Преосвященный произнес краткую молитву, окропил «святою» водою нижнюю часть памятника, которую обошел кругом. По обычаю было провозглашено многолетие императору и всему его дому.

Затем дьякон пропел «вечную память историографу Николаю Михайловичу Карамзину» и многие лета симбирскому дворянству, всем почитателям памяти великого писателя. В завершение богослужбной части торжества Феодотий, обратившись к бюсту Карамзина, произнес заключительное слово.

Глубокое впечатление на присутствовавших произвело выступление поэта, почетного попечителя гимназии Дмитрия Петровича Ознобишина, который в своем стихотворении напомнил, что памятник в Симбирске — «России дар — в хвалу Карамзина», и выразил уверенность:

Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству — сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.

После выступления поэта преосвященный Феодотий удалился, как выразился в письме Погодин,

«для разоблачения», покрывало было спущено с Клио и она «предстала пред взорами публики в мифологическом грешном своем величии». Полюбовавшись памятником, избранное общество направилось в гимназию для слушания «Исторического похвального слова» Карамзину.

«Обширная зала, – говорилось в письме Погодина Дмитриеву, – наполнена была слушателями. В соседних комнатах, на хорах и в коридорах толпился народ. Дамы занимали передние ряды. По обеим сторонам кафедры находилось множество предстоявших. Я взошел, встреченный громкими рукоплесканиями, и начал говорить между портретами Карамзина и Дмитриева».

Отметив высокое звание писателя в обществе, академик обратился к жизни и заслугам Карамзина на поприще языка, словесности и истории.

Затем, в хронологическом порядке, оратор перечислил основные сочинения Николая Михайловича, подчёркивая при этом «существенное и относительное достоинство каждого». Суть заслуг Карамзина в области русского языка и словесности академик изложил в такой ёмкой фразе: «Он очистил русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям зна-

менитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех языков, привел в движение словесность, распространил охоту к чтению, сумел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к русской старине и познакомил с древними иностранными путешественниками».

Этих трудов и заслуг, по мнению Погодина, достаточно, чтобы прославить нескольких писателей на всю их жизнь, а Карамзин рассматривал сделанное как приготовление к главному — написанию достоверной и вместе с тем занимательной русской истории. Ему понадобилось более 20 лет исполнительного и самозабвенного труда, чтобы справиться с этой задачей и создать великое произведение — «Историю государства Российского».

«Он рассмотрел и исследовал все известные до него исторические источники, и множество новых, им самим открытых; ни одного списка летописи не осталось не прочитанного, не пересмотренного, и на всех сияют следы его руки, — продолжал Погодин. — Этого мало, он перечел столь же добросовестно историков, которые прежде его пользовались ими, и показал, где и как они уклонялись, часто даже — почему... Отовсюду извлекал Карамзин сущность и употреблял в дело, указывал при всяком положении на то свидетельство, которое служило ему осно-

ванием, приводя важнейшие места из древних источников, так что, если бы мы имели несчастье потерять их все, – наука могла бы еще идти далее и совершенствоваться из одного его сочинения».

И какие бы события – государственные, законодательные и ученые – Карамзин ни освещал, обо всех он составлял свое мнение – всегда, по словам Погодина, «замечательное, плод ясного ума и прилежного размышления, мнение, которое непременно должен иметь в виду всякий будущий исследователь... Юристы, филологи, богословы – все должны начинать с него, ссылаться на него!

Все получают от него пособие». Но «История» Карамзина – это еще и великолепный литературный памятник, вобравший в себя чуть ли не все богатство русского языка. Его повествование часто поднимается до высокой поэзии, и читатель благодаря этому искусству представляет себе многие события и лица так отчетливо, будто бы они воочию пред ним. Река русской истории представлена автором отчетливо и вразумительно. Все события, имевшие влияние на судьбу государства, указаны, оценены Карамзиным, и благодаря этому русский народ лучше познал и полюбил свое Отечество.

Трудно переоценить то глубокое нравственное влияние, которое оказала «История государства Российского» на читателей. «Как возвышает Карамзин человеческое достоинство! – воскликнул Погодин в зале симбирской гимназии 23 августа 1845 года. – Как

питает все благородные чувства! Что сказать об его глубоком уважении русского народа!»

Коснувшись далее «Записки о древней и новой России» и «Записки о Польше», представленных Карамзиным Александру I, Погодин с полным на то основанием заявил, что без этих драгоценных творений мы не имели бы полного понятия об историографе. В первой записке, поданной императору в 1811 году, в страшное время, когда, по выражению Погодина, «Наполеон стоял на верху своего могущества и грозил России порабощением», Карамзин после обозрения древней истории анализирует деяния Петра I. Отметив великие подвиги царя, он бесстрашно разобрал и «вредные по последствиям его деяния». К числу таковых он отнес предпочтение, оказываемое Петром I вводимым им порядкам в ущерб народным обычаям.

«Второе вредное действие Петрово», по мнению Карамзина, состояло в «отделении высшего сословия от низшего одеждою и наружностью...». Третье — «ослабление связей родственных... Наконец, блестящею ошибкою Петра Карамзин называл основание столицы в Петербурге».

Погодин не стал припоминать, какой суд произнес автор в «Истории государства Российского» царствованиям Екатерины I с Меншиковым, Петра II с Долгоруким, Анны с Бироном, Елизаветы... Петра III. А рассуждение о Екатерине II начал так: «Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею

смягчилось самодержавие... что она возвысила нравственную цену человека в своей державе».

И даже для изображения действий Александра I Карамзин избрал красноречивый эпиграф: «Несть льсти в языке моем». И, по словам Погодина, историограф «страшными красками изображает состояние России и разбирает все меры правительства относительно внешней политики, законодательства, устройства, финансов, осуждает расположение к преобразованиям, говорит об искусстве избирать людей и обходиться с ними, об общественных наградах и наказаниях». Перечислив проблемы, по которым Карамзин высказал замечания и внес предложения, Погодин выразил восхищение гражданским мужеством историографа, не боявшегося дать свою оценку важнейшим проблемам общественной и государственной жизни, которую он «по долгу совести и присяги считал справедливой и полезной».

В «Записке о Польше» Николай Михайлович защищает исторические права России на те области, кои несведущие или злонамеренные деятели в Европе называли польскими, хотя в них издавна проживало русское население, исповедующее православие.

Эти две записки, по мнению академика, позволяют отклонить нареkanie на «Историю» Карамзина, выраженное в эпиграмме Пушкина, «столь знаменитой между его ровесниками». И хотя оратор в зале симбирской гимназии и не произнес эпиграммы, ро-

дившейся в 1819 году, просвещенные слушатели знали ее:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Погодин прав, полагая, что такая эпиграмма могла родиться только у еще «неопытного» юноши. Ведь Карамзин никогда не воспевал «прелести кнута». Что касается самодержавия, то он одобрял его лишь в том случае, когда «слава и власть венценосца подчинены благу народному», когда они руководствуются принципом, «что не подданные существуют для монархов, а монархи для подданных...»¹⁶².

В заключительной части «Похвального слова» академик постарался обрисовать Николая Михайловича как человека. И примечательно, что сделал он это на основании своих писем к симбирянам И.И. Дмитриеву и А.И. Тургеневу. Зная эти письма наизусть, Погодин эмоционально показал слушателям чистую душу Карамзина, благородство его характера, уважительное отношение к окружающим его людям, трудолюбие, скромность. Затем привел слова Карамзина из письма к Александру Тургеневу 1826 года: «Для нас, русских, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только

¹⁶² Историческое похвальное слово Карамзину. С. 22.

отношение к ней, мечта, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданина, нет человека...»

Вслед за этим академик прочел описание последних минут жизни Карамзина, сделанное Жуковским, а закончил выступление благодарностью его землякам, воздвигшим первый в стране монумент историку государства Российского, и пожеланием: «Пусть памятник... одушевляет ваших детей, все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина!

Пусть дух его носится в России! Пусть он останется всегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека!»

«Историческое похвальное слово» Михаила Погодина, продолжавшееся около двух часов, закончилось единодушной овацией и благодарностью губернского предводителя дворянства. По просьбе публики, и тоже под рукоплескания, поэт Дмитрий Ознобишин повторил свои стихи, прочитанные перед памятником. Завершился этот торжественный день обедом, который дало дворянство в своем клубе. Стол начался ухой, а затем подали огромного осетра. Запенилось шампанское. Губернский предводитель Александр Львович Киндяков провозгласил первый тост за здоровье государя императора. Второй тост произнес Андрей Николаевич Карамзин, который, в частности, сказал: «Мое русское сердце трепещет

радостью, видя, как милое Отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова. Как сын его, исполненный благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжества, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства».

Шумный успех имел и тост Погодина с пожеланием: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда непрерывно, к славе Отечества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!»

Вечером того же дня состоялся прием у Александра Михайловича Языкова, где были Погодин, другие видные участники открытия памятника Карамзину. Там же были розданы экземпляры «Симбирского сборника», изданного в Москве Языковыми и их племянником Д.А. Валуевым, составленного из старинных документов о Симбирском крае и посвященного памяти Н.М. Карамзина.

Утром 24 августа Погодин направился в гостиницу на Большой Саратовской улице и навестил там сыновей историографа. Старший из них, 31-летний Андрей Николаевич, согласно обычаю, оделял собравшихся в коридоре нищих милостынею. Младший, 30-летний Александр Николаевич, отдал уже эту дань и в роли хозяина принимал гостей на чаепитие.

Братья Карамзины, под стать своему знаме-

нитому родителю, были прекрасно образованы. Оба являлись воспитанниками юридического факультета Дерптского университета, служили офицерами в гвардейской конной артиллерии, а в отставке серьезно занимались производственной деятельностью. Андрей Николаевич, женатый на вдове уральского заводчика-миллионера П.Н. Демидова Авроре Карловне, управлял ее заводами в Нижнем Тагиле, а Александр Николаевич наладил в своем нижегородском имении образцовое хозяйство и, как мог, помогал окрестным крестьянам. Братьям посчастливилось общаться с П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, другими деятелями литературы и искусства. Унаследовав у своего великого батюшки и просветительские привязанности, Андрей и Александр Николаевичи, а затем и их брат Владимир, да и все другие члены семьи Карамзиных, примут участие в создании в Симбирске Карамзинской общественной библиотеки.

В своем письме из Симбирска к М.А. Дмитриеву академик Погодин расценил открытие памятника Карамзину как «первое торжество в таком роде», на опыте которого, с «большим блеском» должна пройти предстоящая церемония открытия памятника Державину в Казани. «Всего нужнее гласность... надобно по всей России заранее распространить известие о дне открытия; надобно, чтобы все университеты и академии могли прислать своих представителей, чтобы заранее напечатана была книга, хоть в роде

альманаха, в честь Державину, с его биографией, письмами, известиями, снимками, в молодости, в старости, с его руки, и тому подобное».

Это симбирское письмо Погодина было опубликовано уже в сентябрьском номере «Москвитянина» за 1845 год. Из приложенной к нему биографической справки о Дмитриевых, Тургеневых и Языковых особую ценность имеет высказывание академика о Н.М. Языкове: «Поэт, друг Пушкина, которого всякому стихотворению так радовался он, которого так высоко ставил Жуковский! В последнее время, получал облегчение от тяжелой болезни, он принялся опять за свою звучную лиру к удовольствию всех друзей отечественной словесности»¹⁶³.

Минуло без малого почти 170 лет с того знаменательного для Симбирска дня – 23 августа 1845 года, как в самом престижном месте центра города в торжественной обстановке был открыт изготовленный в Петербурге необыкновенный и очень внушительный памятник нашему выдающемуся земляку Николаю Михайловичу Карамзину. Тогда же впервые услышаны чеканные оды поэтов-симбирян Н.М. Языкова и Д.П. Ознобишина, посвящённые столь достойному увековечению имени автора «Истории государства Российского»¹⁶⁴.

Однако аллегорический характер, который при-

163 Москвитянин, 1845, № 9. С. 18

164 Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. — Симбирск, 1867. С. 144-150.

давали памятнику статуя музы истории Клио, установленная на вершине пьедестала, а также два юрельефа с полуобнажёнными фигурами в римских одеждах, вызывали недоумение у простого народа, да и у некоторых лиц из образованного общества. Обывательские пересуды симбирян о Клио легли в основу юмористического рассказа актёра и писателя В.Н. Андреева-Бурлака «На городской площади»¹⁶⁵. Эта же муза стала героиней фельетонной «Губернской поэмы» поэта Д.Н. Садовникова¹⁶⁶.

К 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, широко отмечавшемуся в Симбирске 1 декабря 1866 года, в печати появилась первая историческая «Записка» о памятнике историографу. Однако, по признанию автора, «за истреблением во время пожара в Симбирске 19 августа 1864 года всех документов, относящихся к открытию памятника Карамзину», главным источником для «Записки» стали впечатления М.П. Погодина, выступавшего на открытии памятника со своим «Похвальным словом» Карамзину. Когда же дело касалось предыстории создания памятника, то в «Записке» она освещалась в основном по слухам и предположениям.

Неудивительно, что до сих пор не все «белые пятна» в истории памятника расшифрованы, и даже опытные краеведы не в полной мере представляют

165 Трофимов Ж. В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. - У-к, 1995. С. 137 - 142.

166 Волжский вестник. — 1879, № 23 и 25.

себе картину того, как создавался грандиозный монумент, как он был установлен, или, скажем, кто является автором надписи, выложенной накладными позолоченными буквами:

*«Н. М. Карамзину,
историку Российского государства
повелением императора Николая I-го
1844 года»*

А ведь уже эти строки не только не отражают подлинную историю увековечения памяти Николая Михайловича в родном городе, но и являют собой тот случай, когда можно сказать: «Не верь глазам своим!».

Суть этой надписи по существу отверг П. Мартынов, который в 1898 году в сборнике «Город Симбирск за 250 лет его существования» писал, что мысль поставить Карамзину памятник в Симбирске впервые возникла у министра внутренних дел Д.Н. Блудова, который с «Высочайшего разрешения» и открыл в 1838 году подписку, встреченную в Симбирске с «полным сочувствием» (с. 81). Но уважаемый историк сделал шаг назад по сравнению с «Запиской» 1866 года, где ясно указывалось, что впервые мысль о сооружении памятника Карамзину родилась в домах братьев Языковых и их симбирского окружения, а «в конце 30-х годов была проведена и во всем симбирском обществе»¹⁶⁷.

В действительности же, по почину братьев

¹⁶⁷ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. — Симбирск, 1867. С. 149.

Языковых и генерал-майора П.Н. Ивашева, эту мысль поддержали десятки их единомышленников, и не в 1838-м, а ещё весной 1833 года. А уже 13 июня симбирский губернатор А.М. Загряжский направил министру Д.Н. Блудову прошение 38-ми дворян с просьбой исходатайствовать разрешение Николая I на открытие всероссийской подписки по сбору средств на сооружение памятника¹⁶⁸.

Министр одобрил этот почин симбирян, а по его докладу Николай I разрешил подписку и дал указание Академии художеств объявить конкурс на сооружение монумента Н.М. Карамзину. Сообщив об этом 6 июля Загряжскому, Блудов через день направил подобные предписания всем остальным губернаторам России. Поразительно, что уже 20 июля в МВД поступило крупное пожертвование из далёкой от Волги Бессарабии: помещик Плассиано выслал «20 голландских червонцев на сооружение памятника Карамзину в Симбирске»¹⁶⁹. В числе первых крупных благотворителей оказались корнет А.И. Яковлев, выславший 2000 рублей, и штаб-ротмистр граф Д. Шереметьев – 1000 рублей.

Широкий общественный резонанс вызвало сообщение в «Северной пчеле» от 21 июля 1833 года о том, что накануне на товарищеском обеде, устроенном друзьями и почитателями поэта и баснописца И.И. Дмитриева, министр Д.Н. Блудов предложил тост и

168 РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 18.

169 РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 52, л. 13.

«за благополучное окончание предмета, задуманного благодарными земляками Карамзина». Присутствовавшие на обеде 20 особ тут же подписались на 4525 рублей.

Опуская подробности хода событий в последующие пять лет (желающие найдут их в моей брошюре «Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное», вышедшей в 1992 году), пока летом 1838-го Николай I повелел заключить контракт с академиком С.И. Гальбергом на изготовление памятника Карамзину, перейду сразу к 1841 году. К этому времени ученики скончавшегося в 1839 году Гальберга, его питомцы по Академии художеств А.А. Иванов, П.А. Ставассер, Н.А. Рамазанов и К.М. Климченко, с любовью и на высоком художественном уровне воплотили в модели замысел своего учителя-академика и передали их в мастерскую барона П.К. Клодта для отливки всех медных частей памятника. Казна выдала Клодту необходимые 550 пудов меди («20-фунтовыми штыками счётом 1033») и гонорар в 4000 рублей серебром. Гораздо большую сумму — 10,5 тысячи рублей Академия художеств выдала мастеру Степану Анисимову, подрядившемуся заготовить в Финляндии «цельные три больших куска одинакового красного гранита», необходимых для изготовления пьедестала по рисункам академика А. Тона.

Некоторые критики упрекали С. Гальберга за

«верноподданнические горельефы» по бокам пьедестала памятника. Следует учесть, что в данном случае скульптор выполнял заказ министра внутренних дел Д.И. Блудова, который ещё 31 января 1834 года в письме к президенту Академии художеств предложил оба сюжета для горельефов: чтение Карамзиным одной из глав «Истории государства Российского» Александру I в Твери и щедрость Николая I, которую он проявил к лежащему на смертном одре историографу¹⁷⁰.

В начале ноября 1841 года «монументальный мастер» Степан Леонтьевич Анисимов доставил из Финляндии в Петербург три гранитных камня и, согласно кондициям Академии художеств, принялся за их обработку: тесную подгонку, шлифовку, вырубку в них («мелкою ковкою») впадин для горельефов и бюста Карамзина. К лету 1842-го Анисимов обязался представить пьедестал для осмотра совету Академии художеств и, в случае одобрения, весь памятник (весом до 5000 пудов) в ту же навигацию доставить на судне в Симбирск и установить его там «на площади между домами губернатора, губернской гимназии и стеною женского монастыря».

Но из-за нехватки средств и по ряду других причин барон Клодт завершил отливку «из бронзы памятника Карамзину» только в 1843 году. Осталось сделать надпись на пьедестале. Мастер Анисимов хотел вырубить её в граните и «вызолотить листовым

170 РЦИ, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 107.

червонным золотом», но Академия художеств предложила ему выполнить надпись из накладных букв.

Имеет свою непростую историю и текст надписи на памятнике Карамзину. С. Гальберг по собственному усмотрению на модели памятника начертал: «Н.М. Карамзину, словесности и истории великие услуги оказавшему».

Но за прошедшее с тех пор десятилетие цензура в стране настолько усилилась, что министр внутренних дел в конце 1842 года счёл нужным привлечь к составлению надписи Министерство народного просвещения. Последнее представило аж четыре варианта:

1. Н.М. Карамзину, повелением Императора Николая I, 1843.

2. Н.М. Карамзину, историку Российского государства, 1843.

3. Н.М. Карамзину, творцу истории и преобразователю словесности русской, 1843.

4. Н.М. Карамзину, истории и словесности русской великие услуги оказавшему, 1843.

Д.Н. Блудов «творчески» переработал тексты, взяв за основу второй вариант, дополнив его словами из первого — «повелением Императора Николая I». При этом была изъята дата «1843» с тем, чтобы выложить на пьедестале памятника реальную, на момент установки в Симбирске.¹⁷¹

Внёс свою лепту в это творчество и Комитет ми-

171 РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 52, л. 240.

нистров, который предложил такую надпись: «Карамзину, бытописателю России. В царствование императора Николая I-го. 1843».

Императору пришёлся больше по душе текст МВД, где подчеркивалось, что памятник историку Российского государства сооружен его повелением. Самодержец с помощью подхалимов постарался забыть об инициативе симбирских почитателей своего земляка, о вкладе столичных литераторов еще в 1833 году и всероссийской подписке на памятник, деньги от которой поступали в симбирский комитет.

Досадное недоразумение произошло и с появлением на пьедестале памятника даты: «1844 года». Вначале, как мы видели, фигурировал «1843», ибо ещё весной того же года изготовление всех бронзовых частей, а также гранитного пьедестала было уже завершено и памятник был готов к транспортировке в родной город Карамзина.

Однако в навигацию 1843-го отправка не состоялась ввиду того, что симбирское дворянство за два года хлопот так и не смогло собрать недостающих 480 рублей, потребных для устройства под массивный памятник надёжного фундамента («вниз до 8 аршин»). И все же летом 1844-го тверской крестьянин Тимофей Михайлов доставил «по воде» весь памятник (с датой: «1844 года») в Симбирск, надеясь, что фундамент будет завершён в его присутствии.

Шли месяцы. В январе 1845-го симбирский гу-

бернский предводитель дворянства штабс-капитан П.И. Юрлов вынужден был отпустить Т. Михайлова в столицу. А симбирский губернатор Н.М. Булдаков, получив разрешение министра внутренних дел, уведомил «всех значительных помещиков» губернии о необходимости внести недостающие деньги. После выполнения этого предписания работы по сооружению фундамента развернулись полным ходом. И наконец настал день, когда симбирский купец Завьялов доставил памятник с берега Волги на площадь у губернаторского дома (за труд он получил 343 рубля серебром). 28 июля монументальному мастеру Анисимову было предложено немедленно отправиться в Симбирск для установки памятника на фундамент, ибо на 22 августа намечалось его торжественное открытие.

В спешке забыли заменить последнюю цифру в дате установления памятника — вместо «4» вставить «5». Так и стоит до сегодняшнего дня (!) на пьедестале: «1844 года» вместо положенного 1845-го, сбивая с толку даже опытных историков и экскурсоводов: одни думают, что здесь указана дата изготовления памятника в столице, другие — что это дата его открытия в Симбирске, а третьи — будто в 1844 году состоялось повеление Николая I, которое на самом деле было обнародовано еще в 1833 году.

Наиболее же распространённое мнение встречаем в сборнике П. Мартынова «Город Симбирск за 250

лет его существования» (с. 82): «Статуя Клио была привезена в Симбирск в 1843 году и пролежала на берегу Волги почти два года (т.е. до лета 1845 года. — Ж.Т.), пока не доставили из Петербурга пьедестал и бюст Карамзина». Но оно находится в противоречии с приведёнными мною документами, согласно которым весь памятник был доставлен в Симбирск в навигацию 1844 года, и статуя Клио пролежала на берегу Волги не «почти два года», а около года.

Нет в нашей литературе единого взгляда и на высоту памятника Карамзину. В «Записке» об открытии памятника Николаю Михайловичу, опубликованной в 1867 году, говорится о высоте «в пять сажен» (10,65 м). Полковник Генштаба А.О. Липинский в своём двухтомном исследовании о Симбирской губернии (СПб, 1868, т. 1. С. 722) определил высоту до «четырёх с половиной сажен». В сборнике П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования» (с. 82) говорится: «Памятник имеет вышины до 4 сажен». Судя же по архивным данным, высота гранитного пьедестала равна 7 аршинам (497 см) и статуи Клио – 5 аршинам (356 см), а общая высота – 8 метрам 52 сантиметрам, то есть ровно 4 саженям.

В заключение приведу небезынтересные данные из сметы на сооружение памятника Карамзину, позволяющие представить характер и стоимость основных работ.

«1. За сделание модели статуи (Клио) в настоящую

величину (пять аршин) и за снятие с неё форм – 15000 руб.

2. За вылепление двух барельефов и их формовку – 3000 руб.

3. За вылепление колоссального бюста (Карамзина) и за его формовку – 1000 руб.

4. Отлитие из бронзы сих моделей, с предварительною расчисткою воска и окончательною отчеканкою в бронзе, а также изготовление букв надписи с их позолотою: всё сие вместе оценено – 50000 руб.

5. Пьедестал из цельных трех кусков гранита, а нижняя лещадь из двух больших и двух по сторонам меньших кусков того же камня, вместе с укладкою всего помянутого, доставкой к пристани и погрузкою – 20000 руб.

6. Выгрузка, выволочка на гору (с волжской пристани Симбирска на Венец. – Ж.Т.) и постановка на место – 6800 руб.».

Общая стоимость всех работ исчислялась суммой в 105800 руб. Однако обществу памятник обошёлся дешевле, ибо 550 пудов меди казна дала бесплатно, что и снизило стоимость до 91800 рублей. К этой сумме следовало добавить злополучные расходы симбирян на устройство фундамента.

Таковы некоторые материалы, которые должны быть учтены при составлении нового паспорта на памятник Н.М. Карамзину – одной из красивейших достопримечательностей нашего города.

Глава 11. ЯЗЫКОВСКИЙ ВЕНОК КАРАМЗИНУ

Рассказы родных, а затем и вернувшегося в Москву Михаила Погодина об энтузиазме, с которым в городе на Волге отмечалось открытие памятника Карамзину, воодушевляюще подействовали на Николая Языкова, и за недели золотой осени он закончил обработку своих «Стихов на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину».

Поэт еще в молодости, по мере выхода из печати произведений своего земляка и полного тезки, с наслаждением читал их, а в пору студенчества – и тщательно штудировал том за томом «Историю государства Российского». А в 1830-х годах именно Николай Языков сумел добыть у родных Карамзина сотни его писем в Симбирск старшему брату Василию Михайловичу за 1790-е – 1825 годы. Словом, Языков прекрасно был осведомлен о жизни и творчестве историографа, а поэтического мастерства ему было незанимать. И он сумел создать светлый образ творца «Истории государства Российского» – чистой, честной, мудрой, самобытной, смелой личности, самоотверженного труженика, равнодушного к блеску и почестям, чуждого мелочной обывательской суеты, великого патриота. Результатом жесамотверженного многолетнего подвижнического труда

Карамзина по изучению старины явилось глубокое понимание родной Руси, вылившееся в великий подвиг – написание «книги книг». Его «История» – это «текущий величаво... пленительный рассказ, и ясный и живой, как волны голубые реки, царицы русских вод, между холмов игор, откуда он впервые увидел солнечный восход».

Используя начало державинского «Памятника», Языков со свойственным ему вдохновением чеканным слогом пророчески заявил о Карамзине:

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,

И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!

Тот славный памятник, отчизну украшая,

О нем потомству говорит

И будет говорить, покуда Русь святая

Самой себе не изменит!

Покуда внятны ей родимые преданья

Давно скончавшихся веков

Про светлые дела, про лютые страданья,

Про жизнь и веру праотцов;

Покуда наш язык, могучий и прекрасный,

Их вещий, их заветный глас,

Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,

И есть отечество у нас!

Лаконично, но очень емко поэт воспеваает поразительное трудолюбие историографа («труду высокому обрек он неизменно все дни свои, всего себя»), вос-

торгается его честным отношением к историческим фактам («в тиши работал он, почтенный собеседник простосердечной старины, и ей сочувствуя, и правды проповедник, и не наемник новизны»). Называя творчество Карамзина подвигом», Языков «Историю государства Российского» именуует «книгой книг» Поразительно, как Языков на полутора страничках стихов сумел сказать о многом, что раскрывает «История» Карамзина, – и о первых русских князьях, и о нашествии Батыя, и о Ледовом

побоище, и о Куликовом поле... Есть место и Борису Годунову, и Шуйскому... Под впечатлением страшных картин правления Ивана Грозного, воссозданных Карамзиным, поэт с гневом осуждает царя-деспота: «Неслыханный тиран, мучитель непреклонный, природы ужас и позор!» И, как бы подытоживая карамзинские описания многострадальной истории Родины, Языков как истинный патриот призывает:

«Мужайся, русская земля!»

Ярко и возвышенно восхищаясь патриотизмом Карамзина, поэт подчеркивает огромную силу его воздействия на соотичей:

Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижим в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой
Любовь к своей земле.

И как поразительно злободневно звучат строки

о силе карамзинского патриотического творчества именно сейчас, в наше «смутное» время:

...Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе – и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!

Хочется верить, что наступит и такое время, когда сбудется пожелание Николая Языкова и отом, что в России памятников будут удостаиваться не только отличившиеся воины, но мирные деятели, положившие свою жизнь на алтарь науки и культуры:

Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

Николай Языков хотел еще одним добрым делом внести вклад в увековечение памяти выдающегося литератора и историка. «По случаю объявления (так называется в нашей Библии инаугурация монументов) памятника Карамзину, – писал он 25 ноября брату Александру в Симбирск – должно издать альбом, в котором должны участвовать все русские

поэты: каждый пусть напишет об нем стихи или статью! Так делали немцы в честь Шиллера и Гейне. Похвально перенимать похвальное».

Увы, этому благородному замыслу не суждено было сбыться. Сначала из-за препятствий московской цензуры, которая разрешила публикацию погодинского «Исторического похвального слова Карамзину» и языковского стихотворения посвященного открытию памятника в Симбирске, лишь после долгих проволочек. Только 14 января 1846 года Николай Языков смог сообщить родным в Симбирск: «Возня моя с московскою цензурою окончилась в мою пользу: вчера получил я билет на выпуск своего стихотворения». А 27 февраля поэт с удовлетворением уведомил брата Александра: «Вот тебе 15 экз. моего стихотворения «На памятник Карамзину», раздай их кому следует»¹⁷².

Заботы поэта об увековечении памяти Н.М. Карамзина на родине продолжались в буквальном смысле до конца жизни. 12 декабря 1845 года будучи уже на смертном одре, Н. Языков обратился к М.Н. Погодину, возглавлявшему журнал «Москвитянин», с просьбой: «Не можешь ли ты провозгласить в «Москвитянине» и даже «Моковских новостях» о Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске? Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать в неесвой сочинения? Книги, которые ты жертвуешь, благоволи прислать ко мне: брат (Петр.

172 Языков Н.М. Свободомыслящая лира. С. 297, 318, 323..

– Ж.Т.) отправит их в Симбирск со своим обозом М.А. Дмитриев (литератор, отец его был приятелем молодого Н.М. Карамзина. – Ж.Т.) подарил бюст Карамзина».

14 дней спустя сердце Н.М. Языкова остановилось, но последняя воля его была выполнена. В «Московских ведомостях» (1845 г., № 45) появилась пространная заметка о Карамзинской общественной библиотеке, в которой было сказано немало теплых слов и о поэте Языкове. В ней особо подчеркивалось, что ему как истинному патриоту всегда были близки просветительские начинания и что он, «страстно любя свое отечество, в нем особенно воспевал свою родину... Он не остался при одном сочувствии. Он тотчас послал в Симбирск до 20 русских сочинений, составляющих около 50 томов, нарочно им купленных для учреждаемой библиотеки...

Библиотека покойного Н.М. Языкова, помещенная частью здесь (в Москве. – Ж.Т.), частью в его симбирском имении, простирается по крайней мере до 5000 томов. Так частная библиотека должна положить основание Карамзинской общественной библиотеке в Симбирске».

Братья поэта, сами принимавшие деятельное живое участие в учреждении этой библиотеки, выполнили пожелание Николая Михайловича и передали ей богатейшее собрание книг и журналов – 2325 томов из его личной библиотеки. Эта страстная и бескорыстная забота о развитии просвещения и

культуры была высоко оценена комитетом Карамзинской общественной библиотеки, открывшейся 18 апреля в двух комнатах нижнего этажа недавно построенного дома Дворянского собрания. Здесь был установлен подаренный Дмитриевым бюст Карамзина, а рядом – бюст поэта Николая Языкова, внесшего решающий вклад в создание этого очага культуры. Начиная с этого, 1848 года каждое 1 декабря – день рождения Карамзина – в здании классической гимназии по нему устраивалась панихида, а затем, уже в зале Карамзинской библиотеки, проходило годичное собрание комитета и ревнителей просвещения.

Постепенно, но неуклонно облагораживалась и площадь, в центре которой стоял памятник. Первоначально он был обнесен деревянной решеткой, которая диссонировала с изящным призматическим изваянием искусства. В 1855 году Аврора Карловна (урожденная Шернваль), вдова Андрея Николаевича Карамзина, в память о муже, погибшем во время Крымской войны, пожертвовала капитал на постройку металлической решетки вокруг памятника своему свекру, которая была изготовлена на нижнетагильском заводе Демидовых. Решетка была железная, с медными, вызолоченными сверху спицами и с украшениями прекрасной работы¹⁷³.

После грандиозного августовского пожара 1864 года, когда начались большие работы по благоу-

¹⁷³ ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1289, л. 30

строительству и озеленению центра города, решено было площадь вокруг памятника превратить в сквер. В 1866 году по проекту симбирского архитектора Н.А. Любимова была произведена детальная планировка аллей и клумб сквера, а на следующий год вокруг сквера была установлена чугунная решетка (стоимостью 4000 рублей), отлитая по рисункам того же Любимова в мастерской симбирского мещанина Н.В. Голубкова¹⁷⁴.

Через несколько лет вокруг сквера, вдоль решетки, поднялась довольно высокая зеленая изгородь из рядов желтой акации и сирени. Кустами окаймлялась и решетка вокруг памятника Карамзину. На аллеях сквера уже росли березы, вязы, рябины, вишни и даже дикие груши – дули, со сладкими плодами, которыми охотно лакомились ребята. Небезынтересен в связи с этим случай, о котором рассказывает в своей брошюре для садоводов известный краевед С. Рогозин. Американский профессор Е. Гибби его спутник Бодд, путешествуя в 1882 году по Волге, во время посещения Симбирска и, в частности, Карамзинского садика, чрезвычайно удивились, что здесь, под широтой 540, они «в первый раз встретились с обширной грушевой культурой в холодном климате. Там (в Симбирске. – Ж.Т.) в фруктовых садах, – как они заметили, – должно быть... до 10000 деревьев»¹⁷⁵.

174 Симбирские губернские ведомости, 1871, № 21, 13 марта.

175 Поволжская помология для практиков. Сост. С. Рогозин. Сенгидей, 1924. С.88

По возвращении в Америку профессор обратился в Симбирск с просьбой доставить ему черенки дикой груши для разведения на подвои. (Эта заявка, как и из германского города Эрфурта, симбирянами была выполнена.)

К этому времени в Карамзинском сквере стояли скамейки, а в северо-восточном углу и деревянная беседка под железной крышей. Вдоль внешней ограды деревянные тротуары были уже заменены асфальтовыми. Керосиновые фонари освещали вход в сквер, но с наступлением темноты сторож железной цепью закрывал ворота на замок. Днем же здесь, по словам А.И. Ульяновой-Елизаровой, полагалось гулять чинно...¹⁷⁶ В учебное время сюда постоянно забегали ученики рядом расположенной классической гимназии. В погожие дни в сквере можно было провести часть большой перемены. А изящный памятник Карамзину неизменно украшал вид из окон гимназии, в частности, из окон 8 класса, где учился в 1886–1887 годах выпускник Владимир Ульянов.

¹⁷⁶ Ульянова-Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С.30.

Глава 12. РОДНЫЕ ИСТОРИОГРАФА — СИМБИРСКУ

Ум и сердце согласно предписывают мне жизнь семейную и работу... Здесь многие уже перестали быть ласковы со мною: у того не был с визитом; другому не сказал учтивостей; иной считает меня гордецом¹⁷⁷.

Так обрисовал Николай Михайлович в письме от 16 сентября 1816 года другу-поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву начало своего житья в Царском Селе. Несколько минорный тон этого откровения объясняется тем, что он впервые в жизни оказался в чопорной обстановке придворной жизни. Тем не менее и здесь родные и работа составляют главное в бытии историографа.

Примечательны в связи с этим строки его письма, отправленного десять лет спустя, в октябре 1825 года в Таганрог императрице Елизавете Алексеевне: «Чувствую себя лучше и, кажется, не хуюеу. Хожу пешком и езжу верхом неутомимо. Дни ясные меня развеселяют, люблюсь Царским Селом, садом, парком и не завидую Италии. Мы беспокоились о

177 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 196.

Сонюшке (старшей своей дочери. – **Ж.Т.**), которая была нездорова. Вечеру занимаемся чтением и жалею, что вечера не длиннее. Занимаемся также экзаменами двух сыновей. Андрей удивляет нас своим понятием: география Света у него на ладони, арифметика и грамматика в голове, история в памяти и в уме. Улыбнитесь на счет родительского энтузиазма: мне кажется, что я еще никогда не видывал таких учеников не только десятилетних, но и пятнадцатилетних! Передаю Вам свое живое чувство, и также не без меланхолии: мне и от радости бывает грустно!»¹⁷⁸ Причина этой грусти понятна: Николай Михайлович из-за сильно ослабевшего здоровья не надеялся дожить до той поры, когда дети получат должное образование и обретут достойное поле деятельности. Увы, через полгода он почил...

Благо, что многолетний и беззаветный труд историкографа был щедро вознагражден императором, и Екатерина Андреевна смогла помогать сотруднику покойного мужа Константину Сербиновичу в подготовке к изданию 12-го тома «Истории государства Российского» и завершить обучение детей. С учетом склонности старших сыновей к гуманитарным наукам Екатерина Андреевна поместила 18-летнего Андрея и 17-летнего Александра на юридический факультет Дерптского университета. Этот прибалтийский город, некогда называвшийся Юрьевом,

¹⁷⁸ Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Часть I. СПб., 1862. С. 78.

был выбран не без совета князя П. Вяземского и с надеждой, что здешние профессора-медики вылечат страдавшего болезнью легких третьего сына, шестнадцатилетнего Николая.

Безупречное знание немецкого и французского языков и отличная домашняя образовательная подготовка позволили Андрею и Александру Карамзиным за полтора года овладеть программой юридического факультета и получить дипломы юристов. Но радость за их успехи была омрачена резким ухудшением здоровья Николеньки. Все усилия врачей оказались тщетными, и он, по словам Вяземского, тихо и не догадываясь о своей скорой кончине, умер от чахотки. И. И. Дмитриев, пораженный новым страшным несчастьем, обрушившимся на Екатерину Андреевну, в письме к Вяземскому смог только заявить: «Дай бог, чтобы она перенесла его! Более не скажу ни слова: мне столько же тяжело продолжать»¹⁷⁹.

Иван Иванович, которому шел 73-й год, сам был небогат здоровьем, но с наступлением лета выехал-таки в Петербург, с тем чтобы оттуда отправиться в Дерпт к семье Карамзиных. В честь прибытия Дмитриева в столицу был устроен торжественный обед, на котором присутствовали П. Вяземский, Д. Блудов, А. Норов, С. Кушников, И. Крылов, А. Пушкин, Н. Гоголь и другие видные деятели. Эта торжественная встреча была увенчана поддержкой недавнего почина

179 Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 178.

симбирян – подпиской на сооружение памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.¹⁸⁰ Через несколько дней Дмитриев, по прибытии в Дерпт, сообщил об этом событии Екатерине Андреевне и ее детям.

За те недели, что Иван Иванович провел в Дерпте рядом с Карамзиными, он тесно общался со старшими сыновьями покойного друга, Андреем и Александром. И, очевидно, не без его одобрения 19-летний Андрей и 18-летний Александр этой же осенью стали юнкерами гвардейской конной артиллерии. Служба в этой аристократической воинской части, дислоцировавшейся в пригородах Петербурга, позволяла братьям Карамзиным довольно часто бывать на литературных вечерах, устраивавшихся дома матушкой и сестрой Софьей. Здесь они имели возможность, общаться с Пушкиным, другими корифеями словесности. И с каким доверием относился Александр Сергеевич к Андрею Карамзину, если избрал его в начале 1836 года своим посредником в намечавшейся дуэли с графом Владимиром Соллогубом...

Весной 1836-го у Андрея серьезно обострилась болезнь легких и он, взяв отпуск, отправился на лечение в Западную Европу. Родные информировали его о всех важных событиях и особенно подробно о дуэли с Дантесом и смерти Пушкина, а затем и откликах общественности на эту трагедию. В ответных письмах Андрей Карамзин беспощадно

180 Трофимов Ж. Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Ульяновск, 2006. С. 15.

осудил главного виновника гибели великого поэта — правящую аристократию и продемонстрировал тем самым солидарность с чувствами Лермонтова в гневно-обличительном стихотворении «Смерть поэта»¹⁸¹.

По возвращении в Россию Андрей продолжает службу в гвардии и, как и раньше, является членом домашнего литературного салона, в котором произошло и знакомство с поэтессой-графиней Евдокией Ростопчиной, переросшее одно время в негласный гражданский брак. Примечательно, что прощальный вечер перед отъездом на Кавказ, 12 апреля 1841 года, Михаил Лермонтов провел у Карамзиных, где подарил Ростопчиной на память альбом с посвященным ей стихотворением.¹⁸² Три года спустя Андрей сам перевелся в Кавказскую армию и в одной из стычек с горцами был ранен и контужен.

Так уж случилось, что вскоре после выздоровления он вместе с братом Александром едет в Симбирск, чтобы принять участие в открытии памятника отцу. Выступая 23 августа 1845 года на обеде, посвященном этому волнующему событию, Андрей Николаевич заявил: «Мое русское сердце трепещет радостно, видя, как милое Отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова. Как сын его, исполненный

181 Пушкин в письмах Карамзиных 1836-1837 годов. М-Л., 1960. С. 33.

182 Лермонтовская энциклопедия. М. 1981. С. 218.

благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжества, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства»¹⁸³.

В июле 1846 года Андрей Николаевич женился на Авроре Карловне Демидовой (урожд. Шернваль), известной красавице, владелице уральских заводов. Зимой 1846-1847 года, взяв отпуск, он с женой провел в Париже, а по возвращении вышел в отставку. Знаменательно, что на приятельском ужине в одном из петербургских ресторанов, он произнес тост: «За здоровье несчастнейших из людей: русского мужика».

Его гуманизм ярко проявился и при управлении демидовскими заводами в Нижнем Тагиле. За короткое время Андрей Николаевич открыл здесь публичную библиотеку и народную школу, ввел бесплатные обеды на приисках и рудниках, создал химическую лабораторию, обновил оборудование и технику.

Весной 1854 года, с началом военных действий с турками на Дунае, Андрей Карамзин вернулся в армию и в звании полковника был назначен командиром гусарского полка. 16 мая, командуя кавалерийским отрядом, во время одного из рейдов, он попал в засаду и в отчаянной схватке был убит. Аврора Карловна перевезла тело любимого мужа в Петербург и на свои деньги возвела на Новодевичьем кладбище каменную церковь, которая и стала его усыпальницей. Чтили память Андрея Карамзина и на Урале. Вот как

183 Трофимов Ж. Симбирский памятник Н. М. Карамзину. С. 54.

об этом рассказывал Д.Н. Мамин-Сибиряк, описывая Нижний Тагил: «На госпитальной площади, влево от дороги, стоит довольно массивный, чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину... На заводах о нем сохранилась самая лучшая память как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере старожилы вспоминают о нем с благоговением»¹⁸⁴.

Замечу также, что в 1855 году Аврора Карловна пожертвовала деньги на сооружение металлической решетки вокруг памятника своему свекору-историографу Н. М. Карамзину в Симбирске. Решетка с медными, вызолоченными сверху спицами и украшениями была изготовлена на нижнетагильском заводе Демидовых.

Биография Александра Карамзина не столь ярка, как старшего брата, но и он был незаурядной личностью. Из воспоминаний К. С. Сербиновича – помощника и секретаря историографа – известно, что восьмилетний Саша сочинил сказочку, которую В. Жуковский напечатал брошюрой, снабдив ее шутивным предисловием¹⁸⁵. Вместе с Андреем он юношей в своем доме тоже общался с Пушкиным и другими литераторами. При поддержке В. Жуковского, П. Плетнева

¹⁸⁴ Мамин-Сибиряк Д. Платина. – «Северный вестник», 1891, № 10, отд. 2. С. 3.

¹⁸⁵ Русская старина, 1874, № 9. С. 66.

стихи Александра публиковались в «Современнике» и «Отечественных записках», а повесть в стихах «Борис Ульин» вышла в 1839 году отдельной книжкой. К этому времени у него сложились дружеские отношения и с М. Ю. Лермонтовым. Некоторые исследователи даже считают, что Александр Карамзин – один из тех офицеров, кто дал Михаилу Юрьевичу материал для создания образа Печорина в романе «Герой нашего времени»¹⁸⁶.

Александр Карамзин служил в армии недолго, и по выходе в отставку поселился с женой (урожденной княжной Оболенской) в деревне Мака-телемах Сергачского уезда Нижегородской губернии. Одно время избирался предводителем дворянства своего уезда, но главным для него стало создание образцового хозяйства, оказание помощи крестьянам.

В августе 1845-го года он вместе с братом Андреем присутствовал на открытии в Симбирске памятника отцу. После пожара 1864 года, уничтожившего Карамзинскую общественную библиотеку, Александр Николаевич прислал для нее ценные книги из семейного собрания. По приглашению комитета Карамзинской общественной библиотеки он принял участие в симбирских торжествах в связи со 100-летием со дня рождения отца. Выступая на банкете в Доме дворянского

¹⁸⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836 - 1837 годов. М.-Л., 1960. С. 37.

собрания, Александр Николаевич воздал хвалу дорогому Симбирску: «Та страна достойна производить великих людей, которая умеет ценить их гений и заслуги. Поистине, такая страна есть Симбирск, давший России Николаю Михайловичу Карамзину, Ивану Ивановичу Дмитриеву, Николаю Михайловичу Языкову».

В канун этого знаменательного юбилея, равняясь на старших братьев, завязывает связи с Симбирском и Владимир Николаевич Карамзин, 1819 года рождения. Еще студентом юридического факультета столичного университета, у него – находчивого и остроумного, сложились хорошие отношения с поручиком Михаилом Лермонтовым. Он даже представлял в цензуру поэму «Демон», получал ее обратно от цензора и передавал Лермонтову¹⁸⁷.

Так вот, в преддверии юбилея 1866 года, Владимир Николаевич прислал в комитет Карамзинской общественной библиотеки 300 рублей и прекрасный портрет отца. А весной следующего года он пожертвовал в дар симбирской публичке книги 50 названий из числа тех, которыми пользовался автор при написании «Истории государства Российского». Высоко оценив эти драгоценные приношения, комитет библиотеки 24 июня 1867 года обратился к Александру и Владимиру Николаевичам

187 Лермонтовская энциклопедия. С. 218.

Карамзиным с просьбой принять на себя звание почетных членов библиотеки¹⁸⁸. Эта просьба была воспринята братьями с благодарностью.

Служба Владимира Карамзина в министерстве юстиции шла успешно: за активное участие в подготовке крестьянской и судебной реформ он в 1868 году был удостоен звания сенатора. Свидетельством же благородного стремления содействовать общественному благу стали завещания, составленные им в 1879 году, незадолго до своей кончины, наступившей 7 августа 1879 года. По первому из них все свои книги он передавал Карамзинской общественной библиотеке, и в октябре они, упакованные в 16 ящиков, весом около 105 пудов, были доставлены в Симбирск. Среди них преобладала литература по юриспруденции, причем как на русском, так и французском и немецком языках. В числе редких изданий этого дара были «Ад» А. Данте на итальянском языке, а также уникальные голландские, итальянские и французские малоформатные шедевры европейской классики.

Необычайно складывалась судьба другого завещания Владимира Николаевича, согласно которому он почти все свое состояние передавал Симбирскому губернскому земскому собранию на устройство какого-нибудь благотворительного заведения – «больницы, богадельни, приюта», и чтобы

188 Трофимов Ж. Рассказы о Карамзинской общественной библиотеке. Ульяновск, 2008. С. 70.

на воздвигнутом здании появилась надпись: «В воспоминание Александры Ильиничны Карамзиной, сооружено памяти Николая Михайловича Карамзина». В 1881 году душеприказчики В.Н. Карамзина перевели на счет губернской земской управы 125 тысяч рублей. Но понадобилось 9 лет, чтобы из различных планов и предложений губернское земство выбрало предложение об устройстве «колонии для душевнобольных». И еще 8 лет, чтобы 1 июля 1898 года на построенном для нее каменном корпусе появилась мраморная доска с высеченными словами:

«В воспоминание Александры Ильиничны Карамзиной, сооружено памяти Николая Михайловича Карамзина».

Открытие этого учреждения нашло отражение в юбилейном сборнике П.Л. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования», вышедшем в том же году. К сожалению, П. Мартынов, сообщая на стр. 274 читателям об этой «психиатрической лечебнице-колонии» счел возможным ограничиться словами о том, что она устроена «на Карамзинский капитал». Наверное, упоминание имени горячо любимой жены В.Н. Карамзина (Александры Ильиничны, урожденной Дука), скончавшейся в 1871 году, кому-то показалось неуместным. Но ведь в таком случае серьезно нарушалась воля мецената... Введенное же краеведом-юристом П. Мартыновым неопределенное выражение «на Карамзинский капитал» способствовало тому, что бывшая

«лечебница-колония» уже в 1928 году называлась «Ульяновская областная Карамзинская колония душевнобольных», а позже – «Ульяновской психоневрологической больницей имени Н.М. Карамзина»¹⁸⁹. Известный современный сатирик Михаил Задорнов, выступая после гастролей в Ульяновске по Российскому телевидению, не преминул высмеять коммунистов, якобы додумавшихся назвать больницу для сумасшедших именем Н. М. Карамзина! Думается, что надо без промедления восстановить в ее названии хотя бы слова сына-завещателя: «В память Н.М. Карамзина».

В заключение, вкратце, о других родственниках Карамзиных, внесших лепту в увековечение памяти историографа в Симбирске. Князь Петр Вяземский, сводный брат супруги историографа Екатерины Андреевны, передал в 1868 году в Карамзинскую общественную библиотеку 78 экземпляров своих сочинений и был избран ее почетным членом. Внучатый племянник Н.М. Карамзина Е.Д. Ниротморцев передал нашей публичке портреты Василия Михайловича и Николая Михайловича Карамзиных, а также «Вестник Европы» за 1802–1818 годы, «Русский вестник» 1809–1816 годов и другие библиографические редкости.

189 Казанский медицинский журнал, 1961, №2. С. 35.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.М. Языков
СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА
ИСТОРИОГРАФУ
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ¹⁹⁰
(Посвящается А.И. Тургеневу)¹⁹¹

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный¹⁹²,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещий, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,

190 Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 360-363.

191 Тургенев Александр Иванович (1784-1845) – симбирский уроженец, историк и литератор.

192 «Он памятник воздвиг себе чудесный, вечный» – видоизмененная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Памятник».

И есть отечество у нас!
Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;
И, полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда, –
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь – и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг – и ясною картиной
В ней обновилась старина.
Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир – солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;

Вот благодущные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;
Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель, –
И вот наш Грозный, внук его,
Трех мусульманских царств
 счастливый покоритель –
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи незаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепenea,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,

Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана – царь-смиренник молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,
Симбирский памятник Н.М. Карамзину
И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волненье...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи – и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопин и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблех чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!
Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,

И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижимый в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой, –
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе – и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,
Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчаный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

25 октября 1845 г.

Д.П. Ознобишин

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА¹⁹³

Он здесь! Он вечно наш! Изображение Клии
Отныне передаст в позднейши времена
И дар Царя и дань признательной России
К трудам Карамзина.
Как древле Геродот средь шумных игр Эллады
Рассказом сладостным народы увлекал
И юный Фукидид, вперив на старца взгляды,
Рыдал и трепетал;
Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, – сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.
Симбирский памятник Н.М. Карамзину
В ней вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чем втайне мысль кипит,
И, как птенец орла, свои расширив крыла,
Он к солнцу взлетит!
А ты, на чьих берегах замолкнул звук булата,
Два царства падшие омывшая волной,
Ты, мирно льющая обилие и злато,
Ликуй: он пестун твой!

193 Ознобишин Д.П. Стихотворения. М., 1992. С. 206-207.

Да, Волга, он твой сын! Когда иноплеменный
Нас спросит: «Это кто?» Мы гордо скажем: «Тот,
Кому приветливо внимал Благословенный
Средь царственных забот!
Кто время Грозного, бесстрастный и свободный,
Деянья темные потомству передал;
Впервые нам раскрыл язык простонародный;
Русь – миру указал!
Кто щедро взысканный, мечтал и дней в закате
О славе родины, когда язык немел!
Над кем монарх скорбел, и в сделанной утрате
Россией сиротел».

1845 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большая часть жизни и творчества Николая Карамзина прошла в Москве и Остафьеве, Петербурге и Царском Селе. Однако в обеих столицах нет музея автору бессмертной «Истории государства Российского». Зато в родном Симбирске почтили память знаменитого земляка великолепным монументом (1845 г.) работы академика С. Гальберга и созданием Карамзинской общественной библиотеки, одной из лучших в провинциальной России. А с 2008 года в Ульяновской области 12 декабря отмечается День Истории, приуроченный ко дню рождения Карамзина. Тем не менее десятилетиями не решаются злободневные проблемы увековечения памяти Николая Михайловича. Остановлюсь вкратце на наиболее важных из них.

Большинство столичных биографов Н. М. Карамзина, а также авторы справок о нем в энциклопедиях уже второе столетие утверждают, что родиной историографа являются Оренбургская или Самарская губернии. Для устранения этого ошибочного мнения необходимо провести в Ульяновске или в Москве заседание авторитетного ученого совета, Российского юбилейного комитета по празднованию 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина, на котором обсудить в первоочередном порядке мою статью-исследование «О месте рождения Н. М. Карамзина». Замечу, что она публиковалась 31 мая 1994 года в «Ульяновской правде», а в 1997-м – в моей книге «Симбирск и симбиряне».

Уверен, что ни один современный историк Оренбурга и Самары не решится доказывать, что Николай Карамзин является их земляком. Уверен, что обстоятельное обсуждение вопроса о месте рождения историографа завершится постановлением, закрепляющим приоритет города Симбирска.

Еще четверть века назад, 27 сентября 1984 года, в «Ульяновской правде» был опубликован мой очерк «Дом Карамзина». В нем на основании архивных документов, изученных в Центральном историческом архиве СССР (Ленинград), я призвал к восстановлению найденного мной отчего дома Карамзина и созданию в нем мемориального музея, посвященного главным образом всемирно-известной «Истории государства Российского». Реальность создания этого музея зиждется как на сохранившихся остатках фундамента бывшего дома Карамзина (снесенного по незнанию истории в 1960-х годах) так и на его детальных чертежах, выполненных современными архитекторами. Эту же точку зрения в свое время поддерживали Б. В. Аржанцев и некоторые другие краеведы. Воссоздание исторического особняка Карамзиных потребует не таких уж больших средств. Зато Ульяновск в преддверии 250-летия великого поэта, писателя и историографа может стать реальным и авторитетным научным центром карамзиноведения.

За последние десятилетия сделано, кажется, все, чтобы и родовое симбирское имение историографа «Знаменское», Карамзино тож, исчезло с лица земли: разобран господский дом и увезен в Майну, чтобы из его остатков построить ветеринарную лечебницу; разобрана церковь и перевезена в Засвияжский район Ульяновска; без всякого согласования с властями и краеведами перевезены в Ульяновск, на кладбище бывшего Покровского монастыря останки В.

М. Карамзина и его дочери Ольги. Но еще не поздно (если припомнить, что в короткие сроки были возрождены разрушенные и разграбленные фашистами в годы Великой Отечественной войны 1941 – 45 годов и толстовская Ясная Поляна, и пушкинское Михайловское) восстановить родовое имение Карамзиных, расположенное в живописной местности и сделать его таким, чтобы никогда не зарастала туда народная тропа. Кстати, это станет и популярным туристическим маршрутом.

Независимо от того, начнется ли создание музея Н.М. Карамзина в ближайшее время или оно будет отложено на будущее, но уже в этом году следовало бы изменить к лучшему исследования, и прежде всего – по теме «Николай Карамзин и Симбирск». Началом этой работы должна стать научная конференция с обсуждением конкретного плана подготовки к 250-летию со дня рождения Николая Михайловича. В числе первоочередных задач - образование редколлегии по созданию Карамзинской энциклопедии. Надо полагать, что ректорат педагогического университета найдет толкового аспиранта, желающего посвятить десятилетия своей жизни и творчества карамзинской теме. Можно надеяться, что Министерство культуры и Министерство образования выделят необходимые гранты для проведения архивных и музейных разысканий, в том числе в Москве и Петербурге.

Разумеется, необходимо создать и общественный фонд Н. М. Карамзина, средства которого составлялись бы с помощью благотворителей и за счет налогов с предпринимателей и учреждений, использующих изображения памятника Н. М. Карамзину. Это относится к нашим типографиям, выпускающим школьные тетради с его изо-

бражением, и к газете «Симбирский курьер», в каждом номере которой уже 19-й год рядом с названием красуется статуя Клио, и к заводу, выпускающему сувенирные значки с музой истории.

В заключение поделюсь соображениями об отношении Николая Карамзина к родному краю, а точнее – по вопросу, любил ли он его. Поводом для этого стала заметка в «Симбирском курьере» от 9 декабря 2006 года, то есть в самый канун 240-летия со дня рождения Николая Михайловича. Желая, видимо привлечь внимание читателей, редакция подала юбилейную заметку под броским названием: «Признаюсь, и не желаю видеть!». Для придания же ей документального характера было заявлено, что эти слова взяты из письма Н. М. Карамзина. Вчитаемся же и мы в это письмо от 9 июля 1825 года к И. И. Дмитриеву: «Слышу, что ты уехал в наш родимый край, но как же не сказать мне о том ни слова? Дай Бог, чтобы ты благополучно возвратился и с приятными чувствами. Места все те же, но мы смотрим на все уже другими глазами. Любезный Симбирск, Волга, Свияга! Мне уже, вероятно, не видеть вас: признаюсь, и не желаю видеть!»

Комментарий автора заметки по поводу заявления Николая Михайловича: «Карамзин – наш земляк, имение его родителей было под Симбирском. Рос сиротой, и это, возможно, сыграло свою роль в том, что большой привязанности к малой родине он не испытывал». Но заголовок-то заметке дан куда категоричнее: «Признаюсь, и не желаю видеть!» А ведь ограничиться по поводу последних слов Карамзина пояснением, что Николай «рос сиротой» – это своего рода неуважение великого земляка. Во-первых, Николай Михайлович рос не «сиротой», ибо его

отец ушел из жизни в 1782 году, когда ему было все-таки 16 лет, а любимый и любящий старший брат Василий, другие члены большой и дружной семьи были рядом.

Но главное заключается в том, что и переписка Николая Михайловича, и его автобиографические произведения пронизаны неизбывной горячей любовью к своей «малой родине» - Симбирску и родовому имению Знаменское. Об этом свидетельствуют хотя бы строки из знаменитой статьи «О любви к Отечеству и народной гордости»: «Человек любит место своего рождения и воспитания... Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества». Или строки из письма к Василию Михайловичу от 18 октября 1808 года: «Воображаю живо моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства! Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе... Я теперь живу в прошедшем, и старина для меня всего любезнее!»¹⁹⁴. Но и пятнадцать лет спустя, в письме из Петербурга 31 мая 1823 года к И. И. Дмитриеву, отдохавшему в родном краю, историограф так же тепло заметил: «Твое дружеское письмо, приятно меланхолическое, заставило меня слетать воображением на берег Волги, Симбирский Венец, где мы с тобою, геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца»¹⁹⁵.

В письме из Царского Села от 4 сентября 1824 года Николай Михайлович, извещая И. И. Дмитриева о том, что составил историческую «Записку» для Александра I, на-

194 Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 226.

195 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 351.

правляющегося в Поволжье, отметил: «В десяти строках о Симбирске не забыл я нашего славного Белого Ключа, ни столетнего Елисея Кашинцева, звонившего в колокола, когда Симбирск праздновал Полтавскую победу, и бывшего гребцом на лодке Петра Великого, когда он плыл в Астрахань, начиная войну Персидскую. Я обрадовался, нашедши здесь у живописца Орловского старинные часы с вырезанным на них именем этого Елисея, который угощал меня в ребячестве баней и зеленым чаем»¹⁹⁶. В письме от 18 февраля 1824 года, поблагодарив Ивана Ивановича за присланные автобиографические «Записки», историограф посетовал на их краткость. «Все для меня интересно: и места, и люди – не только Симбирск, но и Сызрань...». Узнал он в числе упомянутых Дмитриевым симбирян и приятелей его твоего батюшки.

Опуская другие карамзинские высказывания, свидетельствующие о его любви к родному краю, взглянем снова на его письмо к Дмитриеву от 9 июля 1825 года. Сообщив другу, что пишет 4-ю главу из 12-го тома своей «Истории», он с грустью заметил: «Это лебединая песня». И только после этого он ностальгически обращается к «любезному Симбирску, Волге, Свияге»: «Мне уже, вероятно, не видать вас: признаюсь, и не желаю видеть! Voyage que voudra!»¹⁹⁷.

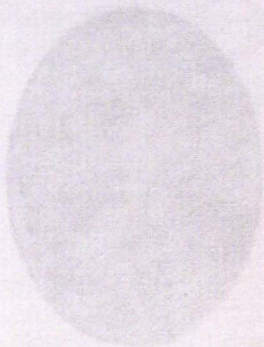
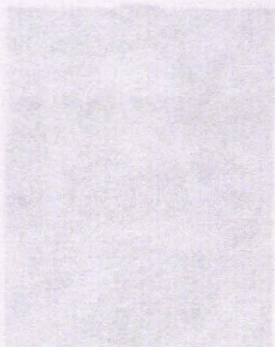
В «Симбирском курьере» (как и в романе-реконструкции Ю.М.Лотмана «Сотворение Карамзина») последняя фраза, написанная по-французски, не приведена. А зря! Она переводится: «Путешествуй, кто **хочет!**». Но Карамзин же говорил этим: «кто **намеревается**», а он уже не намеревается, потому что не **может...**». А препонами к вояжу были

196 Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. С. 196.

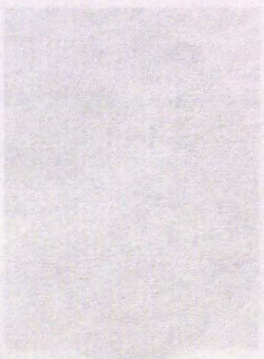
197 Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. С. 398.

и незавершенная работа по созданию «Истории государства Российского», и, главное, вконец подорванное здоровье. Он был уже настолько слаб и немощен, что был совершенно не способен не только путешествовать, но даже самостоятельно ходить. Да, впрочем, и не желал ехать на милую родину, где его помнили физически крепким человеком...

И последнее, думается, что настало время для проведения ежегодных областных конкурсов на лучшие произведения о жизни и творчестве Николая Карамзина с вручением победителям достойных Карамзинских премий.

Иллюстрации

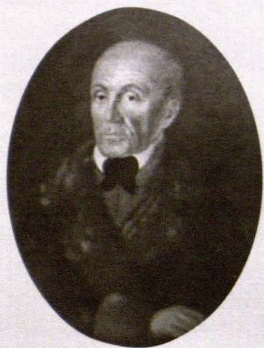

Николай Михайлович
Карамзин

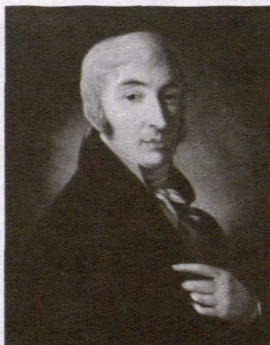
Николай Карамзин

Василий Михайлович
Карамзин

Николай Михайлович
Карамзин

Николай Михайлович
Карамзин

Софья Николаевна
Карамзина

Екатерина Андреевна
Карамзина в молодости

Екатерина Андреевна
Карамзина

Аврора К. Карамзина

Андрей Николаевич
Карамзин

Владимир Николаевич
Карамзин

Александр Николаевич
Карамзин

Иван Петрович
Тургенев

Андрей Иванович
Тургенев

Николай Иванович
Тургенев

Александр Иванович
Тургенев

Екатерина Николаевна
Карамзина

Елизавета Николаевна
Карамзина

Петр Андреевич Вяземский.
Рисунок А.С. Пушкина

Вера Федоровна
Вяземская

М.М. Херасков

А.Ф. Малиновский

А.Ф. Мерзляков

А.И. Вяземский

П.М. Языков

П.Н. Ивашев

Герб Карамзиных

Александр I

Великая княгиня
Екатерина Павловна

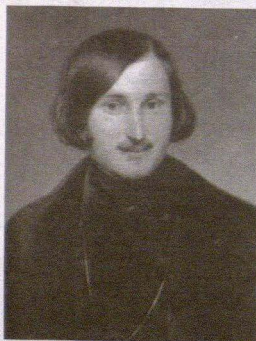
Прогулка императора Александра I по окрестностям
Петербурга

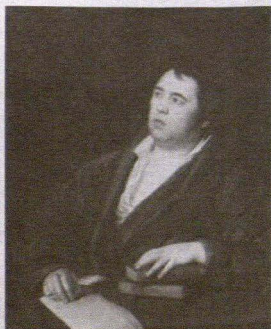
И.И. Дмитриев

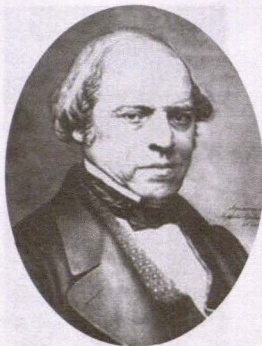
А.С. Пушкин

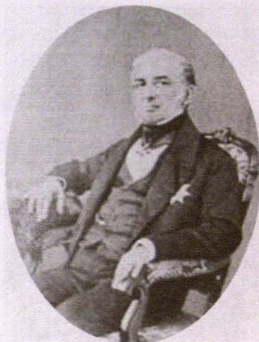
Н.В. Гоголь

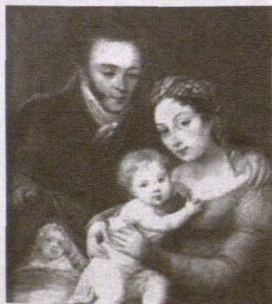
И.А. Крылов

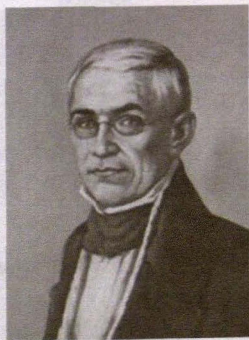
Д.Е. Бенардаки

М.А. Дмитриев

А.М. Загряжский
с женой

Д.П. Ознобишин

Ю.С. Хованский

М.П. Баратаев

П.А. Кикин

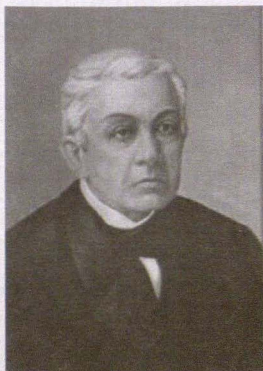
Н.Т. Аксаков

И.А. Гончаров

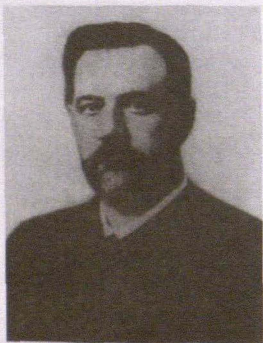
Н.А. Гончаров

А.М. Языков

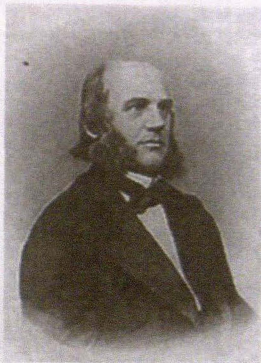
Н.М. Языков

А.П. Языков

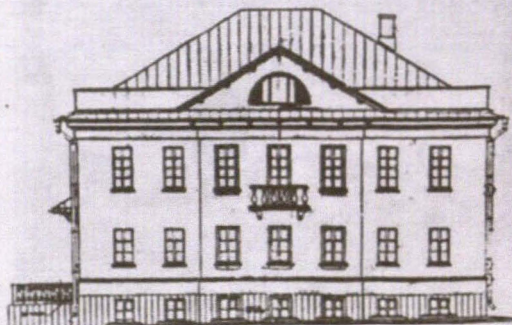
А.А. Знаменская

А.В. Старчевский

Д.Д. Минаев

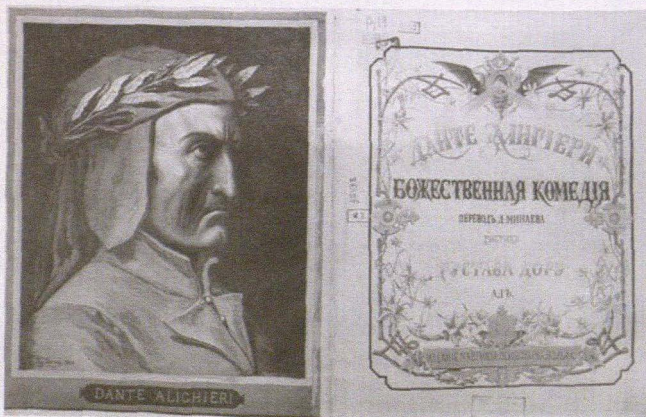
Дом Карамзиных. Чертеж

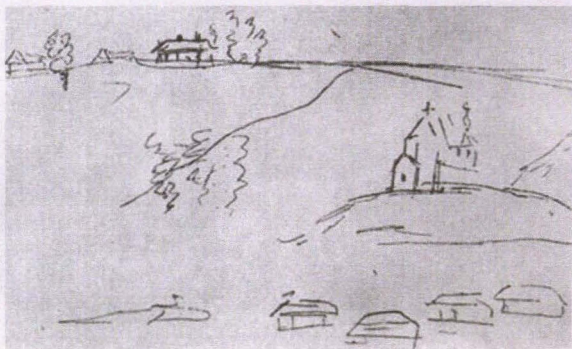
Дом Дворянского собрания. Вид с Соборной площади

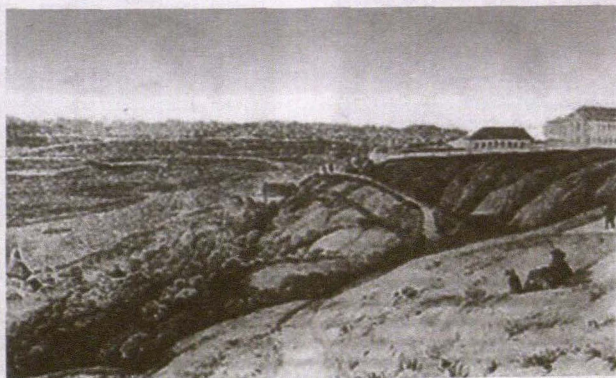
Памятник Андрею Карамзину в Нижнем Тагиле

«Божественная комедия» Данте в переводе Минаева

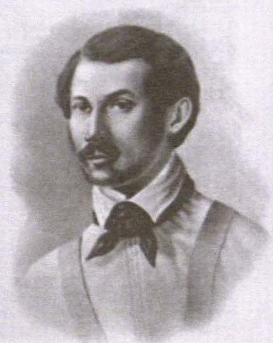
Дом Карамзина. Рис. А. Пушкина

Венец. Рис. В. Жуковского

М.П. Погодин

А.А. Бестужев
(Марлинский)

В.Л. Пушкин

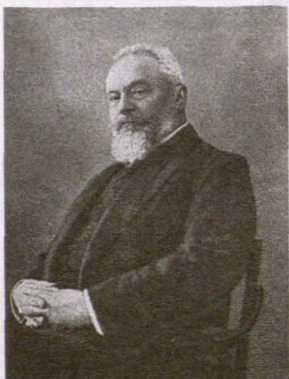
К.Ф. Рылев

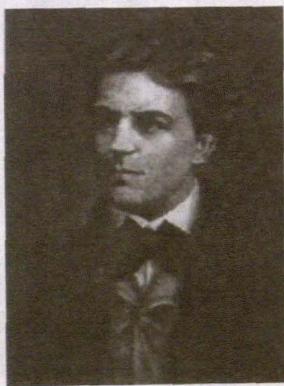
С.И. Гальберг

П.К. Клодт

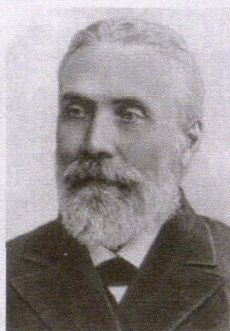
В.Н. Поливанов

Н.А. Языков

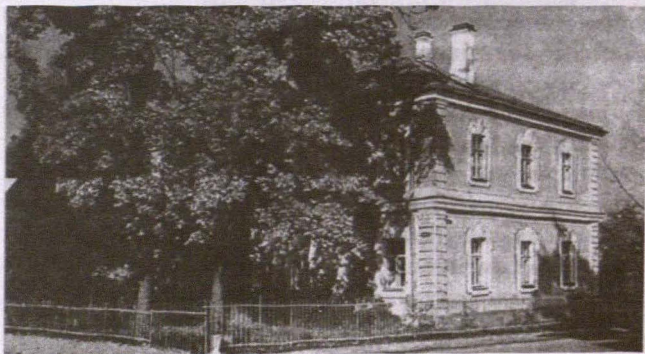
И.Н. Ульянов

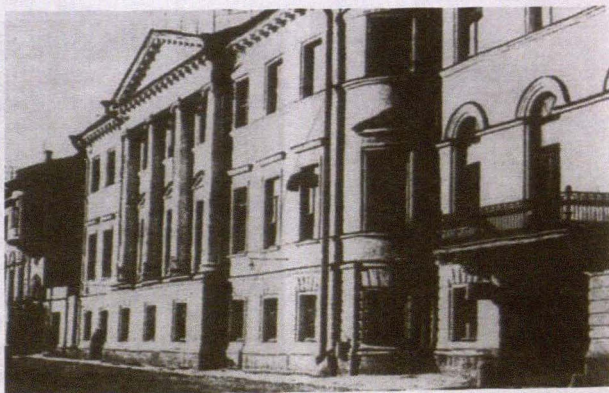
В.Н. Назарьев

Стрелецкая улица

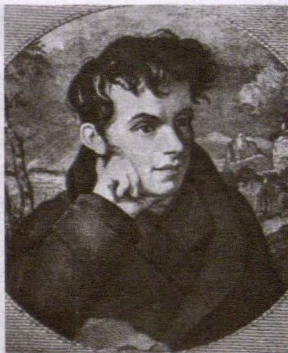
Царское село. Садовая улица.
Дом, в котором жил Н.М. Карамзин

Петербург, дом Тургеневых, Фонтанка, 20

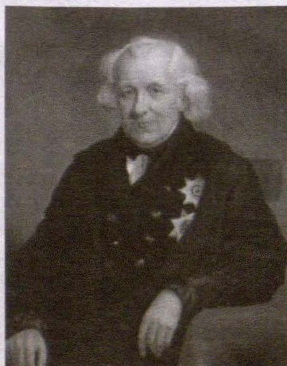
П.А. Плетнев

В.А. Жуковский

П.А. Вяземский

Н.С. Мордвинов

Граф Ф.В. Ростопчин

Н.И. Новиков

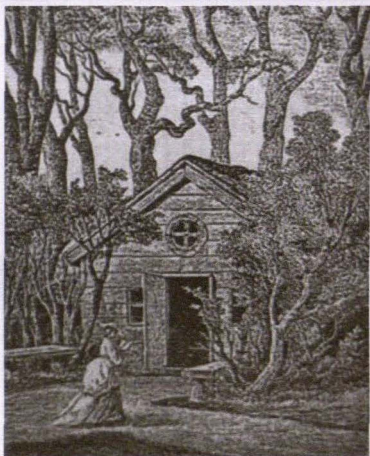
И.Я. Яковлев

Ф.М. Керенский

«Письма русского путешественника» Н.М. Карамзин

Беседка, посвященная
«Бедной Лизе»,
недалеко от Симонова
монастыря

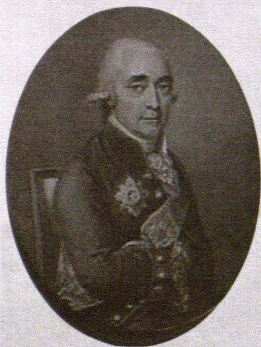
Симонов монастырь

К.Н. Батюшков

А.С. Грибоедов

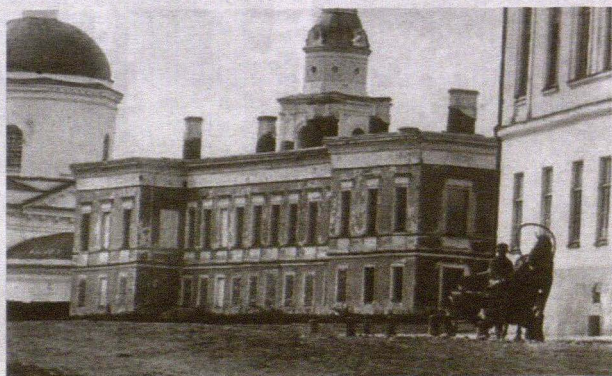
Ю.А. Нелединский-
Мелецкий

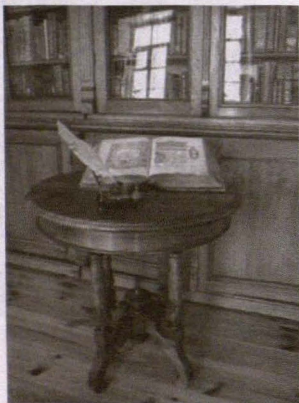
М.Ю. Лермонтов

Здание присутственных мест

Дом Пустынникова

Музей «Карамзинская общественная библиотека»

Памятник Н.М. Карамзину
в Остафьево

Могилы Н.М. Карамзина и
Е.А. Карамзиной

УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Аксаков Степан Тимофеевич (1791 – 1859) – известный писатель, мемуарист, театральный критик, журналист.

Аксаков Николай Тимофеевич (1797 – 1882) – брат писателя, губернский предводитель дворянства, владелец крупной библиотеки, причастен к литературным кругам Москвы и Петербурга.

Александр I Павлович (1777 – 1825) – император России в 1801 – 1825 годах.

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843 – 1889) – гениальный актер, создатель Пушкинского театра в Москве, автор книги «На Волге».

Анисимов Степан Леонтьевич (? – после 1845) – «монументальный мастер», заготовивший в Финляндии гранитные камни для пьедестала памятника Карамзину. Он же произвел и установку памятника в Симбирске.

Анненков Павел Васильевич (1812 – 1887) – прозаик, критик, бытописатель симбирского края, первый ученый-пушкинист; автор литературных

воспоминаний, дарил книги Карамзинской общественной библиотеке.

Аржевитинов Иван Семенович (1792 – 1848) – двоюродный брат А. И. Тургенева, майор в отставке, инвалид Отечественной войны 1812 г., один из инициаторов сооружения памятника историографу в Симбирске.

Ауновский Владимир Александрович (1835 – 1875) – инспектор симбирской классической гимназии, редактор краеведческого сборника с биографическим очерком об историографе.

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737 – 1814) – управляющий московским архивом Коллегии иностранных дел, автор труда «Обзор внешних сношений России».

Баратаев (Бараташвили) Михаил Петрович (1784 – 1856) – симбирский губернский предводитель дворянства, масон, поэт, ученый–нумизмат.

Батюшков Константин Николаевич (1787 – 1858) – известный поэт, активный участник Отечественной войны 1821 года.

Баюшев Василий Иванович (1818 – 1885) – князь, помещик, мемуарист, симбирский краевед.

Бекетов Платон Петрович (1761 – 1836) – товарищ Н. М. Карамзина по пансиону Шадена, иконограф, издатель.

Бенардаки Дмитрий Егорович (1799 – 1870) – поручик российской армии, предприниматель–

миллионер, основатель судостроительного завода в Сормово, прототип Костанжогло в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя.

Бенземан Иван Адольфович (1815 – 1860) – академик архитектуры, автор проектов зданий Дворянского собрания в Симбирске и гимназического пансиона.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783 – 1844) – граф, глава жандармского корпуса.

Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович (1797 – 1837) – писатель, литературный критик, издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманахов «Полярная звезда» и «Звездочка», декабрист.

Бестужев Андрей Васильевич (1780 – 1840) – управляющий Симбирской удельной конторой, участник подписки на памятник историографу.

Блохинцев Александр Николаевич (1912 – 1994) – участник Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., автор статей на краеведческие темы, почетный гражданин Ульяновской области.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785 – 1864) – один из учредителей литературного общества «Арзамас», издатель 12-го тома «Истории государства Российского», министр внутренних дел, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину в Симбирске.

Болтин Иван Никитич (1735 – 1792) – генерал-майор, член Российской академии, автор двухтомника «Примечания на историю древния и ны-

нешняя Россия г. Леклерка» и других трудов по истории Руси.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789 – 1859) – писатель, журналист, редактор «Северного архива» и других изданий, автор воспоминаний о Н.М. Карамзине.

Булдаков Николай Михайлович (1802 – 1849) – симбирский губернатор, руководитель торжеств по случаю открытия памятника Н. М. Карамзину.

Булич Николай Иванович (1824 – 1895) – профессор Казанского университета, автор очерка о Н.М. Карамзине, прочитанного в Симбирске в связи со столетним юбилеем историографа.

Валуев Александр Дмитриевич (1780 – 1840-е) – капитан-лейтенант, свояк поэта Н. Языкова, активный участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Вяземский Андрей Иванович (1760 – 1807) – князь, владелец имения Остафьево, тесть Н.М. Карамзина.

Вяземский Петр Андреевич (1792 – 1878) – князь, сводный брат Е.А. Карамзиной, поэт и литературный критик, участник подписки на памятник историографу в Симбирске.

Гальберг Самуил Иванович (1787 – 1839) – профессор скульптуры, автор памятника историографу в Симбирске.

Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852) –

великий писатель, участник подписки на симбирский памятник историографу.

Голубков Николай Васильевич (1844 – 1900–е) – механик–самоучка, изготовитель чугунной ограды вокруг Карамзинского сквера.

Гончаров Иван Александрович (1812 – 1891) – великий писатель, с юношеских лет преклонявшийся перед гуманизмом Н.М. Карамзина, подаривший более 900 книг и журналов Карамзинской общественной библиотеке.

Гончаров Николай Александрович (1808 – 1873) – старший брат романиста, активный член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Давыдов Денис Васильевич (1784 – 1839) – герой Отечественной войны 1812 года, поэт, военный писатель.

Даль (псевдоним Казак Луганский) Владимир Иванович (1801 – 1872) – автор «Толкового словаря живого великорусского языка».

Дмитриев Александр Иванович (1759 – 1798) – старший брат баснописца, поэт, друживший с Н.М. Карамзиным и сотрудничавший в его изданиях.

Дмитриев Иван Иванович (1760 – 1837) – свойственник и друг Н.М. Карамзина, его верный единомышленник, выдающийся поэт–баснописец, автор известных мемуаров, участник подписки на памятник Карамзину в Симбирске.

Дмитриев Михаил Александрович (1796 – 1866)

– писатель, неоднократно жертвовал деньги и книги Карамзинской общественной библиотеке.

Долгоруков Алексей Алексеевич (1770–е – после 1824) – князь, в 1808–1814 годах – симбирский губернатор.

Екатерина II Алексеевна (1729 – 1796) – императрица России.

Ермолов Александр Федорович (1743 – 1819) – симбирский губернский предводитель дворянства, дед Н. М. Языкова, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Жиркевич Иван Семенович (1789 – 1848) – симбирский губернатор, организатор сбора средств на сооружение памятника Н. М. Карамзину.

Жуковский Василий Андреевич (1796 – 1852) – выдающийся поэт, переводчик; при посещении Симбирска зарисовал симбирский Новый Венец и некоторые здания на нём.

Загряжский Александр Михайлович (1796 – 1883) – симбирский губернатор, председатель комитета в 1833 году по созданию памятника историографу.

Иванов Антон Андреевич (1815 – 1848) – скульптор, ученик академика С. Гальберга, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Ивашев Василий Петрович (1797 – 1840) – ротмистр, декабрист.

Ивашев Петр Никифорович (1767 – 1838) –

генерал-майор, сподвижник Суворова, отец декабриста, один из инициаторов создания в Симбирске общественной библиотеки в память историографа.

Ишерский Иван Владимирович (1845 – 1918) – директор народных училищ губернии, член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Каподистриа Иван Антонович (1776 – 1831) – граф, возглавлял Коллегию иностранных дел, помогал историографу в получении древних рукописей.

Карамзин Александр Михайлович (1770 – 1850-е) – сводный брат историографа по отцу, гвардии прапорщик.

Карамзин Александр Николаевич (1815 – 1888) – сын историографа, юрист, поэт, участвовал 22 – 23 августа 1845 года в открытии памятника отцу в Симбирске, почетный член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Карамзин Андрей Николаевич (1814 – 1854) – сын историографа, юрист, участвовал 22 – 23 августа 1845 года в торжествах при открытии памятника отцу в Симбирске.

Карамзин Василий Михайлович (1750-е – 1827) – любимый старший брат историографа, губернский прокурор, видный общественный деятель Симбирска.

Карамзин Владимир Николаевич (1819 – 1879) – сын историографа, сенатор, почетный член комитета Карамзинской общественной библиотеки; на

пожертвованные им 125 тысяч рублей симбирское губернское земство создало психоневрологическую больницу в память Н.М. Карамзина.

Карамзин Егор Петрович (1669 – 1763) – дед историографа, полковник, основатель сельца Знаменское в Симбирском уезде.

Карамзин Михаил Егорович (ок. 1720 – 1782) – отец историографа, капитан, владелец особняка в северной части Симбирского Венца.

Карамзин Федор Михайлович (? – ?) – брат историографа, капитан, владелец части родового имения.

Карамзина Авдотья Гавриловна (? – ?) – мачеха Н. М. Карамзина, тетка И. И. Дмитриева.

Карамзина Аврора Карловна (1808 – 1902) – жена Андрея Карамзина, изготовившая на нижнетагильском заводе металлическую ограду для ограждения памятника Н.М. Карамзину.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780 – 1851) – вторая жена историографа, его помощница в работе над «Историей государства Российского».

Карамзина Екатерина Николаевна (1806 – 1867) – дочь историографа, по мужу княгиня Мещерская.

Карамзина Екатерина Петровна (ок.1730 – 1769), урожденная Пазухина – мать историографа.

Карамзина Елизавета Ивановна (1770-е – 1802), урожденная Протасова – первая супруга Н.М. Карамзина.

Карамзина Марфа Михайловна (1770–е – 1810) – сестра историографа.

Карамзина Софья Николаевна (1802 – 1856) – дочь историографа, близкая знакомая А. Пушкина, М. Лермонтова и других литераторов Петербурга.

Киндяков Александр Львович (1805 – 1884) – майор, владелец сельца Киндяковка, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Климченко Константин Михайлович (1816 – 1849) – скульптор, ученик С. Гальберга, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Клодт Петр Карлович (1805 – 1867) – барон, скульптор и модельер. Отлил статую Клио, бюст Н.М. Карамзина и барельефы для симбирского памятника историографу.

Колюбакин Иван Васильевич (? – ?) – с 1783 года владел в Симбирске книжной лавкой, основанной Н.И. Новиковым.

Котовщиков Евгений Степанович (1840 – после 1910) – директор классической гимназии, автор очерка «Пятидесятилетнее существование Симбирской общественной библиотеки».

Крылов Иван Андреевич (1768 – 1844) – баснописец, драматург, участник подписки на симбирский памятник историографу.

Кушников Александр Сергеевич (? – ?) – сын старшей сестры Н.М. Карамзина.

Кушников Сергей Сергеевич (1765 – 1839) –

сын старшей сестры Н.М. Карамзина, адъютант А.В. Суворова, член Государственного Совета, участник подписки на памятник историографу в Симбирске.

Лабзин Александр Федорович (1766 – 1825) – вице-президент Академии художеств, масон, отбывал ссылку в Симбирске, где и скончался.

Лаффатер Иоганн-Каспар (1740 – 1826) – швейцарский философ, с которым Н.М. Карамзин вёл переписку и встречался в Лозанне.

Лизогуб Иван Николаевич (1800-е – 1840-е) – симбирский архитектор, автор проекта общественной библиотеки в память Н.М. Карамзина.

Малиновский Алексей Федорович (1760–1840) – начальник Московского архива министерства иностранных дел, писатель, переводчик: оказывал большую помощь историографу в получении древних рукописей.

Масленицкий Тимофей Григорьевич (1745 – после 1801) – выдающийся военный инженер, директор училищ Симбирской губернии, автор «Топографического описания Симбирского наместничества».

Мартынов Павел Любимович (1847 – 1921) – автор сборников «Город Симбирск за 250 лет его существования» и «Селения Симбирского уезда».

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835 – 1889) – известный поэт-сатирик и переводчик; неоднократно

дарил свои произведения Карамзинской общественной библиотеке.

Минаев Дмитрий Иванович (1807 – 1876) – подполковник, автор перевода «Слова о полку Игореве»; это и другие свои произведения дарил Карамзинской общественной библиотеке.

Мордвинов Николай Семенович (1754 – 1845) – адмирал, член Государственного совета, член Российской академии.

Муравьев Михаил Никитич (1757 – 1807) – один из воспитателей императора Александра I, писатель, друг и покровитель Н.М. Карамзина, государственный деятель, поэт, отец декабристов.

Назарьев Валериан Никанорович (1830 – 1902) – земский деятель, писатель, соратник И. Н. Ульянова, член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Нестор – древнерусский писатель, летописец 11-го – начала 12 веков, монах Киево-Печерского монастыря.

Никитина Нина Ивановна (1922 – 2002) – заведующая краеведческим отделом Ульяновской областной библиотеки им. В. И. Ленина, заслуженный работник культуры России, почетный гражданин Ульяновской области.

Николай I Павлович (1796 – 1855) – император России.

Ниротморцев Евгений Дмитриевич (1820 – 1869) – внук В.М. Карамзина; пожертвовал в 1868 году

Карамзинской общественной библиотеке портрет своего деда.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752 – 1829) – поэт, сенатор, общественный деятель.

Новиков Николай Иванович (1744 – 1818) – отставной поручик, просветитель, писатель, журналист, издатель, организатор Типографской компании и сети книжных магазинов.

Норов Авраам Сергеевич (1795 – 1869) – писатель, министр просвещения, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Одоевский Владимир Федорович (1808 – 1869) – князь, писатель, критик, композитор–дилетант.

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804 – 1877) – поэт, переводчик, этнограф, участник открытия памятника историографу; неоднократно дарил литературу Карамзинской общественной библиотеке.

Петров Александр Андреевич (? – ?) – соратник Н. Новикова, писатель, близкий друг Н.М. Карамзина.

Плетнев Петр Александрович (1790 – 1865) – профессор, ректор Петербургского университета, издатель «Современника», участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Плещеев Алексей Александрович (? – 1809) – секунд-майор, орловский помещик, друг Н.М. Карамзина; в его имении Знаменское несколько лет жил и творил Н. М. Карамзин.

Погодин Михаил Петрович (1800 – 1875) –

историк, профессор Московского университета, издатель «Московского вестника».

Поливанов Владимир Николаевич (1849 – 1915) – археолог, этнограф, губернский предводитель дворянства, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки, инициатор возрождения села Знаменское, Карамзино тож, в 1900-х годах.

Пугачев Емельян Иванович (1740 – 1775) – вождь крестьянского восстания 1773 – 1775 годов.

Пустынников (он же – Мясников–Пустынников) Иван Семенович (1710 – 1780) – симбирский купец, уральский горнозаводчик.

Пушкарев Иван Ильич (1808 – 1848) – историк, автор «Историко-географического описания городов Симбирской губернии» (СПб., 1837).

Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837) – величайший поэт России, близкий знакомый семьи историографа, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину, в Симбирске.

Пушкин Василий Львович (1770 – 1830) – поэт, дядя А.С. Пушкина, сотрудник в изданиях Н.М. Карамзина.

Рамазанов Николай Александрович (1818 – 1865) – скульптор, ученик С. Гальберга, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Румянцев Сергей Петрович (1755 – 1838) – граф, канцлер, оказывавший помощь историографу.

Рылеев Кондратий Федорович (1795 – 1826) – поэт, издатель альманаха «Полярная звезда», декабрист.

Рычков Петр Иванович (1712 – 1777) – географ, экономист, исследователь Симбирского Поволжья, член–корреспондент Петербургской академии наук.

Садовников Дмитрий Николаевич (1847 – 1883) – известный поэт–симбирянин, фольклорист, литературный критик, мемуарист, автор известной песни «Из-за острова на стрежень».

Северин Дмитрий Петрович (1792 – 1865) – чиновник Коллегии иностранных дел, близкий знакомый семьи Карамзиных.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799 – 1874) – дипломат, мемуарист, родственник Н. М. Языкова.

Сербинович Константин Степанович (1797 – 1874) – государственный деятель, помощник Н.М. Карамзина, участник подготовки 12 тома «Истории государства Российского» к печати.

Сиповский Василий Васильевич (1872 – 1930) – литературовед и педагог, защитил магистерскую диссертацию «Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника».

Сленин Иван Васильевич (1789 – 1836) – книгопродавец, издатель «Истории государства Российского».

Ставассер Петр Андреевич (1816 – 1850) – скульптор, ученик С. Гальберга, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Старчевский Альберт Викентьевич (1818 – 1891) – историк, лингвист, писатель, автор исследования «Николай Михайлович Карамзин».

Столыпин Александр Алексеевич (1774 – 1846) – адъютант А.В. Суворова, дядя М. Лермонтова, один из инициаторов сооружения в Симбирске памятника историографу.

Сырейщиков Семен Дмитриевич (? – ?) – московский купец-библиофил, пожертвовавший Карамзинской общественной библиотеке ценную коллекцию книг.

Сукайло Вячеслав Анатольевич (1949 – 2012) – краевед, автор библиографического указателя «Н.М. Карамзин», а также статей о предках историографа и месте его рождения.

Татаринов Александр Ильич (1785 – 1840-е) – председатель симбирской гражданской палаты, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Татищев Василий Никитич (1686 – 1750) – государственный деятель, автор «Истории Российской с самых древнейших времен».

Тон Александр Андреевич (1790 – 1858) – скульптор, автор пьедестала памятника Н.М. Карамзину в Симбирске.

Тургенев Александр Иванович (1784 – 1845) – общественный и государственный деятель, археограф, литератор, член общества «Арзамас», оказывал

большую помощь Н.М. Карамзину в получении летописных материалов.

Тургенев Андрей Иванович (178 – 1803) – старший из братьев, поэт, ближайший друг В.А. Жуковского, любитель симбирского театра.

Тургенев Иван Петрович (1752 – 1801) – известный масон, друг Новикова, директор Московского университета; оказал большую помощь Николаю Карамзину в начале его литературной деятельности.

Тургенев Николай Иванович (1789 – 1871) – историк, писатель–экономист, основатель и идеолог декабристских обществ, основоположник финансовой науки России.

Тургенев Сергей Иванович (1792 – 1827) – дипломат, знакомый А.С. Пушкина, по своим взглядам был близок к декабристам.

Уваров Сергей Семенович (1786 – 1855) – граф, президент Петербургской Академии наук, член литературного общества «Арзамас», министр просвещения.

Ульянов Илья Николаевич (1831 – 1886) – директор народных училищ Симбирской губернии, член комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1877 – 1886 годах.

Херасков Михаил Матвеевич (1733 – 1807) – поэт и драматург, попечитель Московского университета, близкий знакомы Н.М. Карамзина и его семьи.

Хованский Юрий Сергеевич (1806 – 1868) – князь,

муж сестры декабриста В.П. Ивашева, участник подписки на памятник Н.М. Карамзину.

Черников Василий Васильевич (1821 – 1885) – владелец типографии, создатель нотного отдела в Карамзинской общественной библиотеке.

Шаден Иоганн Матиас (1731 – 1797) – профессор Московского университета, ректор университетской гимназии, содержатель пансиона.

Шишков Александр Семенович (1754 – 1841) – адмирал, писатель, президент Российской академии.

Шлецер Август Людвиг (1735 – 1809) – немецкий историк, работал в России, академик.

Щербатов Михаил Михайлович (1733 – 1790) – князь, историк и публицист, автор «Истории России с древнейших времен».

Юнг Эдвард (1683 – 1765) – английский поэт, творчеством которого в юности увлекался Николай Карамзин.

Юрлов Александр Иванович (1793 – 1885) – ветеран Отечественной войны 1812 года, поручик, участник подписки на памятник историографу.

Юрлов Аполлон Иванович (1800 – после 1840) – подпоручик, участник подписки на памятник историографу.

Языков Александр Михайлович (1799 – 1874) – брат поэта, видный общественный деятель Симбирска, участник подписки на памятник истори-

ографу, почетный член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Языков Александр Петрович (1831 – 1896) – сын П.М. Языкова, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1866 – 1871 и 1881 – 1896 годах.

Языков Василий Петрович (1829 – 1890) – сын П.М. Языкова, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1861 – 1866 годах.

Языков Михаил Петрович (1774 – 1819) – отец поэта Николая Языкова, основатель родового имения село Языково.

Языков Николай Александрович (1835 – 1881) – сын А. М. Языкова, председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1871–1881 годах.

Языков Николай Михайлович (1803 – 1846) – выдающийся поэт, инициатор сооружения в Симбирске памятника историографу и создания Карамзинской общественной библиотеки.

Языков Николай Николаевич (1860 – ?) – сын Н.А. Языкова, член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Языков Павел Александрович (1840 – 1890-е) – сын А.М. Языкова, член комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1881 – 1889 годах.

Языков Петр Михайлович (1798 – 1852) – брат поэта, геолог, горный инженер, видный общественный деятель Симбирска, инициатор со-

оружия в Симбирске памятника историографу, первый председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Языков Юрий Николаевич (1870 – 1910) – сын Н.А. Языкова. член комитета Карамзинской общественной библиотеки в 1894 – 1896 годах.

Языкова (урожденная княжна Гагарина) Александра Ивановна (1834 – 1886) – жена А.П. Языкова, почетный член комитета Карамзинской общественной библиотеки.

Языкова (урожденная Ивашева) Елизавета Петровна (1805 – 1848) – жена П.М. Языкова., сестра декабриста В.П. Ивашева.

Языкова Прасковья Михайловна (1807 – 1850) – сестра поэта, вместе с мужем П.А. Бестужевым участвовала в сборе фольклора.

Яровой Александр Павлович (1831 – 1878) – ученый-землемер, общественный деятель, автор очерка «Н.М. Карамзин», опубликованного в 1868 году в «Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии».

ПУБЛИКАЦИИ Ж. ТРОФИМОВА О Н.М. КАРАМЗИНЕ

1. Вопреки благородным побуждениям. К истории увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске. Ульяновская правда, 1984, 19 августа.
2. О памятнике Карамзину. Известное и неизвестное. Ульяновская правда, 1990, 20, 23, 26, 30 сентября. 4, 7, 16 октября.
3. Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное. М.: «Россия молодая», 1992, 39 с., илл.
4. Симбирская Карамзинская библиотека. Исторический очерк. М.: «Россия молодая», 1992, 47 с., илл.
5. О месте рождения Н.М. Карамзина. Ульяновская правда, 1994, 24, 31 мая.
6. Дом Карамзина. Ульяновская правда, 1994, 8 июня.
7. Карамзину, историку государства Российского. Памятники Отечества. М., 1995, № 34 (3-4), с. 150-156.
8. О памятнике Карамзину. Ульяновская правда, 1996, 19 сентября.
9. Карамзину, историку государства Российского.

Памятники Отечества. М., 1998, вып. 41, ч. 1, с. 10-20.

10. Карамзин и родной край. Апрель жизни. Ульяновская правда, 1998, 23 мая.

11. К истории памятника Карамзину. 1998, 4 июня.

12. Н.М. Карамзин и родной край. Зрелость и мастерство. Ульяновская правда. 1998, 25 июля.

13. Н.М. Языков и Н.М. Карамзин. Ульяновская правда, 2001, 15, 22 декабря. 2002, 5 января.

14. Под знаком Карамзинского юбилея. – В книге «Жил и умер джентльменом-поэтом». Ульяновск, 2005, с 117-130.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора _____	5
Глава 1. Род и предки _____	15
Глава 2. О месте рождения _____	24
Глава 3. Дом Карамзиных _____	47
Глава 4. Апрель жизни _____	58
Глава 5. Зрелость и мастерство _____	76
Глава 6. Дорога в храм истории _____	94
Глава 7. Так творились тома «Истории...» _____	105
Глава 8. Памятник Н. М.Карамзину _____	142
Глава 9. Вопреки благородным побуждениям _____	174
Глава 10. России дар – в хвалу Карамзина _____	192
Глава 11. Языковский венок Карамзину _____	218
Глава 12. Родные историографа – Симбирску _____	227
Приложение _____	239
Заключение _____	246
Иллюстрации _____	253
Указатель имён _____	281

ТРОФИМОВ
Жорес Александрович

Николай Карамзин
и Симбирск

Поиски, находки, исследования
Книга издана в авторской редакции

Подписано в печать 00.06.2013.
Формат 70х100/32. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ О-312.

Отпечатано в ООО «Мастер Студия».
432071, г. Ульяновск, ул. Марата, 8

Ульяновский филиал
автономной
некоммерческой
образовательной
организации высшего
профессионального
образования

«Международный славянский институт»

Проводит обучение по следующим направлениям:

**Юриспруденция
Экономика
Менеджмент
Психология**

Лицензия выдана бессрочно 16.05.2011 г.
Свидетельство о государственной аккредитации
Серия ВВ № 000155 от 15.12.2009 г.

Справки по тел: 8 (8422) 53-77-77, 751-951
Адрес: 432031, г.Ульяновск, ул. Металлистов, д. 1;
ул.Ленина,86

up 2020

Симбирск в середине XVIII века

